

Омский государственный университет

На правах рукописи

Коротун Ольга Владимировна

ОБРАЗ-КОНЦЕПТ «ВНЕШНИЙ ЧЕЛОВЕК»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Специальность 10. 02. 01 – русский язык

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
профессор М.П. Одинцова

Омск - 2002

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования образа-концепта «внешний человек» как фрагмента русской языковой картины мира	19
1.1. Языковая картина мира в ее отношении к научной картине мира. Концепт как элемент ЯКМ.....	20
1.2. Лингвоантропология о целостном и внешнем человеке в русской ЯКМ.....	27
1.3. Языковой образ-концепт «внешнего человека» в соотнесении с его внеязыковым прототипом.....	30
1.4. Анализ имеющихся лингвистических описаний «внешнего человека» в русском языке.....	38
Выводы.....	44
Глава 2. Семантическое пространство «внешний человек» (на словарном материале)	49
2.1. Краткое изложение теоретических основ современного системного описания семантики языка посредством словарных группировок.....	49
2.2. Структура семантического макрополя «внешний человек».....	56
2.3. Образ-концепт «внешний человек»: ключевое понятие «тело» в семантическом пространстве «внешнего человека». Обозначение экспрессии внешнего человека словами «имидж», «харизма», «сексуальность» в современном русском языке.....	72
2.3.1. «Тело» – ключевое понятие семантического пространства «внешнего человека».....	72

2.3.2. Экспрессия внешности человека и ее современные обозначения.....	80
Выводы.....	84
Глава 3. Наиболее существенные черты языковой концептуализации внешности человека в языковой картине мира и в дискурсивной практике носителей русского языка.....	88
3.1. Образ-концепт «внешний человек» на аксиологической шкале внешних и внутренних качеств человека в их взаимосвязи (черты русского национального внешнего облика человека в языковом воплощении).....	88
3.2. Стереотипные представления о положительно/отрицательно оцениваемой внешности женщин и мужчин и их вербализация (на материале психолингвистического экспериментального исследования).....	101
3.3. Маркеры стереотипных представлений о внешности человека в высказываниях.....	105
Выводы.....	114
Глава 4. Вторичная семиосфера внешнего человека в русской ЯКМ.....	117
4.1. Содержание вторичной семиосферы внешнего человека.....	120
4.2. Семантико-синтаксические модели, характерные для высказываний вторичного означивания внешнего человека.....	126
Выводы.....	136
Заключение.....	138
Список использованной литературы.....	143
Список источников эмпирического материала.....	165
Список сокращений.....	169
Приложение.....	170

Введение

В современной лингвоантропологии поставлена и успешно решается масштабная задача системного и комплексного описания языкового образа человека как особого и центрального фрагмента языковой картины мира (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Е.В. Урысон, В.В. Колесов, М.В. Пименова, М.П. Одинцова, Л.Б. Никитина, Н.А. Седова, Н.Д. Федяева, В.П. Завальников и др.).

Чтобы обосновать выбор объекта и предмета настоящего исследования, выполненного в рамках лингвоантропологии, обратим внимание на то, что языковой образ человека репрезентируется в речи двумя онтологически противопоставленными ипостасями: одна – активный субъект (творец речи-мысли и создатель языковой картины мира), второй – пассивный объект разнообразных речемыслительных характеристик (описаний, оценок, коннотаций и т.п.), интерпретируемый субъектом, плод его интеллектуально-эмоциональной рефлексивно-аналитической деятельности, воплощенный в слове – высказывании – тексте.

«Внешний человек» – одна из таких объектных языковых ипостасей человека, условно отвлекаемая от двух других столь же фундаментальных сущностных объектных характеристик и соотносимая с ними: «человек целостный» и «внутренний человек». Таким образом, **объект** настоящего исследования – те представления о внешности человека – в их диалектической связи с представлениями о внутреннем и целостном человеке, – которые объективированы (манифестированы) семантикой, прагматикой (функционированием) языковых и речевых единиц, структур, композиций, тематически объединяемых общей или частичной характеристикой внешности человека как объекта речи-мысли.

Предмет исследования – собирательный языковой образ-концепт «внешний человек», который обобщает воплощаемые в словесном и текстовом

материале представления носителей русского языка и является их лингвоантропологической моделью-интерпретацией.

Иначе говоря, выделенные нами объект и предмет соотносятся как непосредственно наблюдаемые в речи конкретные несистемные представления (объект) и как добываемое на базе наблюдений над этими представлениями обобщенное, упорядоченное, лингвоантропологически интерпретированное знание – языковой образ-концепт, предназначенное в конечном счете для включения (интеграции) в систему существующих философских, культурологических, эстетических, лингвоантропологических научных знаний о внешнем человеке в его онтологическом единстве с человеком целостным, человеком внутренним и с человеком-субъектом – творцом русской наивной ЯКМ.

Поясним в связи с названным предметом исследования, какой смысл вкладывается нами в термин «образ-концепт»: понятие «концепт» отражает все представления, существующие в сознании носителей языка о каком-либо объекте действительности (и научные, и ненаучные, и донаучные) (Роль человеческого фактора в языке, 1988а; Степанов, 1997; Краткий словарь когнитивных терминов, 1996). Так как наш предмет – образ «внешнего человека» в языковой картине мира, то главное в содержании исследуемого концепта – его наивность, ненаучность. Наивную языковую картину мира от научной, как отмечают многие теоретики, отличают такие качества, как образность, оценочность, стереотипность, богатство ассоциаций. В наивной языковой картине мира выделяются условно различаемые образ-концепт целостного, образ-концепт внутреннего и образ-концепт внешнего человека. Таким образом, понятие «образ» в номинации «образ-концепт» является характеризующим, оно подчеркивает наивное, оценочное, ассоциативное в концепте.

Образ-концепт «внешний человек» в сознании и языке характеризуется особыми чертами концептуализации. Категориальный языковой характер из этих черт имеют, как будет показано далее – в исследовательских главах диссертации,

– оценочность, стереотипность, образность, семантика вторичного означивания (соотносительная с семантикой первичного означивания самой внешности человека как экстралингвистической сущности) и способность замещать обозначения целостного человека в определенных речевых ситуациях. Кроме того, языковой образ внешнего человека представлен в языке как своеобразное обширное семантическое пространство.

Семантическое пространство образа-концепта «внешний человек» в ЯКМ репрезентируется той совокупностью значений языковых единиц, прежде всего номинативных, – их зафиксированных словарных и незафиксированных речевых вариантах, – которые по принципу разнообразных сближений, пересечений, эквивалентностей, со- и противопоставлений образуют некое объемное, системно организованное множество, формирующее и отображающее национальный языковой образ внешности. Часть этих значений принадлежит словарно закреплённой структуре слов, другая часть, – а это оценочно-прагматический, фоново-культурный или индивидуально-психологический тип коннотаций, – создается и актуализируется в определенных коммуникативных ситуациях и соответствующих текстах.

Эмпирическим основанием правомерности специального лингвоантропологического исследования и истолкования внешнего человека являются разные контексты: те, в которых в качестве обозначения элемента внешности используются номинации физических органов, частей тела, движений, изменений тела, и те, в которых употреблены наименования функциональных характеристик внешнего облика человека (например, *манера, поведение, голос*), и те, в которых даны характеристики целостного человека по особенностям всей его внешности, описывается внешний облик в целом:

«Сынуля», например, меньше занят, но он гораздо больше узнаваем за счет характерной внешности: он очень удачно поймал такого рохлю, тряпку (жур.) (целостное восприятие внешности);

У Чижевича черные волосы ежиком, но на затылке просвечивает лысина (Куприн) (характеристика отдельных элементов);

Я сажусь на край скамьи, подальше от него, чтобы не мешать непрерывному движению его рук. Это какой-то танец на месте, необычайно грациозный танец (Одоевцева) (описание движений тела);

Вернемся к С. Доренко. Внешне он здорово изменился. Пополнел. Стал вальяжнее. Эдакий барин, которого все боятся (газ.) (описание изменений внешности);

Когда санки останавливаются, Наденька окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в мое лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык ее выражают крайнее недоумение. И на лице у нее написано: «В чем же дело? Кто произнес те слова?..» (Чехов) (описание внешности как средства означивания явлений внутреннего мира человека – такого рода описания мы относим к явлениям вторичного означивания (номинациям, высказываниям и моделям построения высказываний о внешнем облике человека, что-то сообщающим о других ипостасях человека)).

Теоретическая база описания названных категориальных языковых черт внешнего человека разработана в диссертации на основе идей когнитивно-антропологического направления современной семантики (Арутюнова, 1999; Балли, 1955; Бенвенист, 1974; Потенбня, 1999; Степанов, 1997; Караулов, 1976; Роль человеческого фактора в языке, 1988а, 1988б; Человеческий фактор в языке, 1991а, 1991б, 1992; Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы, 1995; Язык и наука конца XX века, 1995; Язык. Человек. Картина мира, 2000), а также на основе имеющихся описаний лексико-семантических словарных множеств.

Выделенный предмет исследования в его концептуальном, когнитивно-функциональном, аксиологическом содержании относится, как уже было отмечено, к активно исследуемой в рамках современной лингвоантропологии проблематике образа человека в языковой картине мира.

Остановимся подробнее на некоторых теоретических положениях лингвоантропологии, определяющих принятый в настоящем исследовании подход к анализу языкового образа-концепта «внешний человек».

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в виде понятий, концептов, образов, которые формируют совокупность обобщенных «языковленных» представлений человека о мире, т.е. «языковую картину мира». Такие представления существуют у человека и о самом себе, поскольку весь мир создан и отображен в языке «по мерке человека» (А.А. Потебня, Э. Бенвенист, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Н.И. Сукаленко, М.П. Одинцова и др.). В наивном сознании и языке внешний человек, как и целостный человек, многократно расчленен: выделяется множество элементов внешнего облика, эти элементы параметризуются и оцениваются. Восприятие внешнего облика человека сопровождается национально-культурными коннотациями, которые проявляются в языке в своеобразии оценок, стереотипизации, метафоризации.

Объясняются эти явления тем, что в центре внимания субъекта, описывающего объект – человека, находятся те элементы внешности, которые представляются наиболее ценными в данной культуре или ситуации с точки зрения их эстетической, экспрессивной, прагматической и информативной значимости, т.е. с точки зрения тех или иных норм, оценок, а также те особенности внешнего облика, которые позволяют индивидуализировать кого-либо или выделить его среди других по каким-либо особенностям (в разных коммуникативных ситуациях).

Внешний человек, объект мысли и непосредственного восприятия, существующий в реальном пространстве и времени, является для себя и других людей определенным образом структурированной знаковой системой (в отличие от человека внутреннего, скрытого от непосредственного наблюдения и семантизуемого только опосредованно). Интерпретируя человека, данного во внешних, знаковых, формах проявления, говорящий вторично (вербально) означает и обогащает его семантическими ассоциациями и коннотациями,

репрезентируя, проявляя такие свойства внешности человека, как способность выражать, проявлять внутреннего и целостного человека.

Таким образом, внешний облик человека как бы передает свое нефизическое знаковое содержание, свои знаковые смыслы и функции языковому образу-концепту. «Языковые знаки, будучи категориями в онтологическом плане, в свою очередь сами служат категоризации, но уже языковой, посредством которой осуществляется знаковая репрезентация расчлененного мира» (Кравченко, с. 76).

Далее дадим краткий обзор работ, специально посвященных языковым репрезентациям внешнего человека.

Заметим здесь, что языковое отображение внешнего облика человека стало предметом описания специальных словарей: идеографических, тематических, словарей оценок, словарей жестов (В.В. Морковкин, О.С. Баранов, Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.М. Богуславский, Т.В. Бахвалова, Г.Е. Крейдлин, А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина, В.Н. Телия и др.). Образ «внешнего человека» интерпретируется в исследованиях по русской фразеологии (В.А. Маслова), в соматологических описаниях (Н.В. Дмитриук, Ван Эрдон, Г.Х. Алеева, Е.П. Молостова и др.), в работах о портретах персонажей в литературных произведениях (Г.В. Старикова, К.Л.Сизова, Т.В. Гамалей, В.В. Савельева и др.)

В качестве источников идей и материалов предпринятого нами исследования назовем следующие: 1) опыт имеющихся в научной литературе определений онтологических границ внелингвистического объекта «внешний человек» и опыт соответствующего описания семантического пространства «внешний человек», данный в словарях и некоторых специальных лингвистических исследованиях (В.В. Морковкин, О.С. Баранов, В.М. Богуславский, Т.В. Бахвалова, В.А. Маслова и др.). (Добавим, что существует немало лингвистических исследований, не посвященных специально языковому образу внешнего человека, но содержащих материал, наблюдения и выводы о некоторых его существенных чертах (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов,

Ю.Н. Караулов, М.В. Пименова, В.В. Савельева, М.П. Одинцова, Н.А. Седова, Ван Эрдон и др.)); 2) опыт аксиологической интерпретации образа внешнего человека в его связи с внутренним и целостным человеком – в менталитете, искусстве, языке (В.Н. Телия, Н.А. Седова, М.В. Писанова); 3) опыт функционально-стилистической интерпретации этого же объекта, особенно в работах о языке тела, жестов (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Г.Е. Крейдлин). Здесь следует сказать, что многие работы, посвященные языку тела, связи внешнего человека с внутренним и целостным человеком, осуществлены вне рамок лингвистики или лингвоантропологии – в рамках культурологии и психологии (С.Н. Яременко, С.С. Степанов, А. Пиз, М.М. Бахтин, Б.В. Марков и др.). Опыт этих исследований очень важен при интерпретации вторичного означивания сферы внешнего человека в языке и при анализе взаимосвязи языковых образов внешнего, внутреннего и целостного человека в русской ЯКМ.

В то же время необходимо назвать совсем или недостаточно исследованные аспекты языкового отображения внешнего человека в русской ЯКМ, а именно: 1) нет специального словаря и специальных работ о словарном макрополе «внешний человек», исходящих из широкого толкования внелингвистической сферы внешнего человека; 2) недостаточно исследована аксиологическая и стереотипическая проблематика данного языкового образа в ЯКМ; 3) практически не исследовано вторичное означивание сферы «внешнего человека»: нет специальных лингвистических исследований о семиотизации внешнего человека как одного из способов языковой категоризации представлений о человеке.

В соответствии со сказанным выстраивается аналитическая логика настоящего диссертационного исследования: от образа внешнего человека, данного в действительности, к воплощению его в лексических значениях единиц, к образу внешнего человека в его соотношении с образами внутреннего и целостного человека в семантико-синтаксических структурах высказываний и в более или менее развернутых и законченных текстовых описаниях человека с определенными языковыми показателями «связи» образа внешнего человека с

целостным и внутренним человекам, а также с показателями национальной специфики этого образа в определенных стереотипах.

Для моделирования семантического пространства внешнего человека важно учесть, что в семантической структуре слов образно-языковое (наивное) представление о внешнем человеке манифестируется семей «внешний вид», интегрирующей огромное число номинаций различной частеречной принадлежности, тематически (денотативно) сводимых к одному классу объектов действительности, прямо или ассоциативно отражающих денотативный объект «внешний вид человека». В семантической структуре слов и словосочетаний (эквивалентов слова) эта интегральная сема имеет разный статус: она может быть основной, предметной семей, репрезентирующей денотативное и понятийное (сигнификативное) ядро лексемы, или дополнительной (частотной, типичной, узуальной илиokkaциональной, т.е. релятивной и необязательной) к понятийному ядру предметной семы, например, лексема *очки* имеет в понятийном ядре сему «прибор», а ее дополнительная (необязательная) сема – «элемент внешнего облика»: *Солнцезащитные очки. Очки с толстыми линзами; Тебе очень идут эти очки!; Девушка в очках, подойдите ко мне*; лексема *лицо* имеет понятийное ядро «передняя часть головы человека», а дополнительной ее семей является «элемент наружного вида человека»: *У него красивое лицо; Что она сделала со своим лицом?; Она лежала лицом вверх.*

Таким образом, все сказанное является обоснованием задачи моделирования наивного образа-концепта «внешний человек» в языковой картине мира. В качестве исходного принципа при построении языкового образа-модели внешнего человека нами признается факт присутствия в наивном языковом сознании субъективно-психологического, мифопоэтического, образного, аксиологического начал.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется, во-первых, общелингвистической значимостью системного и многоаспектного изучения всех способов и средств языкового воплощения человека в языковой

картине мира, в том числе однословных и неоднословных, свободных и фразеологических номинаций внешнего человека и высказываний о нем, с опорой на идеи и положения когнитивно-антропологического и коммуникативно-прагматического направлений в современной теоретической лингвистике, во-вторых, отсутствием специальных многоплановых обобщающих работ об образе-концепте внешнего человека в русском языке на материале устно-разговорной, художественной, публицистической речи, а также на материале имеющихся словарей русского языка.

Цель исследования – обобщающее описание «внешнего человека» как языкового образа-концепта русской ЯКМ в его наиболее существенных для наивного сознания аспектах (их конкретизацию см. далее).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) проанализировать теоретические сведения об образе целостного и внешнего человека, имеющиеся в различных источниках, в свете идей и подходов лингвоантропологии;

2) сформулировать проблематику комплексного лингвоантропологического исследования образа-концепта «внешний человек» в русской языковой картине мира;

3) очертить и структурировать семантическое пространство «внешний человек» по данным словарей и речи: определить границы, состав, внутренние семантические связи семантического макрополя «внешний человек» в русском языке на основе установления связей групп и элементов в данном семантическом макрополе по сходству и по смежности;

4) представить характерную для национально-культурного сознания русского человека шкалу оценок внешности человека в ее различных языковых значениях и проявлениях: проследить эволюцию представлений о положительно / отрицательно оцениваемой внешности человека на основе источников фольклора, литературы, современных жанров и экспериментального анкетирования; на основе семантико-синтаксического

анализа высказываний о внешности человека выявить наиболее частотные эксплицитные показатели стереотипных оценок;

5) охарактеризовать внелингвистическую семиосферу внешнего человека в языковом воплощении, в частности описать центральную составляющую образа-концепта «внешний человек» – «тело человека» – в его соотношении с образом целостного и внутреннего человека, с тем чтобы выявить и описать языковые средства, репрезентирующие эту семиосферу, прежде всего те из них, которые объективируют наиболее значимые детали внешнего облика человека в единстве с внутренним миром человека с точки зрения наивного носителя русского языка.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Образ-концепт «внешний человек» впервые представлен как предмет и результат комплексного лингвоантропологического исследования; выделены и исследованы наиболее существенные аспекты и свойства концептуализации внешнего человека в русском языке в соотнесении с целостным и внутренним человеком; при этом образ-концепт «внешний человек» моделируется с опорой на наивные (обыденные) национально-культурные представления носителей русского языка.

Введена и разработана проблематика аксиологической шкалы, стереотипного и вторичного семиотического интерпретирования человека как самых существенных черт языковой концептуализации внешности человека.

Таким образом, представленное диссертационное исследование является, на наш взгляд, определенным вкладом в современную теорию языкового образа человека (как фрагмента языковой картины мира и вместе с тем как когнитивно-культурологического феномена), манифестируемого и определенными единицами и группами лексико-семантической системы русского языка, и семантико-синтаксическими моделями, и условиями употребления элементов этой системы.

Материал исследования сконцентрирован в картотеке, включающей 4500 высказываний, содержащих номинации внешнего человека. Это речевые фрагменты из произведений устного народного творчества, русской художественной литературы XIX и XX веков, из периодической печати (газет и

журналов), в том числе из объявлений о знакомстве, научно-популярных текстов, из естественных бытовых диалогов и их имитации в киноискусстве, радио- и телепередачах, услышанных автором исследования; привлечены воспроизводимые высказывания: пословицы и поговорки русского народа и фразеологические единицы русского языка. Материал исследования включает также выборку номинаций внешнего человека из толковых словарей, словарей синонимов и антонимов, идеографических и тематических словарей современного русского языка.

Иллюстративный речевой материал диссертации стилистически разнообразен: в картотеку вошли высказывания разговорного (в том числе жаргонизированной и диалектной разговорной речи), художественного, научно-популярного, официально-делового и публицистического стилей русского языка.

Весь материал рассматривается в синхронном аспекте.

Методика исследования: основной метод – когнитивно-антропологическая интерпретация множества наивных представлений носителей языка о внешнем человеке, воплощенных в языковых единицах, структурах, речевых произведениях (текстах). Этот метод реализуется в совокупности частных методик (приемов): 1) в методике компонентного анализа (она используется для выявления семантических компонентов (сем) в составе лексических значений номинаций внешнего человека); 2) в системно-описательной методике (используется при парадигматическом и синтагматическом описании номинаций, отнесенных к семантическому макрополю «внешний человек»); 3) в контекстологическом (дистрибутивном) анализе (используется в процессе семантико-прагматического анализа высказываний, содержащих номинации внешнего человека); 4) в методике экстралингвистического обоснования границ и параметров исследуемого объекта, посредством анкетирования и эксперимента (используется для выявления мужских и женских стереотипов восприятия внешнего облика человека); 5) в методике когнитивно-лингвокультурологического объяснения

языковых фактов (используется при формулировании понятия «внешний человек» и в процессе комментирования иллюстративного материала).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке понятия языкового образа-концепта «внешний человек» и формулировании принципов, подходов к его комплексному описанию на базе идей современной семантики, в частности в русле ее когнитивно-антропологического направления. Языковой образ человека, в том числе внешнего человека, интерпретируется нами как наивный: его содержание имеет субъективно-психологическое, аксиологическое, национально-культурное, мифопоэтическое внелингвистическое обоснование.

В диссертации представлен результат межуровневого многоаспектного исследования образа-концепта «внешний человек» в русском языке. Выявлены основные черты полевой организации лексем и их эквивалентов, входящих в макрополе «внешний человек», очерчено, таким образом, лексико-семантическое пространство «внешний человек» в русской ЯКМ. Разработана проблематика аксиологического, стереотипного и семиотического как своеобразных категориальных черт концептуализации внешности человека в языковой картине мира: исследована репрезентация гендерных и национальных оценок-стереотипов «внешнего человека», интерпретирована его вторичная семиосфера, соотносенная в ментальности и языке с целостным и внутренним человеком и отображающая семиотические, коммуникативные, социально-психологические черты реальной внешности человека.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что содержащийся в ней фактический материал и его научное описание могут быть использованы в сопоставительных исследованиях разных языков с точки зрения их национально-культурных особенностей, в частности при моделировании языковых образов-концептов целостного, внутреннего и внешнего человека. Материал и выводы исследования имеют значение для лексикографической практики, т.к. они могут быть использованы при создании идеографических и тематических словарей сферы человека. Развиваемые в работе идеи и

анализируемый материал целесообразно использовать при разработке спецкурсов и составлении учебных пособий семантико-прагматического, лингвокультурологического, концептуально-когнитивного содержания как для вузов, так и для школы.

Основные положения диссертации **апробированы** на региональной научно-практической конференции «Славянские чтения» (Омск, 1999), Всероссийских научных конференциях «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2000), «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2000), «Язык. Человек. Картина мира» (Омск, 2000), Всероссийской научно-практической конференции «Духовные истоки современной письменной культуры» (Тюмень, 2000), Международной научно-практической конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2001), на заседаниях кафедры русского языка ОмГУ (1998 – 2002).

Исследование имеет следующую **структуру** и **объем**. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников эмпирического материала, списка сокращений, приложения. Основной текст изложен на 142 страницах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ-концепт «внешний человек», будучи производным от глобального языкового образа-концепта «человек», имеет в русской ЯКМ все его базовые свойства: характеризуется наивным реалистическим и мифопоэтическим содержанием, для многих аспектов которого типичны аксиологическая шкала, стереотипизация признаков, семантика вторичного означивания и ассоциативное сходство с образами мира.

2. Семантическое пространство «внешний человек» репрезентируется в лексической системе русского языка лексико-семантическим макрополем «внешний человек». Его своеобразие заключается в том, что оно объединяет лексемы как по сходству, так и по смежности значений, что является обоснованием разграничения лексико-семантического и тематического субполей

в рамках макрополя. Выделенное макрополе межчастеречное, оно имеет сложную и разветвленную внутреннюю структуру, характеризуется многообразными и богатыми парадигматическими, синтагматическими, эпидигматическими связями. В семантическом аспекте его элементы и группировки достаточно ярко и широко отображают как реалистическое, так и мифопоэтическое, в том числе и оценочное, ассоциативно-образное, национально-культурное языковое содержание образа-концепта «внешний человек».

3. Словарно-семантическое пространство «внешний человек» с точки зрения наивного носителя языка структурировано неравномерно: ключевым (центральным) понятием этого пространства является понятие «тело человека», которое характеризуется различными параметрами: временными, социальными, психологическими, интеллектуальными, гендерными – и обладает различными свойствами: физической формой, положением в пространстве, запахом, звуками. Параметры, свойства, части тела человека отображаются в языке лексическими и фразеологическими значениями, реализующимися в различных лексико-семантических сочетаниях и семантико-синтаксических конструкциях. На периферии семантического пространства «внешний человек» находятся сопутствующие и необязательные признаки внешности человека, номинации которых благодаря основному компоненту их значений входят в ядерную зону других семантических пространств (или семантических макрополей), что обуславливает незамкнутость границ языкового образа-концепта «внешний человек» и обеспечивает его функциональную взаимосвязь с другими концептами, что, в свою очередь, позволяет говорить о нем как о составляющей глобального образа-концепта «человек» и вселенского образа мира в ЯКМ.

4. Своеобразие языковой концептуализации внешности человека проявляется в богатом аксиологическом содержании: внешний облик человека является объектом оценивания со стороны воспринимающего и в процессе оценивания постоянно соотносится с внутренними, духовными качествами человека; данное представление закреплено в языке устойчивыми формулами, а

также используется в разных речевых жанрах повседневного общения; представления о внешности человека подвержены стереотипизации, что закрепляется в языковой системе оценок (хорошо / плохо / нейтрально) представителей разных полов и реализуется типовыми синтаксическими конструкциями, содержащими показатели стереотипической закреплённости тех или иных представлений о внешности человека в сознании говорящих.

5. Специфика языкового образа внешнего человека заключается ещё в его многоплановости, которая непосредственно мотивируется отображаемым в лингвистическом объекте, богатством и разнообразием его признаков и функций. Эта специфика обуславливает такую категориальную черту описываемого образа-концепта, как вторичная (вербальная) семиотизация внешнего человека в языковом воплощении, манифестируемая в высказывании специальными предикатами – знаками связи образа внешнего человека с образами внутреннего и целостного человека в высказываниях и текстах.

6. Образно-коннотативные значения концепта «внешний человек» в русской ЯКМ типизированы на основе разнообразных ассоциаций: человек – человек, человек – животное, человек – предмет, человек – растение, человек – инструмент, человек – действие, – что свидетельствует о способности человека – носителя языка – ассоциировать себя, элементы своей внешности, признаки, действия частей тела с другими людьми, предметами, явлениями, живыми существами.

Глава 1. Теоретические основы исследования образа-концепта «внешний человек» как фрагмента русской языковой картины мира

Настоящее исследование относится к тому циклу работ, которые представляют омскую школу лингвоантропологии, в связи с чем уточним границы и предмет лингвоантропологии в современном языкознании, учитывая то, что человек является предметом изучения и других дисциплин. Отметим, что на настоящем этапе развития лингвоантропологии границы этого раздела науки о языке и человеке строго и четко не определены; их можно обозначить такими нетерминологическими определениями, как *человеческий фактор в языке, язык и мир человека, человек в языке, мир человека в языке, язык – человек – картина мира* (Б.А. Серебренников, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.В. Колесов, М.П. Одинцова и др.). Помимо основного термина, предлагается использовать термин *антропосемиология* (Ю.А. Сорокин). Наряду с лингвоантропологией проблемой соотношений языка и мышления, языка и культуры, языка и человека, мышления человека и языковой картины мира, культуры и языковой картины мира и под. занимаются такие смежные дисциплины, как *лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, этногерменевтика, психопоэтика*.

Если иметь в виду антропоцентрически ориентированные лингвистические исследования, то в качестве их главного общего предмета можно обозначить семантическое пространство человека в языке, в которое включается и прагматика, т.к. прагматика семантизована (ср. триаду Ч. Морриса: структура – семантика – прагматика). Иначе говоря, мы исходим из того, что отношение людей к знакам семантизовано, осмысленно, оно определяется миропониманием, культурным опытом человека.

Лингвоантропология – это гипернаправление, которое интегрирует все области современного лингвистического знания с человеком в центре. Конечно,

проблему соотношения человека и языка, человека и культуры, языка и мышления можно исследовать и в отдельно взятых направлениях (в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и т.д., что успешно и осуществляется), но, на наш взгляд, продуктивно и интегративное направление исследовательской мысли, которое (в нашем случае) объединяет разные направления, не исключая ничего из того, что ориентировано антропоцентрически. При таком широком подходе к предмету лингвоантропологии возникает необходимость привлекать знания о человеке, почерпнутые из других наук о человеке: философии, культурологии, психологии, этнологии, эстетики и т.д.

Таким образом, глобальный предмет лингвоантропологии – образ человека в языке в различных его ипостасях, воплощениях, проявлениях, ролях. Образ человека в языковой картине мира – это «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» (Одинцова, 2000, с.8).

Понятия «языковая картина мира», «языковой образ человека» правомерно представлять в качестве когнитивных способов, инструментов познания, исследования того, что и делает язык, по В. Гумбольдту, воплощением «народного духа», народного (национального) мировидения.

1.1. Языковая картина мира в ее отношении к научной картине мира. Концепт как элемент ЯКМ

Проблематика национально-языкового образа человека связана, как уже замечено во введении, с такими понятиями современной лингвоантропологии, как языковая картина мира, языковое мышление, концепт, научные определения которых разрабатываются не только филологами, но и философами, психологами, культурологами, этнографами.

Как отмечают исследователи, и в сознании народов, и в сознании отдельных групп, и в индивидуальном сознании картина мира формируется как глобальный образ мира, который преломлен духовной активностью человека и представляет собой все планы (виды, аспекты) человеческой жизнедеятельности. Под языковой картиной мира многие понимают интегральный национально-культурный образ реальности, совокупность представлений и знаний человека, носителя какого-либо языка, запечатленных и в его сознании, и в языке (Апресян, 1995б, 1995в, Брутян, 1973, Караулов, 1976, Павиленис, 1983, Роль человеческого фактора в языке, 1988а, Колшанский, 1990, Одинцова, 1991, 1994, 2000, Яковлева, 1994, Урысон, 1995, 1998 и др.).

Для понимания природы, статуса национально-языковой картины мира центральным является вопрос о разграничении и соотношении языковой (наивной, обыденной) и так называемой концептуальной (научной) картин мира, соотношении ЯКМ и мировидения человека.

В этой связи можно выделить несколько конкретизирующих вопросов, находящихся в фокусе внимания теоретиков языковой картины мира: 1) в каких взаимоотношениях находятся языковая и концептуальная картины мира: это самостоятельные феномены, или одно существует в другом, или одно порождает другое; 2) что понимать под языковой картиной мира – концептуальную картину мира, закрепленную в структуре языка, и / или «отраженную», вербализованную посредством языка; 3) где проходит та грань, которая отделяет языковую картину мира от концептуальной. В обсуждении этих вопросов приняли участие как философы (Г.И. Брутян, Р.И. Павиленис), культурологи (А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая, В.В. Колесов), так и лингвисты (Г.В. Колшанский, Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, Н.И. Сукаленко и др.). Не ставя перед собой задачу исчерпывающего освещения названных вопросов, акцентируем главное для настоящего исследования.

Многими исследователями признается, что языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической

и др.), она им предшествует и отчасти формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором и на котором закрепляется общественно-исторический, культурный опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Национальный опыт познания мира определяет специфические особенности языка на всех его уровнях (Роль человеческого фактора в языке, 1988а, Арутюнова, 1999, Маслова, 2000).

Для адекватного толкования и исследования своеобразия любой национальной ЯКМ в целом и ее отдельных фрагментов, элементов необходимо признание того факта, что природа любого естественного языка такова, что словесный знак, как отмечал Э. Бенвенист, и «не стремится к абсолютно точному описанию обозначаемого им предмета», «...язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка: в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Бенвенист, с. 15).

Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995б) справедливо подчеркивает донаучный характер языковой картины мира, называя ее «наивной картиной мира». Языковая картина мира в соотношении с научной как бы дополняет объективные знания о реальности, интерпретируя их особым образом. Многие сторонники концепции существования ЯКМ исходят из того, что, изучая семантику знаков и знаковых композиций, можно выявить специфику именно тех когнитивных (мыслительных) моделей, которые определяют своеобразие наивной языковой картины мира. Данный тезис в настоящем исследовании – один из методологически опорных.

Обратим внимание на то, что в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988), открывшей цикл других книг под тем же или слегка видоизмененным названием, ЯКМ рассматривается как часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» (с. 142). Авторы монографии утверждают, что концептуальная картина мира шире, разнообразнее, богаче языковой. Последняя является только частью общей картины мира – ее глубинным пластом (при учете влияния на становление

концептуальной картины мира знаний, облеченных в языковую форму) и ее вершиной (если речь идет о вербализованной части концептуальной картины мира). Иначе говоря, языковая картина мира понимается как та часть концептуальной картины мира, которая включает компоненты, соотнесенные с языковыми значениями. Языковая картина мира при таком понимании предстает как своеобразная система членения мира и форма его категоризации (Булыгина, Шмелев, 1997).

Не абсолютизируя роль ЯКМ в формировании мировидения человека, можно утверждать, что не абсолютно всегда, не жестко и только отчасти ЯКМ формирует тип отношения человека к миру и задает нормы его поведения. Естественный язык отражает, воплощает именно то в мировидении человека, в его отношении к миру, что исторически, национально, культурно детерминировано.

При этом важно отметить, что роль языка состоит прежде всего во внутренней (семантической) организации того, что подлежит сообщению. Для лингвиста это означает, что вся картина мира и ее отдельные фрагменты репрезентируются лексической и фразеологической подсистемами языка, в которых объективируются «ментальные представления» в виде системных полей: семантических, идеографических, тематических, в семантических со- и противопоставленных элементах полей. Стоит подчеркнуть, что лексико-фразеологический уровень, как справедливо отмечают исследователи, по своей природе наиболее тесно связан «как с сознанием, так и с внеязыковой действительностью» (Караулов, 1976, с. 13), т.к. «... каждое семантическое поле... присущим только данному языку способом членит тот кусок действительности, который оно отражает» (Апресян, 1995а, с. 52). Но не только таким (лексико-фразеологическим) способом «коллективные представления» отражены языком. Картина мира, по мнению исследователей, манифестируется и сквозь призму словообразования (Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, Т.В. Вендина), и прагматикой слова и высказывания (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, В.Г. Гак, Е.С. Яковлева), и метафорами, а также другими тропами

(Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Г.Н. Складывшая, Е.Н. Шенделева, Г.И. Резанова), и языковой аксиологией (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, Г.Е. Крейдлин и др.), ЯКМ воплощается грамматическими единицами и категориями, семантикой и строением предложений, а также коммуникативной организацией речи, стилями и жанрами речевого общения как социально-культурными (типизированными) и индивидуальными (личностными) стереотипами речи-мысли, речи-поведения, правилами реагирования на мир, людей, на общественно-историческое развитие.

Исследование картины мира как способа манифестации черт «коллективного мировидения» в языке и языка сквозь призму национальной картины мира позволяет получить представление о функционировании и существовании в сознании носителей языка и в языке особых «сгустков смыслов», или «концептов».

В современном языкознании активно обсуждается проблема определения элементарной единицы языковой картины мира. Предлагается использовать такие понятия, как *образ, архетип, понятие, семантическое слово, представление, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт* (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, И.А. Стернин, З.Д. Попова, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский).

Есть основание для выделения двух главных направлений, в рамках которых происходит осмысление понятия концепта, – когнитивное и культурологическое.

При когнитивном подходе, когда значение слова соотносится прежде всего со всем объемом знаний об обозначаемом, концепт рассматривается в рамках понятий знания и сознания и интерпретируется как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, включающая разноуровневые единицы сознания. В интерпретации такого рода на первый план выступает проблема соотношения языка и сознания (Р. Дженкендорф, Р.И. Павиленис, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин и др.).

В концептуально-культурологическом (или культурологическом) направлении, начало которому было положено в статье русского философа С.А. Аскольдова-Алексеева (1928 г.), концепт рассматривается в контексте

проблемы «язык – сознание – культура» и получает более узкое толкование. В этой традиции концепт трактуется как первичное представление, психоментальное явление, стимулирующее порождение слова, но в центре внимания при этом оказывается метаязык культуры. Концепт признается единицей, «крупницей, зерном» сознания, или менталитета (А. Вежбицка, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, С.Е. Никитина, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов и др.). По определению Ю.С. Степанова, концепт есть своего рода «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... и посредством чего... рядовой человек, не «творец культурных ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее...» (Степанов, с. 70-71, 76, 77).

Таким образом, в названном (втором) направлении постепенно сформировалось представление о концептах как о ментальных сущностях, которые несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. Именно это представление принято в качестве исходного, опорного в настоящем исследовании при определении экстралингвистического содержания понятия о «внешнем человеке».

Понятие «концепт» широко используется при описании семантики языка: значения языковых единиц и выражений приравниваются к воплощенным, объективированным в них концептам; концепт при этом может пониматься как соотношенное со значением слова понятие, а значением слова, в свою очередь, признается концепт, «схваченный знаком» (Краткий словарь когнитивных терминов, с. 93-97). С нашей точки зрения, правомерно лингвистическое толкование концепта как элемента семантической системы языка; при этом само языковое значение может рассматриваться как включающее концептуальные смыслы разного содержания, разной референтной отнесенности в качестве своих компонентов. К таким особым компонентам лексических, фразеологических значений языка и может быть отнесен концепт культурологического содержания «внешний человек».

Процесс языковой концептуализации мира, то есть процесс интерпретации внеязыковой действительности в знаках языка, тесно связан с таким мыслительным процессом, как *категоризация* (Е.С. Кубрякова, А.В. Кравченко). Категоризация воспринятого – это «главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п.» (Кубрякова, с. 25). Категоризация позволяет свести бесконечное многообразие явлений к определенной классификации, к определенным пропорциям, т.е. сама суть категоризации состоит «в членении мира на дискретные сущности и группы таких сущностей» (Кравченко, с. 75).

Категоризация может осуществляться по разным направлениям, в зависимости от того, под какую рубрику опыта подводится явление, объект, процесс и т.п. (КСКТ, с. 42). Результатами такой классификационной деятельности являются, в частности, выявление в окружающем человека мире значимых и значащих сущностей (семиотизация), оценивание человека другим человеком (аксиология), формирование базового, устойчивого культурно-национального представления о предмете или ситуации (стереотипизация) (Е.С. Кубрякова, А.В. Кравченко, Ю.С. Степанов, Ю.А. Сорокин, В. Дорошевский, В.В. Красных). Все названные виды языковой категоризации внеязыковой действительности относятся к интерпретации в языке человека, его внешнего вида, что и принимается нами в качестве исходного, организующего принципа анализа языкового материала как на уровне системы (словаря, грамматики), так и на уровне речи. Категоризация (группировка, типизация) ментальных образований манифестируется в языке всеми семантизованными (имеющими значение) единицами, структурами, прагматикой языка.

1.2. Лингвоантропология

о целостном и внешнем человеке в русской ЯКМ

Языковые образы целостного и внешнего человека в русской ЯКМ характеризуются в лингвоантропологии с разной степенью полноты и расчлененности. Представим обзор имеющихся в данной области описаний.

Анализируя идеографические описания области словаря «Человек» (схема Халлига – Вартбурга, В.В. Макаров, Г.В. Максимова, Р.И. Хашимов, Н.П. Савельева, Х. Геккелер, Й. Трир, Х. Скоммодо, Р. Трухильо, Х. Мешони и др.), Ю.Н. Караулов приходит к выводу, что у большинства исследователей разграничены такие сферы: «Человек как живое существо», «Душа и разум», «Человек как общественное существо», «Социальная организация и социальные институты» (Караулов, с. 39). Заметим, что целостный человек понимается Ю.Н. Карауловым как совокупность физического, интеллектуального, психического и социального, а внешний человек мыслится биологически, одноаспектно: только как совокупность частей и органов тела.

В других описаниях языковой концепт человека мыслится как единство каких-либо двух противопоставленных начал: физического и духовного, эмоционального и интеллектуального, внешнего и внутреннего (Е.В. Урысон, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова). Е.В. Урысон выделяет у человека физические и нефизические составляющие (напр., рука – душа), что, по мнению исследователя, соответствует наивно-анатомической языковой интерпретации человека (Урысон, с. 3-16). Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев характеризуют образ человека в языке как единство материального и идеального, интеллектуального и эмоционального (чувственного). «Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление духа и плоти, второе – как противопоставление сердца (груди) и крови, с одной стороны, и головы и мозга (мозгов) – с другой» (Булыгина, Шмелев, с. 537). Ю.С. Степанов рассматривает образ человека в языке с лингвокультурологической позиции на основе дихотомии внешнее – внутреннее. «Внешнее» обращено к социальному и

материальному миру человека, в соответствии с чем выделяется три естественных параметра: человек в отношении к миру, к себе подобным, к обществу. «Внутренний» человек – это его «внутренний облик, столь же неповторимый, как внешний, но причастный не материальному и социальному миру, а миру духовному, божественной сущности, Богу» (Степанов, с. 581). Таким образом, внешний человек есть физическое воплощение человека, обращенное в материальное и социальное пространство, окружающее человека. По мнению Ю. С. Степанова, концепт «Человек» – наиболее параметризованный из всех культурных констант, что говорит об этом концепте как самом важном в культурном отношении (Степанов, с. 697).

В ряде концепций, рассматривающих человека многоаспектно, выделяется множество параметров, ипостасей, сфер его проявления (Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, Ш. Балли, Ю.Д. Апресян, М.А. Журиная, Г.А. Золотова, М.П. Одинцова и др.).

Так, в интерпретации Ю.Д. Апресяна человек в языке характеризуется как «динамичное, деятельное существо», способное совершать различного рода действия. «Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведает своя система» (Апресян, 1995б, с. 352), которая локализуется в определенном органе. Всего исследователь выделяет восемь основных систем, иерархизованных по степени сложности: физическое восприятие, физиологические состояния, физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия, физические действия и деятельность, желания, мышление и интеллектуальная деятельность, эмоции, речь. Таким образом, Ю.Д. Апресяном человек (фрагмент ЯКМ) охарактеризован как деятельное существо во всем многообразии своих вербализованных динамических проявлений.

Ш. Балли рассматривает человека в языке как совокупность не только физических органов, частей тела, но и предметов и живых существ, связанных с ним так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная (Балли, с. 301).

А.А. Уфимцева соотносит языковой образ человека с несколькими параметрами его проявления: биолого-физиологическими; социальными, являющимися результатом социально-трудовых и родственных отношений; психологическими и эмоциональными (Уфимцева, с. 115).

Предельно широкое толкование языкового образа человека представлено в работах М.П. Одинцовой и ее последователей (Л.Б. Никитиной, Н.А. Седовой, Н.Д. Федяевой и др.). Этот образ включает в себе «всё, что люди о себе и себе подобных знают, воображают и в принципе могут вообразить, ассоциируя себя не только с ближайшей действительностью, но и легко переносясь мыслью в иные, возможные и невозможные, миры, превращаясь мысленно в кого угодно и что угодно обращая в свое подобие» (Одинцова, 1994, с. 73). Человек, по мнению исследователя, являясь частью мира, мыслит себя тождественным ему, поэтому в обыденном сознании и в языковом менталитете человек ассоциируется и соизмеряется со Вселенной, более точно – с центром Вселенной. Сказанное объясняется, по мнению М.П. Одинцовой, тем, что «концепт «человек» в русском языковом сознании... характеризуется не только реалистическим, естественнонаучным содержанием, многократно зафиксированным в лингвистических и энциклопедических словарях, но и целым комплексом отчасти или по большей части мифопоэтических представлений, дополняющих рационалистическое ядро концепта ореолом субъективно-оценочных, образных, экспрессивных смыслов» (Одинцова, 2000, с. 9). Последняя точка зрения представляется наиболее адекватной «мерке человека», по которой создан язык.

Н.Д. Арутюнова, опираясь на факты языка и философские концепции, констатирует, что человек отличается от других объектов своей многосторонностью, что обусловлено множественностью тех миров, в которых живет человек и в которых он играет разные роли. Многочисленная параметризация человека проявляется в его разноименности: так, в русском языке используется немногочисленные общие номинации целостного человека (*лицо, особа, личность, индивид, персона, персонаж, деятель, фигура, субъект,*

существо); но в то же время многочисленные номинации человека по признакам пола, возраста, семейного и служебного положения, по профессии или месту в социальной иерархии. Чрезвычайно внимателен язык к разнообразным ипостасям и признакам «внутреннего человека» и «человека внешнего» (Арутюнова, 1999, с. 5).

Далее остановимся подробнее на аспектах и проблематике имеющихся исследований внешнего человека.

1.3. Языковой образ-концепт «внешнего человека» в соотнесении с его внеязыковым прототипом

Языковой образ-концепт «внешнего человека» соотносится с биологическим, социально-культурным, психологическим вневингвистическим феноменом-прототипом – особым предметно-пространственным **телом**.

Самой существенной характеристикой этого прототипа является его взаимосвязь с духовным (душевным) началом человеческой природы.

Дадим обзор важных для нашего исследования представлений о связи тела и души в гуманитарных науках. Представляется, что в целом характеристики человека учеными-гуманитариями относятся к обыденному типу менталитета (не специфически научному).

В философских исследованиях тело человека рассматривается как тело живое, «одушевленное», как основа душевной жизни человека: тело и душа образуют витальное единство. Для конкретного индивида его собственное тело тоже представляется синтезом телесного и духовного и является центральным объектом переживания, наглядным воплощением его Я, по аналогии с которым он моделирует образ мира (Аристотель, Декарт, Бергсон, Подорога, Хайдеггер, Валери и др.). С другой стороны, некоторыми философами самостоятельно существующими признается либо тело, либо душа: существует лишь душа, т.к. тело есть лишь «мое представление» (Лейбниц, Беркли, отчасти Шопенгауэр), существует только тело в материально-механическом смысле, душа же только

одна из различных его функций (Ламетри, Молешотт); существуют как тело, так и душа: связь между душой и телом осуществляется благодаря функциям шишковидной железы (Декарт), отношения между душой и телом опосредуются чисто душевными процессами (романтизм, идеализм), личность «капсулирована» в теле человека (Налимов, Кон), душа и тело разделены, в душевных порывах проявляется забота Бога о соответствующих движениях тела, и наоборот (Мальбранш, Гейлинкс). Некоторые теории (напр., Л. Клагес) отрицают принципиальное различие души и тела (см. также об этом: Бакшутов, 1998; Рассел, 1993).

М.М. Бахтин различает два телесных канона: тело внутреннее («мое тело») и тело внешнее («тело другого человека»): «наружность должна обымать и содержать в себе и завершать целое души» (Бахтин, с. 33), поэтому «человек в искусстве – цельный человек... мы определили его внешнее тело как эстетически значимый момент и предметный мир как окружение его внешнего тела» (там же). Заклучая в себе, «обывая собой» «внутреннего человека», т.е. человека в его духовной, психологической, эмоциональной, интеллектуальной ипостасях, физическое тело, внешний облик отграничивают «Я» человека, наделяют его индивидуальностью, выявляя личностные качества и свойства человека.

Современные философы, занимающиеся проблемой человека, критически отмечают, что, пытаясь определить человеческую природу, «биологи и медики не обращают внимания на социальные характеристики, гуманитарии упускают из виду, что культурные особенности человека основаны на нейро-биологических механизмах человеческого тела...» (Волков, Поликарпов, с. 445-446). Таким образом, актуальна, на наш взгляд, проблема комплексного рассмотрения природы человека и, в частности, интерпретации тела в соотношении с душой. Полагаем, что и в отношении образа тела в ЯКМ необходим комплексный исследовательский подход.

В культурологических исследованиях рассматривается взаимосвязь человеческого тела и культурных практик, зависимость, изменчивость тела под

влиянием установок культуры, развития цивилизации, типа культуры; тело многоаспектно, т.к. является биологической данностью, но в то же время оно неотделимо от роли человека в обществе, культуре. «Телесность как социокультурный феномен – преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции» (Культурология, С. 464).

Человеческое тело (его части, параметры, характеристики) является, по мнению многих исследователей, одним из объектов живой природы. Как объект природы тело характеризуется изменчивостью своего качества и формы под влиянием волевых установок человека. Желание изменить параметры и качественные характеристики своего тела находится в прямой зависимости от вкусов, «стиля эпохи» (Лихачев, 1970), требований времени. В соответствии с модой, т.е. господствующим вкусом населения в данный момент и объективными требованиями, обусловленными развитием цивилизации, меняются эталоны внешности, и, соответственно, меняется характер и ее эстетического воздействия. Человеческое тело имеет форму, которая облечена в материал.

В связи с тем что человек живет не изолированно, а включен в «социокультурное пространство», его телесность подвергается преобразованию из чисто биологической функции в функцию знаковую, несущую информацию о социальных, культурных, интеллектуальных, профессиональных свойствах человека как объекта и субъекта культуры. Для тела, шире – внешности человека эта знаковость первична, в языке (ЯКМ) мы имеем ее отражение (вторичную семиотизацию). Данный тезис содержит методологическую предпосылку для специального анализа явлений вторичной семиотизации в языке (этот анализ – одна из задач настоящего исследования).

Философ и культуролог Б.В. Марков также отмечает, что цивилизованное тело есть тело «дисциплинированное», т.е. отмеченное знаками и символами, которые производятся средствами массовой информации и читаются людьми.

Это неотъемлемый признак «окультуренного», цивилизованного тела (Марков, с. 13-16).

По мнению С.Н. Яременко, «сущность человека, его индивидуальность определяются не только его внутренними началами – психическими и духовными. Ибо кроме разума, совести, долга и т.п. у человека есть также плоть, голос, походка, мимика, жесты, он облачает свое тело одеждой, надевает на него украшения и т.д.» (Яременко, с. 4). Таким образом, человек реализует себя не только во внутреннем плане, но и во внешнем. В культуре проявляются различные модификации человека «внешнего» – телесного, поведенческого, одетого. Как и М.М. Бахтин, С.Н. Яременко подчеркивает, что «внешность индивида», которая несет самую разнообразную информацию о нем самом, его месте в социальном пространстве, «имеет исключительное значение не только для социального окружения, но и для самого индивида. Ибо утрата каких-либо черт своего внешнего облика может восприниматься индивидом как потеря своей самости, идентичности своего «Я» (Яременко, с. 44).

Необходимо также учитывать точку зрения на тело современной **этнологии**. Ученые, рассматривающие этническую картину человечества, утверждают, что существует бесспорная биологическая реальность фенотипического разнообразия людей, т.е. между людьми имеются физические (телесные) различия (Садохин, Грушевицкая, с. 116). При рассмотрении проблем антропогенеза и расогенеза современная наука исходит из убеждения, что биологически человечество едино, все люди нашей планеты относятся к одному биологическому виду. Но некоторые особенности физического строения людей меняются в зависимости от проживания человека в той или иной части света. Такие особенности, передаваемые по наследству и характерные для больших групп людей, принято называть расовыми признаками. Важнейшими из них этнологи считают следующие: 1) форму носа; 2) третичный волосяной покров, появляющийся в период полового созревания; 3) цвет кожи; 4) цвет волос; 5) цвет глаз; 6) рост; 7) пропорции тела; 8) параметры головы. Кроме отмеченных выше расовых признаков, в антропологии отмечаются также ширина, высота,

горизонтальная профилировка лица, выступание челюстей (прогнатизм), наличие эпикантуса (складка кожи верхнего века у внутреннего глаза, прикрывающая слезный бугорок), параметры носа, высота и толщина губ (Садохин, Грушевицкая, с. 117-118). Иначе говоря, этнологические исследования характеризуют телесность человека с точки зрения анатомических, физиологических различий между расами и нациями. Именно осознание человеком своей национальной идентичности базируется на знании отличительных признаков «своего» и «чужого», «своего» и «другого», что влияет в итоге на оценку внешности человека другим человеком и способствует возникновению стереотипных представлений о внешнем облике «своего» и «чужого»; поэтому естественно, что в таком фрагменте, как «внешний человек», ЯКМ непременно отображает стереотипы этногенетического характера.

Признаки внешности человека в систематизированном виде в целях его идентификации изучаются и в **юриспруденции**. Известно, например, понятие «словесный портрет», которое широко применяется в современной практике работы правоохранительных органов. В описаниях типа «словесного портрета» содержится подробная классификация частей тела и элементов лица. В «словесном портрете» главное внимание уделяется характеристике головы, лицу как части тела, содержащей наибольшее количество разнообразных, устойчивых и доступных наблюдению признаков, которые можно охарактеризовать по размеру, форме, степени выраженности и симметрии, а также различным мелким особенностям строения. Язык такого рода характеристик стандартизован, но в своей основе это общенародный язык.

Таким образом, «словесный портрет» способствует выявлению индивидуальных свойств внешнего облика человека, что помогает отличить одного человека от другого. Именно наличие неповторимых, уникальных деталей внешнего облика, особенностей поведения, манер позволяет сохранить облик человека в памяти, узнавать его. Для настоящего исследования немаловажно, что, по сведениям юристов, наиболее существенными во внешнем облике человека являются лицо и функциональные признаки внешности:

походка, мимика, жестикуляция, привычки, использование различных вещей и предметов (Топорков, с. 5-6).

Взаимоотношения тела и души специально рассматриваются в многочисленных **психологических исследованиях**. Живые взаимосвязи психики и телесного организма, по признаниям психологов, все еще трудно представить во всей их полноте. Кажется, что тело человека живет своей собственной жизнью, неразрывно связанной с жизнью психической, однако к ней не сводящейся. В известном смысле, саморазвивающуюся телесность многие антропологи воспринимают как живую метафору бессознательного. Тело человека – вовсе не бездушный механизм, но в определенном смысле равноправный партнер личности. Оно не только храм духа, но и один из аспектов этого духа, понимаемого как спонтанно развивающаяся жизнь во всей ее тотальности. Поэтому «изучение различных аспектов психосоматики – науки о взаимосвязях телесного и психического – для всякого культурного человека может считаться одним из важнейших условий профессиональной и личностной самореализации» (Психосоматика, с. 3-4).

В отдельную отрасль психологической науки достаточно давно выделилось изучение языка жестов, языка телодвижений (А. Пиз, Г. Вилсон, К. Макклаффин и др.), которые рассматриваются в качестве способа невербального общения. Начало изучению языка тела положила работа Ч. Дарвина «Выражение эмоций человеком и животными», опубликованная в 1872 году и давшая толчок к изучению выражения лица, жестов, поз и других элементов языка тела. Большинство исследователей приходят к выводу о том, что вербальные способы используются для передачи фактической информации, в то время как невербально передаются главным образом эмоции собеседников. В некоторых случаях невербальные сигналы могут полностью заменить слова. Язык тела способен передать психологическое, эмоциональное состояние, отношение к партнеру или собеседнику, социальный статус. Наиболее значимыми в этом отношении оказываются руки, жесты, лицо, глаза, положения и позы тела, мимика лица. Использование языка тела и его знание помогают

людям быть адекватными в различных жизненных ситуациях, особенно тех, что связаны с карьерой, работой. Словесный язык системой средств вторичного означивания репрезентирует язык тела, что принимается нами в качестве одной из предпосылок исследования.

Известны науке и попытки определить связь между внешностью и характером человека. Одна из первых ранних попыток принадлежала Аристотелю, являющемуся одним из создателей учения о физиогномике. Прогнозируя по внешним признакам поведенческие реакции человека и особенности его интеллекта, Аристотель большое значение придавал сходству его с животными, которые по традиции наделялись свойственными им от природы качествами (Аристотель, с. 297-315). Это учение Аристотеля положило начало подробным наблюдениям за игрой человеческого лица, мимикой и жестами.

Современные психологи (С.С. Степанов, И. Сомоди, сестры Сорины, И.Н. Горелов, В.А. Лабунская, И.Д. Ладанов, В.А. Пронников и др.) изучают «бессловесный язык» человеческого тела, частей тела, одежды, мимики, жестов, осанки, позы, почерка. В зависимости от того, как рассматриваются образы «бессловесного выражения», которые позволяют выявить скрытое за ними душевное и психологическое содержание, различают учение о статическом выражении (физиономика, которая включает френологию, собственно физиономику, хирономику) и учение о динамическом выражении (пантомимика, включающая мимику, пантомимику, особенности походки, голоса, манеры говорить, почерк) (Философский энциклопедический словарь, с. 471).

Таким образом, в многочисленных психологических исследованиях тело человека предстает неотделимым от личности, внутреннего мира человека. Опыт, накопленный психологами, позволяет изучать и интерпретировать скрытое душевное и психологическое содержание с помощью внешнего облика человека. Тело и душа человека, тело человека и личность предстают в нерасторжимой связи, репрезентирующей целостного человека миру. ЯКМ наследует от реальности (по законам концептуализации, категоризации) эти

фундаментальные характеристики человека как единства тела (внешнего облика) и души.

Добавим к сказанному, что в специфических эстетических категориях человеческое тело рассматривается в **эстетике**. Оно описывается сквозь призму таких понятий, как *прекрасное-безобразное, совершенство, красота, гармония, мера, типическое-индивидуальное, экспрессивное*. Физическое совершенство понимается как «обусловленный исторически конкретным обществом оптимальный уровень развития физических качеств и способностей человека, направленный на достижение социально значимых целей» (Эстетика: Словарь, с. 371) и является одной из важнейших характеристик гармонического развития личности. Древнерусская эстетика, легшая в основу русской эстетической мысли, в качестве основных характеристик природной красоты человека признавала величину, высоту, округлость, «искусную сделанность», выделенность в пространстве (Иларион, Кирила Туровский, игумен Даниил). В эстетическом сознании русского человека видное место занимает нравственная красота (гармоничное сочетание положительных внешних и внутренних качеств как единство внешней и внутренней красоты; известны соответствующие этому идеалу положительные образы народных героев (былинных богатырей, князей, царевен, сказочных героев). (В главе об оценочности как одной из категорий образа-концепта внешнего человека в ЯКМ это знание нами использовано).

Все сказанное в данном параграфе позволяет сделать вывод о том, что человеческое тело (шире – внешность человека) как специальный объект изучения в гуманитарных науках предстает в качестве многомерного явления, связанного с человеческой душой, окружающим миром через культуру, социальные отношения, эстетическое восприятие одного человека другим человеком. Человеческое тело неотделимо от целостного человека как объекта изучения различных наук о человеке и субъекта, творящего и преобразующего окружающий мир.

Представим графически образ тела и шире – внешности человека по данным наук о человеке (см. табл. 1).

Таблица 1. Интерпретация человеческого тела в разных науках

Науки	Интерпретация тела
<i>Философия</i>	Одухотворенное тело; оболочка души; воплощение «я»
<i>Культурология</i>	Цивилизованное тело; социальное тело; коммуникативное пространство
<i>Этнология</i>	Физиологическая репрезентация принадлежности к определенной расе
<i>Юриспруденция</i>	Индивидуализированное тело: тело как совокупность отличительных черт отдельного человека
<i>Психология</i>	Манифестация «я»; пантомимическое («говорящее») тело
<i>Эстетика</i>	Экспрессивное тело; тело – эстетический объект

1.4. Анализ имеющихся лингвистических описаний внешнего человека в русском языке

Языковой образ-концепт «внешнего человека» соотносится с биологическим, социально-культурным, психологическим внелингвистическим феноменом-прототипом, репрезентируемым в языке. Языковой образ-концепт «внешний человек» рассматривается лингвистами как совокупность разных параметров, которые отображаются в большем или меньшем числе семантических групп, объединяющих словарные репрезентации (специальные номинации, простые и составные) данного языкового образа-концепта в ЯКМ.

Один из опытов идеографического описания внешнего облика человека представлен в словаре «Лексическая основа русского языка» (1984). Понятие «внешний облик» очерчено следующими семантическими группами: вид (облик, наружность) и общая его оценка, лицо и его составляющие (глаз, нос, губа, зуб, подбородок, волос, борода, усы, бровь, ресница), фигура и ее общая оценка. Таким образом, в номинативной основе русского языка «внешний человек» представлен как некое целое, но вместе с тем членимое и оцениваемое.

«Идеографический словарь русского языка» (Баранов, 1995) включает понятие «внешность человека» в понятие «личность». Понятийное поле «внешность человека» связано с понятийными полями «человеческое тело», «поведение», «одежда, обувь», «ощущения», «состояние организма», «физические состояния человека» и включает лексику разной частеречной принадлежности и фразеологизмы.

В «Тематическом словаре русского языка» (Саяхова, Хасанова, Морковкин, 2000) тематическое поле «внешний вид, наружность человека» включается в общее поле «человек» и членится на такие мини-поля, как *внешность; телосложение, осанка; кожа; лицо; волосы, прическа; походка, движения*. Каждое мини-поле состоит из слов, характеризующих внешность по разным параметрам: физическим, психологическим, эмоциональным, интеллектуальным. Отдельно выделено поле «тело и организм человека (органы человека и их функции)», в которое включены органы внешнего тела человека. При этом внешняя сторона речи включена в поле «состояние, внутренний мир и качества человека», а одежда, обувь – в поле «быт». Таким образом, в «Тематическом словаре русского языка» «внешний человек» мыслится биологически (телесно и физиологически), но не автономно от «внутреннего человека»: биологические параметры связываются с различными проявлениями внутреннего человека во внешнем; функциональные признаки внешнего человека (речь, одежда, обувь, аксессуары) даны в других тематических полях, т.к. считаются не связанными непосредственно с телом человека.

По принципу от общего к частному, т.е. от общего представления внешности человека к ее частям, элементам построен и «Словарь оценок внешности человека» В.М. Богуславского (1994); он состоит из двух разделов: 1) «оценки общего впечатления восприятия внешности человека», включающий разного типа оценки «первовидения» и «второвидения» (эстетические, комплексные, по социальной принадлежности, ассоциативные и пр.): *красивый, нарядный, сидит как на корове седло, пугало гороховое, ухоженный, представительный, толстый, лопаться с жиру, мужиковатый, молодой* и т.п.;

2) «оценки лица и деталей лица», также включающий оценки общего впечатления: *приятное, топорное, благородное, невыразительное, бульдожье, грубое, горбоносое, большелобый, лупоглаз, холеное, умное, злое* и т.п. – и оценки по характерным деталям лица: глаза: *интересные, восхитительные, большие, плоские, зоркие, чистые, больные, татарские, змеиные, орлиные*; нос: *прямой, висячий, кавказский, пропитый* и т.п. Оценки лица связываются с проявлением внутренних качеств человека, с особенностями поведения, психоэмоциональным состоянием, интеллектуальными особенностями. Внешность человека предстает неотделимой от целостного человека, неразрывно связанной со всеми сторонами жизни человека. Исследовательская позиция автора словаря принимается в качестве исходной и в нашей работе.

В монографии «Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности» (1996) Т.В. Бахвалова тоже характеризует «внешний вид» человека от «общего к частному». Категория агентивности (лексические и фразеологические единицы со значением лица) включает в себя агентивы, характеризующие человека по общему внешнему виду, по особенностям фигуры, телосложения (рост, полнота, «приметные» части тела). В отличие от В.М. Богуславского, который выстраивает систему оценок внешности человека от общего вида к лицу и его деталям на материале общелитературного языка, Т.В. Бахвалова описывает «внешнего человека» по «приметным» особенностям не только лица, но и фигуры, используя диалектную лексику. Опираясь на понятие-классификатор «агентив» (лексические и фразеологические единицы со значением лица: антропонимы, реляционные имена, функциональные имена, характеризующие, или предикатные, имена), исследователь выделяет имена собственные (прозвища) и имена нарицательные, выражающие то, что человек думает о другом человеке, в частности, как характеризует его общий внешний вид и тело и их элементы и части: *коротышка, недоросток, шишка, прыщик, толстый, пухлый, упитанный, бочка, столб* и т.п. В группу агентивов, представляющих человека по «приметным особенностям его фигуры», включены группы номинаций, характеризующих человека по особенностям

формы и цвета глаз, лица, волос и другим анатомическим параметрам: *голован, узкоглаз, рыжий, вислорукий, кувалда* и т.п. Заметим, что внешность в данном исследовании понимается анатомически, и характеристики «внешнего человека» не выходят за пределы номинаций его анатомических особенностей.

По мнению В.А. Масловой, внешний облик человека складывается из трех составляющих: голова и ее части, тело и ноги; эти составляющие репрезентируются фразеологией, которую и описывает исследователь (Маслова, 2001). Но проведенное исследователем экспериментальное изучение сравнений русских и белорусов, используемых для характеристики внешнего облика человека, показало, что языковой образ «внешнего человека» включает в себя различные тематические группы: анатомические характеристики, эстетические качества, динамические характеристики, физические состояния и социальный статус. Таким образом, позиция автора не лишена противоречий: в мифологии и языке (по данным фразеологии) внешний облик человека сужен до анатомических деталей, но в языке (по данным эксперимента) наружность человека «нагружена» различными параметрами, и не только биологическими.

Репрезентации внешнего облика человека в языке или его отдельным вербализованным особенностям посвящено немало диссертационных исследований (И.В. Круглова, 1996, К.А. Серова, 1996, Н.П. Дмитренко, 1997, Н.Н. Кузнецова, 1997, Т.В. Писанова, 1997, Г.Х. Алеева, 1999, А.А. Камалова, 1999, Митамура Маки, 1999, Мрикария Джордж, 1999, Тимеа Чэтэ, 1999, У.М. Трофимова, 1999, , Т.Н. Федотова, 1999, Е.П. Молостова, 2000, Н.Б. Назарова, 2000, Н.С. Пак, 2000, и др.). Остановимся подробнее на тех из них, которые имеют большее значение для нашего исследования.

Г.В. Старикова в диссертационном исследовании «Лексика портретных описаний» (1985) выявляет общие, типологические черты портретного описания, существенно влияющие на правильное восприятие и понимание художественного описания образа героя и художественного произведения в целом. Портрет понимается как изображение внешности человека. Основными компонентами портрета, по Г.В. Стариковой, являются: 1) тело человека и его

части; 2) одежда, обувь, головные уборы; 3) мимика, позы, жесты. Номинации, участвующие в создании словесного портрета, делятся на три лексико-тематических разряда: 1) соматическая лексика: *глаза, волосы, лицо, руки, нос, губы, брови* и т.п.; 2) вестиментальная лексика: *одежда, платье, юбка, кофта, брюки, воротник, сапоги, кепка* и т.п.; 3) кинетическая лексика: *качать головой, сдвинуть брови, смотреть искоса, открытая улыбка, потупитья* и т.п. Таким образом, по мнению Г.В. Стариковой, внешность человека не сводима к телу и его частям, она включает одежду, мимику лица и движения тела.

Т.В. Гамалей в диссертационном исследовании «Система лексико-синтаксических средств описания внешности человека в современном русском языке» (1989) выявляет и систематизирует лексико-синтаксические средства, функциональная ориентация которых обусловлена обслуживанием экстралингвистической ситуации «человек и его внешность», и делает вывод, что субъект – носитель предикативного признака – представлен в трех разновидностях: 1) личный субъект, называющий человека, чья внешность становится предметом описания; 2) предметный субъект, данный в двух разновидностях: а) анатомический субъект, называющий части тела, лица, детали внешности, б) вещественный субъект, называющий предметы одежды, элементы гардероба. Таким образом, по мнению исследователя, внешний облик человека включает его анатомические признаки и сопутствующие этим признакам элементы гардероба.

К.Л. Сизова в диссертационном исследовании «Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева)» (1995) к внешности относит такие элементы, как «контурные» характеристики (рост, возраст), одежда, черты лица, цветовая характеристика облика героя, мимика, жесты, манера держаться, голос.

Н.В. Дмитрюк в диссертационном исследовании «Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде» (2000) исследует и анализирует тело с точки зрения восприятия его «профаном», то есть анализирует «профанный» (обыденный, наивный) образ

тела человека, который описывается на основе понятия «соматологической окрестности». Это реконструируемый ассоциативный этнический портрет (или автопортрет) представителей разных (в данном исследовании – русского и казахского) этнических сообществ, созданный на основе ассоциативного опроса, в результате которого выявились интуитивно присутствующие в сознании каждого сообщества представления о разной степени социальной значимости разных частей человеческого тела как культурного предмета.

Все сказанное в настоящей главе диссертации об интерпретации человека в лингвистических описаниях, прежде всего в словарях и специальных работах о внешнем человеке, обобщим в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Внешний человек по данным лингвоантропологических словарных описаний и специальных исследований

Элементы внешнего облика	Название словаря или фамилия исследователя									
	Наличие информации об элементе внешнего облика человека									
	Лексич. основа РЯ	Тематич. словарь	Идеограф. словарь	Богуславский	Бахвалова	Маслова	Сизова	Гамалей	Старикова	Дмитрюк
Анатомич. признаки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рост			+	+	+		+			
Возраст			+	+	+		+			
Мимика			+	+	+	+	+		+	
Жесты			+	+		+	+		+	
Движения тела		+	+	+		+	+		+	
Голос			+				+			
Физические состояния			+	+		+				
Походка		+	+							
Манеры			+				+			
Элементы гардероба			+	+				+	+	
Поведение			+							
Социальный статус			+	+		+				

Как видно из приведенной таблицы, в понятие «внешний человек» все составители словарей и авторы специальных исследований включают анатомические признаки (собственно тело); мимику, движения тела, жесты, функциональные элементы внешнего облика человека отмечаются примерно половиной авторов; другие элементы внешнего облика человека: голос, физическое состояние, походка, манеры, элементы гардероба, поведение и социальный статус – отмечаются меньшим количеством исследователей. Наибольшее число параметров (вернее, все из приведенных в таблице) объединяет «Идеографический словарь» О.С. Баранова, большая часть из приведенных параметров отмечается В.М. Богуславским.

Наша позиция основывается на мнении двух последних авторов, и в понятие «внешний человек» нами включается все из приведенных в таблице параметров, за исключением «социального статуса», как наименее связанного с понятием «внешний облик человека».

Выводы. Все рассмотренные подходы к исследованию образа человека в языковой картине мира позволяют сформулировать теоретические основания интерпретации образа-концепта «внешний человек» в русской языковой картине мира. Прежде всего, границы исследуемого образа-концепта нет смысла сужать искусственно, – до констатации наличия во внешнем облике человека лишь анатомических деталей в пределах физического тела.

Образ «внешнего человека», данный экстралингвистически и в языке, – многоплановое, структурированное образование, один из наиболее значимых фрагментов языковой картины мира, основанный на национальной психологии, культуре, обусловленный социально-историческим развитием народа и отображающий существенные свойства объектов материального и социокультурного мира. Этот образ соотносится с понятием «целостный человек», неотделим от него, тем не менее по-своему репрезентирует человека как объект восприятия и оценки. Языковой образ-концепт «внешний человек» наследует от

своего экстралингвистического прототипа его отличительные черты, отображая их в специальных языковых формах и значениях (вторичная семиотизация).

В наивной картине мира в понятие «внешний облик человека» входит все то, что человек объективно и субъективно, прагматически, эстетически присваивает своему внешнему виду: физические и нефизические органы (естественные и искусственные), предметы, украшающие человека и покрывающие его тело или используемые для дополнения внешнего облика, динамические признаки внешности (движения тела, мимика, позы, манеры, походка), внешние речевые признаки (голос, речь), а также эстетические, этические, социальные, психологические оценки наружности человека.

Лексико-фразеологическая система языка группами номинаций внешнего облика человека и его деталей объективирует довольно широкое семантическое пространство «внешний человек» в языковой картине мира (имеются в виду и данные словарей, и данные речи, в том числе разговорной, художественной). В семантическом макрополе (см. нашу следующую главу) номинации внешности могут группироваться как по сходству (наличию интегральной семы «внешний вид»), так и по смежности (отношению к одному понятию «внешний человек»). Реконструкция семантического макрополя по данным русских словарей (толковых, тематических, идеографических, фразеологических) позволяет выявить особенности «членения» в языке такого фрагмента языковой картины мира, как «внешний человек».

Так как с гносеологической точки зрения языковая картина мира содержит наивное, обыденное представление о мире, то и образ человека в обыденном сознании и в семантике языковых единиц характеризуется не только реалистическим, научным содержанием, но и всем комплексом наивных (мифопоэтических, образных, донаучных) национально-культурных представлений. Образ человека как концепт является тем представлением, которое существует в сознании носителей языка и преломлено культурой, традицией.

Как выше отмечалось, при когнитивном подходе концепт представляется соотносимым со всем объемом закрепленной и передаваемой языковым значением информации об обозначаемом. Мы исследуем наивное сознание, характеризующее человека, не посвященного в научное знание, объективированное всей системой естественного языка в его канонических речевых (разговорных) разновидностях и в формах и разновидностях неканонических (художественных, публицистических, народно-поэтических).

Наивную (языковую) картину мира от научной отличает образность – в широком понимании (оценочность, ассоциативность, идеализация, мифологизация, экспрессивность). Поэтому, как отмечалось во введении, для понятия «внешний человек» в ЯКМ предлагается использовать термин «образ-концепт», который мы понимаем как обобщение и реалистических, и мифопоэтических, собственно мифологических представлений об объекте действительности, преломленных представителем определенной национальной культуры в семантике языка и языковых выражениях (высказываниях, текстах).

Образ-концепт «внешний человек» неотделим от образа внутреннего и целостного человека. В языковой картине мира такое представление воплощается прежде всего при вторичном означивании внешнего облика человека: язык вербализует такое соотношение специальными показателями и выступает в определенной своей части как подсистема «знаков знаков» (см. главу 4).

Образ-концепт «внешний человек», будучи логическим производным от базового, целостного языкового концепта «Человек» (как вообще любая часть производна от целого), представляет собой концентрированное знание носителей русского языка о внешнем облике человека, вербализованное, воплощенное в образных, аксиологических, стереотипных и телесно-семиотических смыслах (категориях), что объективировано и манифестировано всей системой семантических единиц, языковыми правилами их комбинирования (сочетаемости) и функционирования в разных (ненаучных) сферах общения.

Как было отмечено выше, процесс языковой концептуализации внеязыковой действительности тесно связан с категоризацией, результатом чего являются семиотизация, оценивание, стереотипизация субъектом-человеком его самого как объекта речи-мысли.

В качестве главных аспектов языковой (семантической) категоризации образа-концепта «внешний человек» в настоящем исследовании избраны такие, как семантическое пространство внешнего человека, реконструируемое по данным словарей (из которых специально вычленены ключевые слова для образа-концепта), оценивание, стереотипизация, вторичная семиотизация.

«Внешний человек», рассматриваемый только с точки зрения наличия определенных физических параметров, анатомических особенностей, не соответствует, на наш взгляд, пониманию целостного концепта «человек» как многоаспектного. Если мы считаем целостного человека своеобразным микрокосмом, параметризуемым и репрезентируемым в языке различными ипостасями, то и производный от него образ-концепт «внешний человек» не может рассматриваться односторонне. Следовательно, перед нами стоит задача исследования языкового образа внешнего человека во всем многообразии проявлений (биологических, социальных, аксиологических, семиотических) и в соотношении с соответствующими языковыми образами целостного и внутреннего человека.

Все вышесказанное позволяет сформулировать принципы описания взаимосвязи языкового образа-концепта «внешний человек» с языковым образом целостного и образом внутреннего человека: 1) описание языкового образа внешнего человека не может замыкаться на описании лишь анатомических деталей внешнего облика, манифестируемых в языке системой специальных номинаций; 2) поскольку мы рассматриваем образ-концепт «внешний человек» в качестве производного от образа-концепта «целостный человек», то необходимо выявить систему языковых и речевых семантических средств, репрезентирующих взаимосвязь внешнего, внутреннего и целостного человека; 3) национальное видение человека, в том числе его внешнего облика,

категоризуется языком в эталонах, оценках и стереотипах, поэтому важно выявить наиболее типичное в представлениях о внешности человека с точки зрения разных социальных характеристик (например, половых) и определить шкалу оценок внешности человека, воплощенную в языке и отраженную языком; 4) внелингвистически, до языка, тело уже многоаспектно означено (культурой, обществом), поэтому в языке представлены «знаки знаков» внешнего облика человека, которые требуют специального исследования.

В соответствии с принятыми теоретическими позициями наше исследование образа-концепта «внешний человек» как фрагмента русской языковой картины мира осуществляется поэтапно: 1) как описание этого фрагмента по данным словарей (описание семантического макрополя «внешний человек»); 2) как выявление аксиологических представлений о внешности человека по данным фольклора и литературных источников; как исследование стереотипных представлений положительно / отрицательно оцениваемого внешнего облика мужчины и женщины с точки зрения разных полов; 3) как описание взаимосвязи образа внешнего человека с образом внутреннего и целостного человека в языковой картине мира.

Глава 2. Семантическое пространство «внешний человек» (на словарном материале)

2.1. Краткое изложение теоретических основ современного системного описания семантики языка посредством словарных группировок

Одно из базовых положений системной семантики, ономазиологии и семасиологии, состоит в том, что все слова, входящие в язык, характеризуются парадигматическими и синтагматическими отношениями (связями) групп и подгрупп, элементами которых они являются. Системно-парадигматические отношения на лексико-семантическом уровне объективируются, как это демонстрируется в многочисленных исследованиях русистов, лексико-семантическими микросистемами – целостными образованиями, выделяющимися из всего множества элементов лексического состава языка на основе общего (интегрального) семантического признака лексических значений их членов и дифференциальных смысловых признаков подгрупп и отдельных элементов микросистем. Поле является способом отражения внешнего мира (Караулов, 1976, с. 269-270).

Настоящий параграф посвящен реконструкции фрагмента языковой картины мира – образа-концепта «внешний человек» – преимущественно по данным словарей. Для определения состава макрополя «внешний человек» использовались тематические, идеографические, толковые словари, словари синонимов, антонимов, эпитетов. Выборка производилась на основе присутствия в значении слова интегральной семы «внешний вид» (толковые и поаспектные словари) и на основе отнесения слова к общему понятию (теме) (идеографические и тематические словари).

Задача настоящего параграфа – описать устройство макрополя «внешний человек» по сходству и по смежности значений входящих в его состав единиц

(первые группировки представляют собой лексико-семантические группы, вторые – тематические группы); для группировок первого типа - выделить лексико-семантические группы, отметить их семантические сходства и различия, отнести их к ядру или периферии поля, описать системно-парадигматические и синтагматические особенности входящих в данное макрополе элементов; для группировок второго типа – выделить сферы и микрогруппы, относящиеся к одной понятийной ситуации.

Семантическое поле является самой объемной ономаσιологической и семантической группировкой слов. Семантическое поле – это иерархическая организация слов, объединенная одним родовым значением и представляющая определенную семантическую сферу (Новиков, 1997, Караулов, 1976, Щур, 1974). Ономаσιологическим свойством семантического поля является то, что в его основе находится родовая сема, или гиперсема, обозначающая класс объектов. Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам в своих значениях. Это позволяет объединять и различать их в пределах одного семантического поля.

Обобщая результаты исследования ученых, разрабатывающих критерии семантического поля (Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур, Л.А. Новиков, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, Л.Г. Бабенко, И.М. Кобозева, Е.Г. Диброва, А.В. Бондарко, А.А. Уфимцева, С.Г. Шафиков и др.), выделим его отличительные признаки, мотивируем отнесенность того или иного множества лексем к семантическому полю, определим основные критерии разграничения ядра и периферии.

Семантическое поле обладает следующими отличительными признаками:

- 1) представляет собой организацию неоднозначных отношений (гиперо-гипонимия + синонимия / антонимия и другие парадигматические отношения);
- 2) семантическое поле может быть представлено грамматически различными лексическими единицами;
- 3) семантическое поле в зонах периферии соприкасается и пересекается с другими полями, образуя смежные семантические пространства, что

свидетельствует о непрерывности и взаимосвязанности семантических отношений в лексическом составе языка;

4) слова в поле могут быть организованы на основании общности сем (наличие интегральной семы) и дифференцированы по различительным признакам (впервые подобные поля описаны Й. Триром); слова могут быть связаны отношениями смежности значений и объединяться по отнесенности к тому или иному понятию (теме) (впервые подобные тематические смысловые поля описаны В. Порцигом).

Основные признаки, мотивирующие отнесенность того или иного множества номинаций к семантическому полю – в соответствии с имеющимися в современной семасиологии теоретическими подходами, - следующие:

1) поле представляет собой инвентарь элементов, имеющих семантическую общность, связанных между собой системными отношениями, выполняющих в языке единые функции;

2) основными измерениями семантического поля являются парадигматическое и синтагматическое, создающие его объемное представление;

3) единицы поля группируются вокруг лексем (сочетания лексем) – имени поля, выражающей его общее значение в «чистом виде»;

4) состав словника поля исторически и социально детерминирован;

5) поле способно члениться на ядро и периферию, границы между которыми нечетки; общее значение поля наиболее явно выражается в ядерной зоне и постепенно угасает при удалении к периферии;

6) поле характеризуется относительностью и размытостью своих границ, которые способны расширяться или сужаться в зависимости от избранного принципа классификации;

7) количество единиц поля варьируется и колеблется от сравнительно малого до очень большого;

8) поле имеет в своем составе определенное количество микрогрупп, число которых должно быть не менее двух;

9) поле характеризуется иерархической организацией составляющих его элементов;

10) за счет периферийных языковых единиц, обладающих более сложным семантическим содержанием, поле осуществляет взаимодействие с другими семантическими полями.

Одним из основных признаков любой полевой структуры является членение ее на ядро и периферию. Важнейшими критериями включения элементов в ядерную зону семантического поля, по мнению исследователей (Галкина-Федорук, 1954, Кузнецова, 1980, Кретов, 1987, Полевые структуры в системе языка, 1989, Семантика слова и семантика высказывания, 1989) являются его: 1) высокая частотность; 2) высокая степень абстрактности; 3) семантическая содержательность; 4) общеизвестность; 5) важность (актуальность) для современной общественной жизни; 6) многозначность; 7) исконность; 8) простота морфемного состава; 9) словообразовательная продуктивность; 10) широта сочетаемости; 11) стилистическая нейтральность.

При этом необязательно, чтобы ядерные элементы обладали всеми одновременно указанными признаками: достаточно наличия большинства из них.

Семантическим инвариантом номинаций исследуемого макрополя является сема «внешний вид человека». В зависимости от того, является ли она эксплицитной или имплицитной, присутствует узуально илиokkaзионально, регулярно или нерегулярно в значениях лексем последние относятся к ядру или периферии макрополя «внешний человек». Таким образом, признаками значения элементов ядра выступают семы «неоценочное», «неэмоциональное», «современное», «общеупотребительное», «межстилевое». К периферийной зоне относятся лексемы и их эквиваленты, значения которых осложнены различными коннотациями (ближняя периферия), и лексемы и их эквиваленты, в которых сема «внешний вид человека» присутствует имплицитно или узуально /okkaзионально (дальняя периферия) (примеры ниже).

Выделенное нами макрополе соответствует всем перечисленным системным характеристикам. Его имя – «внешний человек» - наиболее полно и точно называет ту понятийную сферу, которая отображается конструируемым семантическим макрополем.

Наличие семантического инварианта одновременно предполагает существование дифференциальных сем в значениях номинаций, входящих в данное макрополе. Дифференциальный компонент значения – это дополнительная сема (или несколько сем), сочетающаяся с инвариантной семой и конкретизирующая ее (ЛЭС, с. 69). Применительно к нашему макрополю дифференциальные семы указывают на характер и природу какого-либо предмета, явления, сущности признака, действия, которые человек считает отнесенными к реалии «внешний человек». Признаки, конкретизирующие инвариантную сему, обуславливают разделение любого поля на группы и подгруппы. Лексико-семантическая группа – это такое лексическое множество внутри семантического поля, члены которого объединены семантическим инвариантом и отличаются дифференциальным компонентом (семой или семами). Таким образом, дифференциальные компоненты играют основную роль в структурной организации самого поля и лексико-семантических групп внутри него. Потенциал возможных комбинаций общего и частного в лексических значениях членов поля выявляет характер парадигматических смысловых связей между ними (Диброва, с. 189).

Существование лексико-семантических групп и подгрупп в рамках макрополя – это важное, но не единственное свидетельство парадигматических отношений лексем, входящих в исследуемое макрополе. Для этого множества, как и для любой лексико-семантической системы, типичны и другие виды парадигматических связей: синонимия, антонимия, смысловая и словообразовательная деривация.

Вторым видом системных отношений на лексико-семантическом уровне в соответствии с системно-структурной концепцией языка являются

синтагматические связи слов, которые в современной лингвистике включают в себя языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц языка.

Описание синтагматических сочетаний лексем макрополя «внешний человек» заключается в выявлении грамматических, лексико-грамматических, собственно лексических условий их сочетаемости с той или иной номинацией, способствующих актуализации семы «внешний вид» в структуре лексических значений исследуемых единиц.

Исходный принцип анализа – признание того, что синтагматические связи, присущие слову, вытекают из его семантики.

Первичной характеристикой такой лексико-семантической макросистемы, как поле, является существование в его рамках более мелких лексико-семантических микросистем – лексико-семантических групп и подгрупп. Применительно к нашему макро полю на основе соответствующих дифференциальных компонентов значения его членов выделены следующие лексико-семантические группы и подгруппы: лексико-семантическое субполе «Внешний человек» (ядро: ЛСГ «Целостный внешний вид», ЛСГ «Тело и его части», ЛСГ «Функциональные признаки внешности человека», ЛСГ «Экспрессия внешности»; периферия: ЛСГ «Сопутствующие признаки внешности», а также метафорические, стилистически маркированные и эвфемистические эквиваленты элементов ядерных ЛСГ); тематическое субполе «Внешний человек»: понятийная сфера «Внешний вид человека», понятийная сфера «Внешнее тело, части внешнего тела», понятийная сфера «Ощущения», понятийная сфера «Физическое самочувствие», понятийная сфера «Движения», понятийная сфера «Сопутствующие признаки внешности», понятийная сфера «Внешние формы поведения»

Следующий уровень членения лексико-семантического макрополя «внешний человек» – выделение микросистем, существование которых основано как на многоступенчатых вертикальных парадигматических связях, так и на неоднородных, горизонтальных парадигматических связях. Результатом

выделения таких горизонтальных связей является выделение синонимических рядов и антонимических пар лексем макрополя «внешний человек».

Эпидигматика номинаций поля «внешний человек» проявляется в наличии у них смысловых и словообразовательных дериватов.

Семантическое поле «внешний человек» по своему частеречному составу является межчастеречным макрополем, включающим в свой состав слова разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия. В то же время данное макрополе объединяет однокорневые производные слова (лексико-словообразовательное поле).

По составу и значению семантическое макрополе «внешний человек» является полем разнотипного состава, в него входит лексико-семантическое субполе, объединенное синонимической, антонимической, эпидигматической парадигмами, и тематическое субполе.

2.2. Структура семантического макрополя

«внешний человек»

Построение структуры исследуемого лексико-семантического макрополя «Внешний человек» осуществлялось на основе метода сплошной выборки из словарей русского языка различного типа и собственной картотеки. Использовались данные следующих словарей: Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка; Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка; Морковкин В.В. Лексическая основа русского языка; Н.Ю. Шведова, С.И. Ожегов. Толковый словарь русского языка; Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка; Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка; Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка; Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона; Словарь образных выражений народного говора (Под ред. О.И. Блиновой); Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова; Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия; Воробьев Б.Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд» (Словарь синонимов, характеризующих человека); Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека; Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.

Собственно семантическая структура семантического макрополя «внешний человек» состоит из следующих частей: лексико-семантическое субполе «внешний человек» и тематическое субполе «внешний человек».

Лексико-семантическое субполе «внешний человек»

Ядро поля представлено лексемами и эквивалентными им словосочетаниями, объединенными гиперсемой 'внешний вид', и включает лексико-семантические группы «Целостный внешний вид», «Тело и его части», «Функциональные признаки внешности», «Экспрессия внешности».

ЛСГ «Целостный внешний вид» объединяет более мелкие группировки слов:

- 1) внешний вид – *внешность, наружность, облик, внешний вид, вид, на вид, с виду;*
- 2) характеристики целостного человека по особенностям внешнего облика: *красивый, толстый, высокий, русский, негр, больной, сильный* и т.п.

ЛСГ «Тело и его части» включает номинации и характеристики анатомических особенностей наружного строения тела человека и его частей и включает следующие подгруппы:

- 1) особенности телосложения: *телосложение, фигура, осанка, рост;*
- 2) номинации частей и органов человеческого тела: *кожа, голова: лицо (форма, полнота, элементы) – лоб, брови, глаза (ресницы, веки, нос (спинка, переносица, ноздри, профиль), рот (губы, уголки, зубы), скулы, подбородок (челюсть, ямочки), щеки (ямочки), кожа (наросты, новообразования), уши (мочка), волосы (прическа, лысина), волосы на лице – усы, борода, бакенбарды, затылок; шея, туловище, плечи, грудь, живот, спина, талия, таз, половые органы, бедра, руки, кисти, пальцы, ногти, ноги, стопа, бедро, голень, подъем стопы, пятка.*
- 3) характеристики частей и органов человеческого тела: *лицо: красивое, полное, румяное, большеглазое; лоб: морщинистый, высокий, с залысинами; спина: узкая, худая, сутулая* и т.п.

ЛСГ «Функциональные признаки внешности»:

- 1) номинации функциональных признаков внешности: *осанка, походка, мимика, улыбка, прищур, подмигивание, произношение, жестикуляция, кивок, рукопожатие, голос, привычки, манеры.*
- 2) обозначение движений человека, человеческого тела и его частей: *мигнуть, кивнуть, сесть, встать, поклониться, пожать руку, говорить, орать, морщиться, чесаться, плевать, ронять пепел, кидать, подбрасывать* и т.п.
- 3) характеристики функциональных признаков внешности: *походка: быстрая, вялая; ходить: быстро, прямо, стремительно, медленно; говорить: громко, тихо, медленно, невнятно* и т.п.

ЛСГ «Экспрессия внешности» объединяет лексемы, содержащие сему «выразительность внешности»: *красота, обаяние, прелесть очарование, представительность, солидность, имидж, сексуальность, харизма, изящество, грация, уродство, безобразие, невзрачность и т.п.*

В каждую ядерную лексико-семантическую группу, помимо существительных и сочетаний, эквивалентных существительным, входят признаковые слова, обозначающие разнообразные признаки элементов внешности: анатомические, кинетические. Признаки внешности выражаются лексемами разной частеречной принадлежности: существительными, прилагательными, глаголами, наречиями, сочетаниями, фразеологизмами. Такие признаковые слова могут относиться как к одной лексеме, так и к нескольким номинациям; с другой стороны, одна номинация может характеризоваться множеством признаков слов, например:

Волосы – *черные, белые, темные, светлые, седые, блеклые, гладкие, кудрявые, густые, длинные, жесткие, мягкие, пышные, редкие.*

Быстрый – *взгляд, быстрая речь, быстрое движение, быстрая походка;*
длинный – *длинные руки, длинные ноги, длинные ресницы, длинное платье;*
выразительный – *выразительный взгляд, выразительное движение, выразительная поза, выразительный голос.*

К ближней периферии семантического макрополя «внешний человек» относятся такие лексемы, которые содержат сему «внешний вид», но осложнены коннотативно. Это лексемы, обозначающие целостного человека, тело и его части, функциональные признаки внешности: *толстяк, крепыш, лопухий, очкарик; башка, кочан, титьки, ножищи; гаркнуть, звездануть, вдарить* и т.п. Перечисленные слова содержат оценочно-разговорные пейоративные коннотации.

Кроме этого, к периферии семантического макрополя «внешний человек» относятся метафорические, перифрастические и стилистически маркированные эквиваленты общеупотребительных слов, которые являются вторичными по своей природе. Номинация квалифицируется как вторичная, если она: а)

производна от первичной; б) носит ярко выраженный оценочный или экспрессивный характер; в) возникла целенаправленно как замена первичной (ситуация переименования, языкового табу и пр.) (Рут, с. 8). Основным способом создания вторичного означивания является метафора.

Номинации людей, предметов окружающего мира, растений, животных, экзотизмов, обозначения действий чаще всего способствуют вторичному означиванию: *нос* – бульдожий, лисий, совиный, утиный, воробьиный, орлиный, ястребиный, хищный (*на основе сходства с животными*), восточный, кавказский (*на основе экзотизмов*); *волосы* – шелковистые, льняные, соломенные, паклей (*на основе сходства с растениями*); *руки* – грабли, вилы (*на основе сходства с предметами*), хваталки, загребалы (*на основе сходства с действиями*).

Наряду с метафорическими эквивалентами, к периферийной зоне относятся перифрастические, стилистически маркированные и эвфемистические эквиваленты элементов внешности и ее признаков:

Ягодицы – *попа, мягкое, место, жопа, жепе, задница, булки, батоны, буль, верзоха, верзо, гудок, гузно, жмень*; *красавец* – *лапуля, лапочка, очаровашка, Ален Делон, Иисусик, ангелочек*; *пожилой* – *аред, бабай, батор, батар, батыр, батя, богатый, божий одуванчик, божья коровка, динозавр, ерик, залетный, занюханный*; *упасть* – *бухнуть, бухнуть, брякнуться, грохнуть, грохнуть, грянуться, хлопнуться, бахнуть, бахнуть, трахнуть, чебурахнуться, загреметь*.

К дальней периферии относится ЛСГ «Сопутствующие признаки внешности», в состав которой входят лексемы, обозначающие:

1) наименования одежды и ее частей: *платье, костюм, рубашка, комбидресс, колготы, жилет, свитер, кофта, пальто*; *воротник, рукав, карман, спинка, верх (платья), оборка, волан, манжета* и т.п.;

2) наименования обуви и ее частей: *туфли, тапки, сапоги, калоши, босоножки, шлепанцы, сандалии, ботинки, ботильоны*; *каблук, подметка, подошва, замок, голенище* и т.п.;

3) наименования аксессуаров и их частей: *галстук, платок, сумка, рюкзак, кошелек, бусы, цепочка, кольцо, заколка; ручка (сумки), узел (галстука), замок (сумки)* и т.п.

Лексемы, образующие дальнюю периферию семантического макрополя «внешний человек», не содержат сему «внешний вид» эксплицитно, она включена в значение слова «скрыто», имплицитно, помещена на периферию лексического значения слова. Однако в некоторых контекстах эта сема актуализируется, и лексемы приобретают референцию к человеку. Например, таким свойством обладают многие предметные номинации, когда они обозначают предметы, которыми человек может манипулировать и которые может приспособлять к своему телу: *Она появилась с сигаретой в зубах; В волосах у нее полно перьев; На щеке остались следы помады; Из ванной он вышел с полотенцем на голове.* Характерной особенностью функционирования таких номинаций является их обязательное «соседство» в тексте, высказывании с лексемами, входящими в макрополе «внешний человек». Только через такое соотнесение возможно включение наименований различных предметов в периферию исследуемого макрополя.

Следующий уровень членения семантического макрополя «внешний человек» – выделение микросистем, существование которых основано на парадигматических свойствах элементов, входящих в состав макрополя и его лексико-семантических групп.

Синонимическая парадигма

Синонимическая парадигма представляет собой синонимический ряд. Под синонимическим рядом понимается лексическое множество, выделенное внутри ЛСГ, члены которого объединены общей семой в лексическом значении и отличаются дифференциальными семами, способными нейтрализоваться в определенных позициях (Шмелев, с. 130). В синонимической парадигме выделяется доминанта – слово синонимического ряда с самым объемным и нейтральным значением, поэтому оно определяет общее толкование словарной

синонимической статьи и является точкой отсчета для других членов парадигмы. Синонимические ряды составляют первичные и вторичные (образно-метафорические, образно-перифрастические, стилистически маркированные, эвфемистические) номинации внешнего человека, частей тела, обозначения движений, признаков внешности и т.д. Отношения синонимии «пронизывают» поле по всей вертикали, т.к. доминанта и немаркированные члены синонимического ряда включены в ядерную зону, а коннотативно окрашенные синонимы относятся к периферийной зоне (ближней или дальней):

Глаза – *глазищи (прост.), глазенаны (прост. шутл.), глазоньки (прост. и нар.-поэт.), гляделки, буркалы, бельма, зенки, мигалки, шары (все – груб. прост.), очи, вежды, зеницы (оба – уст. поэт.).*

Стройный – *изящный, статный, ладный (разг.), подтянутый, худощавый, спортивный (разг.), спортивная фигура, хорошо сложенный, элегантный (разг.), ловкий, тонкий, хрупкий, грациозный, ровный (прост.).*

Притворяться – *прикидываться, симулировать, косить (жарг.), представляться (прост.), делать вид, что (разг.), подделываться (прост.), строить из себя (разг.), корчить из себя (прост.), играть роль (разг.), ломать (разыгрывать) комедию (разг.), юродствовать, валять ваньку (разг. и прост.), валять дурачку (разг. и прост.), выдавать себя за кого-л. (разг.), изображать кого-л., изображать из себя кого-л. (прост.), разыгрывать (разг.), имитировать (прост.), подражать кому-л., напускать на себя такой-то вид, имитировать, инсценировать, рисоваться, пускать пыль в глаза, выглядеть, казаться.*

Синонимические ряды исследуемого макрополя способны пополняться за счет возникновения новых образных и оценочных эквивалентов лексем, входящих в поле «внешний человек».

Большинство синонимических рядов этого поля является достоянием системы языка и зафиксировано синонимическими словарями русского языка. Между тем употребление говорящими единиц данного макрополя в речи, стремление говорящих к полноте и точности передачи информации, «прозрачность» стилевых границ, сближение слов в условиях контекста

приводят к появлению новых синонимических рядов и к пополнению уже имеющихся.

Антонимическая парадигма

Второй разновидностью парадигматических связей являются антонимические отношения в рамках макрополя «внешний человек».

Антонимами признаются слова, противопоставленные по самому общему и существенному семантическому признаку в их значениях (Шмелев, с. 131).

В антонимические отношения могут вступать как члены одной ЛСГ, так и члены разных ЛСГ. В рамках одного микрополя выстраиваются частеречные антонимические пары: существительное – существительное, прилагательное – прилагательное, глагол – глагол и т.д. Также антонимические пары могут дополнять фразеологизмы, сочетания слов, высказывания, эквивалентные слову. Члены антонимических рядов могут относиться как к ядерной зоне поля (немаркированные лексемы), так и к периферийной зоне, таким образом, антонимические отношения, как и синонимические, «пронизывают» макрополе по вертикали:

Худой – толстый, полный, жирный (разг.), тучный, пухлый, дородный, дебелий (разг.), рыхлый (прост.), сырой (прост.), расплывшийся (разг.), плотный, упитанный (разг.), кругленький (разг.), массивный.

Красавец – уродец, урод; рожа, пугало, страшилище, чучело (все – разг.), образина, мурло, мордovorot, страшила, мордovorot (все – прост.), каракатица, кикимора, Квазимодо, страшилище, страх божий (жарг.)

Разжимать – сжимать, жать, сдавливать, стискивать, давить, зажимать, тискать (разг.).

Наивное сознание противопоставляет такие значения, которые с логической точки зрения противопоставленными не являются. Окказиональные, субъективно-психологические антонимические пары появляются вследствие их соположения с собственно антонимическими семантическими парами. В рамках

исследуемого макрополя антонимические отношения наблюдаются между лексемами, противопоставленными по различным семам, например:

Орган / неорган: кожа/родинка, глаз/веко, нога / ступня, рука / ноготь.

Правый / левый: правая рука / левая рука, правое ухо / левое ухо, правый глаз / левый глаз, правая грудь / левая грудь, правая нога / левая нога.

Парный / непарный: глаза, уши, виски, губы, груди, руки, ноги, ягодицы / лоб, нос, рот, темя, затылок, спина, грудь, талия.

Верх / низ: голова / туловище, голова / ноги, туловище / ноги, торс / бедра.

Передний / задний: лицо / затылок, грудь / спина, половые органы / ягодицы, передняя часть голени / икры.

Постоянный / временный: голова, туловище, спина, плечи, шея / морщины, рубцы, швы, царапины, ссадины, ушиб, синяк.

Естественный / искусственный: волосы / парик, шиньон, искусственные пряди, локоны, зубы / искусственные зубы, вставная челюсть, рука / протез руки, нога / протез ноги, румянец / искусственный румянец, ресницы / приклеенные ресницы, ногти / накладные ногти, глаз / искусственный глаз.

Антонимические отношения внутри макрополя «внешний человек» свидетельствуют о неоднородном, сложном и антиномичном устройстве внешнего человека: различные его элементы, параметры и проявления выступают как самостоятельные сущности, вступающие друг с другом в те или иные смысловые отношения.

Эпидигматическая парадигма

Эпидигматика лексем, образующих макрополе «внешний человек», репрезентируется наличием у них смысловых и словообразовательных дериватов.

Словообразовательные дериваты лексем поля «внешний человек» образуют словообразовательные микросистемы. Семантическая связь между элементами одной микросистемы реализуется, как правило, общих аффиксах. На этом основании словообразовательно-семантические микросистемы данного

поля – это ряды или группы производных лексем, объединенных на основе отнесения к одному словообразовательному типу. Поскольку в процессе словообразовательной деривации лексем «внешний человек» участвуют несколько разных средств словообразования, то можно говорить о существовании нескольких словообразовательно – семантических групп, например:

- дериваты с размерно-оценочными суффиксами: *ручка, ручища, рученька, темя – темечко, волосы – волосищи, волосенки, голос – голосок, голосишко, голосище, старик – старикашка, старуха – старушенция;*

- дериваты с суффиксами «признака»: *красота, уродство, безобразие, неряшливость; ужасный, задиристый, улыбчивый;*

- дериваты с суффиксами «процесс»: *ходьба, бег, чтение, рисование, пение, моргание, бульканье.*

Многие лексемы, входящие в состав макрополя «внешний человек», способны иметь словообразовательные производные, образующие словообразовательные цепочки и ряды (при этом не должна исчезать интегральная сема макрополя), например: *зуб – зубик, зубок, зубочек, зубчик, зубенки, зубище, беззубый, острозубый, редкозубый, зубастый, зубатый, обеззубеть, зубоскалить, зубоскал, зубоскалка, зубоскальство, зубоскальниать, позубоскальничать, позубоскалить, зуботычина, белозубый, кривозубый, мелкозубый, неполнозубый.*

Эпидигма образуется также совокупностью «иерархически производных значений, сложившихся исторически, в многозначном слове русского языка» (Диброва, с. 185). У исследуемого множества многозначных лексем есть как первичные, так и вторичные значения. Рассмотрим на примере лексемы «взгляд» наличие семантических дериватов в системе языка. В современном русском языке существуют 3 основных значения этой лексемы (Словарь Ожегов, Шведова, 2000):

1) Направленность зрения на кого-что-н. *Обменяться взглядами. Бросать на кого-что-н. взгляды. С первого взгляда или на первый взгляд. Смерить взглядом кого-н. на взгляд.*

2) Выражение глаз. *Суровый взгляд. Растерянный взгляд.*

3) Мнение, суждение. *Научные взгляды. Правильный взгляд на вещи. Высказать свои взгляды. На мой взгляд.*

В слове «взгляд» второе значение связано с первым при помощи метонимического переноса: взгляд 2 – это «выражение» органа зрения (метонимические отношения – чувство – орган чувства); добавляется сема «качество». Третье значение связано с первым метафорическим переносом на основе скрытого сравнения: взгляд 3 – это мое собственное, «внутреннее» мнение, «внутренний» взгляд, направленность «внутреннего» зрения на кого-что-н.

С помощью переносов названий любого объекта на их обладателя, действия – на орган, части – на целое, метафорических переносов на основе сравнения макрополе «внешний человек» пополняется образными лексемами, вторичными номинациями, которые выражают качественное своеобразие национально-языкового мышления в большей степени, чем прямые номинации.

Тематическое субполе «внешний человек»

Тематическое субполе объединяет слова, имеющие в своем значении эксплицитную или имплицитную гиперсему. В данном случае мы объединяем в тематический ряд слова, принадлежащие к разным частям речи, обозначающие фрагмент действительности – «внешний человек» (человек, данный в своих внешних, физических формах и во внешних проявлениях).

Тематическое субполе «внешний человек» членится на понятийные сферы, включающие слова, в значениях которых обнаруживается интегральная сема «внешний вид». Каждая понятийная сфера, в свою очередь, состоит из понятийных микрогрупп, которые объединяются индивидуальной семой. На

примере каждой понятийной сферы и отдельной группы продемонстрируем устройство тематического поля.

Понятийная сфера «*Внешний вид человека*» включает следующие понятийные микрогруппы: *внешность (целостное восприятие), телосложение, рост, вес.*

Пример: понятийная микрогруппа «Вес».

Вес человека, весить, на весу; полный, полнота, полнеть, грузный, толстый, толстяк, толстуха, толстеть, круглый, тучный, тучность, тучнеть, пухлый, жирный, жиреть, поправиться, раздаться, отпустить брюшка, худой, худоба, худощавый, худеть, тощий, тощий, костлявый, скелет, осунуться; Спасть с лица; Арбуз растет, а кончик сохнет (о мужчине с большим животом); В него с похмелья не промахнешься (о полном человеке); Все, что у мужчины выше колена, то грудь (о толстом животе мужчины); Девушка вот с такой жепе (о полных бедрах женщины); Дорогой, дорогой, почему такой худой? Приходи ко мне в кишлак, будешь толстый, как ишак (о худом человеке); Его / ее за три дня на мотоцикле не объедешь (о полном человеке); Жиромясокомбинат, три сосиски, лимонад (о полном человеке); Кожа да кости; Мужчина в самом расцвете сил (о полном мужчине); Не смотри, что грудь впалая, зато спина колесом (о худом человеке); Не столько красива, сколько богата (о полной женщине); Ножки тоненькие, а жить так хочется (о худом человеке); Очки, доска и два соска (о худой, плоскогрудой женщине); Семь на восемь, восемь на семь (о полном человеке); Два на два (о полном человеке); Скелет ходячий; Такая морда ни в одно зеркало не влазит (о полном лице); Хорошего человека должно быть много (о полном человеке); Чемпион по литрболу и котлетометанию (о полном человеке); Худая корова еще не газель (о худой девушке); Шея, как у быка хвост (о тонкой шее).

Понятийная сфера «*Внешнее тело, части внешнего тела*» включает следующие микрогруппы: *голова, туловище, конечности, кожа, волосы.*

Пример: понятийная микрогруппа «Кожа».

Загорелая, смуглая, черная, белая, гладкая, упругая, морщинистая, сморщенная, дряблая, загорбелая, к. лица, на лице, к. на руках, к. кистей рук, к. головы, спины, груди, декольте, живота, бедер, ягодиц, ног, ступней ног, светлокожий человек, темнокожий человек, краснокожий человек, желтокожий человек, смуглый человек, смуглое лицо, смуглое тело, смуглянка, загар, южный з., сибирский з., крымский з., загореть, сильно загореть, лицо загорело, обгореть, получить ожог от солнца, дряблое лицо, дряблость, морщинистое лицо, глубокие, едва заметные, мимические, возрастные, преждевременные морщины, лицо в морщинах, сморщенное лицо, цвет кожи, пересадка кожи, уход за кожей, пилинг кожи, смазывать кожу, наносить крем на кожу, втирать в кожу мазь, к. обветрела, побелела, потемнела, загорбела, шелушится, родинка, родимое пятно, веснушка, мозоль, шрам, рубец, шов, сыпь, рана, порез, царапина, волосы; кожный покров, кожные болезни. Бледный, как полинявший рак; Белый как смерть; Бледный как полотно (покойник); Цвета бедра испуганной нимфы (о бледном человеке); Рыжий, рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой (в т.ч. о веснушчатом человеке); Богом / дьяволом отмеченный (о человеке с большим количеством родинок или с родимым пятном); Черный, как уголь, как негр, как с Канар (о загорелом человеке).

Понятийная сфера «*Ощущения*» включает следующие микрогруппы: *зрение, слух, обоняние, вкус, осязание.*

Пример: понятийная микрогруппа «*Обоняние*».

Тонкое о., отсутствие о., нос, дышать носом, вдыхать носом, ноздри, запах, хороший з., плохой з., неприятный з., приятный з., тонкий з., острый з., тяжелый з., резкий з., гнилой з., з. цветов, з., леса, з. духов, з. дыма, издавать з., не переносить з., определить по з., доносится з., у чего-л. какой-л. запах, аромат, а. цветов, а. духов, ароматный, вонь, смрад, нюхать, пахнуть, пахнуть духами, хорошо пахнуть, плохо пахнуть, чем-то пахнет, нести: по улице несетя запах газа, тянуть: с улицы тянет дымом, чувствовать з. чего-либо, чувствоваться: чувствуется легкий аромат; Как из помойной ямы (о неприятном запахе); Дышите глубже, пролетаем Сочи (о неприятном запахе);

Все ароматы Франции в одном флаконе (об очень неприятном запахе или сильно надушенном человеке); *Хорошо в краю родном пахнет сеном и г...* (о неприятном запахе).

Понятийная сфера «*Физическое самочувствие*» включает следующие микрогруппы: *возраст, физическое состояние, здоровье, нездоровье.*

Пример: *понятийная микрогруппа «Возраст».*

В. человека, младенческий, подростковый, юношеский, зрелый, пожилой, старческий, дошкольный, школьный, трудный, человек в возрасте столько-то лет, человек какого-л. возраста, разница в возрасте, достигнуть какого-л. возраста, возрастной ценз, возрастные особенности, возрастные явления, тридцатилетие, тридцатилетие дочери, отметить чье-л. тридцатилетие, тридцатилетний, ей – тридцать лет, ей исполняется тридцать лет, идет тридцатый год жизни, сверстник, сверстница, ровесник, ровесница, одноклассник, поколение, младшее поколение, старшее поколение, юное поколение, современное поколение, наше поколение, принадлежать к какому-л. поколению, младший, старший, детство, ребенок, дети, детский, детвора, новорожденный, младенец, малютка, малыш, малышовой, малый, дошкольник, дошкольница, школьник, школьница, мальчик, мальчишеский, девочка, девчачий, девчоночий, подросток, подростковый, отрочество, юность, молодость, молодой, молодо, молодить, молодежь, молодежный, юноша, юношество, юный, юношеский, молодой человек, парень, девушка, девица, девчата, несовершеннолетний, совершеннолетний, зрелость, взрослый, взрослые, зрелый, женщина, женский, мужчина, мужской, пожилой, немолодой, преклонный, старость, старческий, старый, престарелый, престарелые, дряхлый, старение, стареть, старить, стариться, дряхлеть, старик, стариковский, старец, дед, бабушка, бабушка, бабка, старуха, старушечий. Старая развалина; Старая кошелка; Старая кляча; Одной ногой в могиле; Еще молоко на губах не обсохло; Дожить до седых волос; В самом соку; Сорок пять – баба ягодка опять; Бальзаковский возраст; Когда деревья были большими (о детстве); Комсомольская юность моя (о юности); Период полового созревания (о подростковом возрасте).

Понятийная сфера «Движения» включает следующие понятийные микрогруппы: *движения человека, жесты, мимика, походка.*

Пример: понятийная микрогруппа «Походка».

Беззвучная, бесшумная, бодрая, бойкая, бравая, верная, вихляющая, военная, воздушная, вялая, гибкая, грациозная, грузная, девичья, деревянная, зыбкая, изящная, кавалерийская, качающаяся, красивая, легкая, ловкая, маршевая, мелкая, мешковатая, молодецкая, морская, мужская, мягкая, напористая, неверная, неловкая, неровная, неслышная, нетвердая, неуверенная, неуклюжая, нечеткая, отчетливая, очаровательная, парящая, плавная, плывущая, подпрыгивающая, порывистая, походная, проворная, пружинистая, прыгающая, разбитая, развалистая, в развалку, развинченная, размашистая, размеренная, расслабленная, расхлябанная, ровная, семенящая, сильная, скачущая, скованная, скользящая, слабая, спортивная, старческая, строевая, танцующая, твердая, тяжелая, тяжеловесная, упругая, устойчивая, четкая, шаркающая, шатающаяся, шаткая, широкая, щегольская, щеголеватая, эластичная, элегантная, энергичная, юношеская; быстрая, медленная, медлительная, мерная, неторопливая, прыткая, спорая, стремительная, тихая, торопливая, журавлиная, кошачья, индюшечья, лебединая, лебяжья, медвежья, павлиная, птичья, утиная, уточкой, как цапля, барственная, беззаботная, беспечная, благородная, важная, вальяжная, величавая, виноватая, вкрадчивая, властная, внушительная, воровская, генеральская, гордая, горделивая, игривая, ленивая, напористая, небрежная, нервная, нервозная, нерешительная, неуверенная, осанистая, осторожная, печальная, покойная, решительная, робкая, свободная, смелая, смиренная, спесивая, спокойная, строгая, торжественная, трусливая, уверенная, утомленная, усталая, хозяйская, царственная, чинная, идти какой-л. походкой, поступь, величавая поступь, твердая поступь, шаг, твердый шаг, уверенный шаг, идти каким-л. шагом, шагать, шагать уверенно, вышагивать, шествовать; Летучий спотыкач (о походке пьяного человека); Словно лодочка плывет (об изящной походке);

Понятийная сфера «Сопутствующие признаки внешности» включает следующие понятийные микрогруппы: *одежда, обувь, аксессуары.*

Пример: понятийное микрогруппа «Обувь»:

Мужская, женская, детская, зимняя, демисезонная, летняя, кожаная, из заменителя, натуральная, резиновая, замшевая, из нубука, тряпочная, на тонкой подошве, на платформе, на каблуке, без каблуков, модельная, лакированная, остроногая, тупоногая, с квадратным носком, новая, с иголочки, элегантная, щегольская, праздничная, модная, самый писк, в моде, выйти из моды, старомодная, неухоженная, поношенная, износить, протертая, протереть, порванная, порвать, дырявая, с дыркой, стоптанная, стоптать, надеть, снять, примерить, носить, разносить, ходить в какой-л. обуви, обуть, обуться, разуть, разуться, босой, босиком, переобуть, о. жмет, мала, не по ноге, велика, узкая, широкая, впору, на полную ногу, на узкую ногу, не лезет, идет; туфли, т.-лодочки, босоножки, танкетки, сандалии, сандалеты, штиблеты, башмаки, ботинки, ботильоны, полуботинки, кроссовки, сапоги, с.-чулки, полусапожки, галоши, боты, ботики, валенки, унты, тапки, шлепанцы, кеды, сабо; носок, задник, набойка, подошва, подметка, стелька, язычок, каблук, рант, голенище, шнурки, шнуровать, шнуровка, зашнуровать, завязать, развязать, застежка, застегнуть, расстегнуть, молния, замок; чистка о., чистить, начистить, щетка, бархотка, суконка, крем, гуталин, починка, чинить, порвать, порваться, ремонт, отремонтировать.

Понятийная сфера «Внешние формы поведения» делится на следующие микрогруппы: *поведение, образ жизни, правила поведения.*

Пример: понятийная микрогруппа «Правила поведения».

Правила п., культура п., этикет, соблюдать э., манера п., тон, соблюдать тон, вести себя, не уметь вести себя, приличие, соблюдать приличие, правила приличия, не выходить из рамок приличия, приличный человек, приличное п., неприличие, считать за неприличие громко разговаривать, неприличное выражение, неприличное п., шокировать, привычка плевать на улице, иметь привычку, воспитание, воспитанность, воспитанный, невоспитанность,

невоспитанный, культурность, культура п., человек высокой культуры, культурно вести себя, некультурный, вежливость, вежливый, вежливо, невежливость, невежливый, невежливо, такт, бестактность, бестактный, тактичность, тактичный, деликатность, деликатный, корректность, корректный, корректно, предупредительность, предупредительный, любезный, любезно, любезность, грубость, грубый, грубо, грубить, грубиян, грубиянка, резкость, резкий, резко, дерзость, дерзкий, дерзко, дерзить.

В тематическом субполе «внешний человек» семантическая общность задается гиперсемой «внешний вид», гипонимические отличия внутри парадигмы связаны с выделением понятийных сфер и понятийных микрогрупп, каждая из которых характеризуется общей семой и отнесенностью к одной теме (к одному понятию).

2.3. Образ-концепт «внешний человек»: ключевое понятие «тело» в семантическом пространстве «внешнего человека». Обозначение экспрессии внешнего человека словами «имидж», «харизма», «сексуальность» в современном русском языке

2.3.1. «Тело» – ключевое понятие семантического пространства «внешнего человека»

Образ-концепт «целостный человек», как выше отмечено, занимает центральное положение в языковой картине мира и поэтому является наиболее актуальным для носителя языка. «Внешний человек», наряду с «внутренним человеком», также является базовой, основной семантической характеристикой человека целостного. Центром семантического пространства «внешний человек» является микрополе «тело человека», его ключевое понятие – «тело человека», которое манифестируется в языке лексемами, фразеологизмами, словосочетаниями, предикатами вторичного означивания.

Ставя задачу описания языкового отображения концепта «внешний человек», нельзя не обратить внимание на потенциальную коммуникативность внешности человека. Внешность человека «обращена к другим людям» (Кон, 1978, с.58), и вследствие этого она наделена способностью передавать людям информацию о внутреннем мире личности, выявлять индивидуальные, присущие только этому человеку качества и свойства. Именно с этой точки зрения внешность информативна и коммуникативна: она есть средство «познавательного акта, реализующегося на основе одновременного включения различных уровней сознания, основу которого составляют эмоции» (Богуславский, с. 91), т.е. внешность – объект оценивания и субъект информации, который характеризуется экспрессивностью и способностью воздействия на окружающих.

Кроме того, внешность воспринимается людьми как эстетический объект, т.е. она наделена выразительностью и способностью эстетически воздействовать на воспринимающего (Бахтин, 1979). Иначе говоря, внешность – объект разнонаправленной познавательной-оценочной деятельности.

«Тело», как об этом было сказано выше, является ключевым, центральным понятием семантического пространства «внешнего человека». Обратимся сначала к сведениям о семантике слова «тело», почерпнутым из словарей. Понятие «тело человека» репрезентируется 2 значениями лексемы «тело» в русском языке (Ожегов, Шведова): 1) организм человека в его внешних, физических формах; 2) часть организма человека, исключая голову и конечности, т.е. «собственно тело» и «одна из частей тела». Лексема **тело** в 1 значении включена в следующий синонимический ряд: *плоть (устар.)*; *телеса (шутл. ирон.)* – обычно по отношению к полному человеку; *тельце (уменьш.)* – обычно по отношению к детскому телу; *останки, труп* – о теле умершего человека; *останки, прах, тлен* – о том, что осталось от тела умершего человека; *мощи (святые)* – об останках человека, признанного церковью святым. Лексема **тело** во втором значении включена в синонимический ряд: *туловище*; *стан (или талия (устар.))* – обычно о женском туловище, пропорциональном и стройном; *торс* – обычно о мужском туловище, физически развитом и пропорциональном; *корпус*; *тулово (малоупотр.)*.

Тело состоит из органов – внешних и внутренних. Следует отметить, что, характеризуя тело, свое или чужое, человек может замещать лексему «тело» названием какого-либо из его органов: *глаза, рот, нос, ноги* и т.д. Характеристики человека могут быть отнесены как к отдельной части его тела: *большой нос, выразительные глаза, красивые волосы*, так и к целостному человеку: *большеносый, кареглазый, белобрысый*, характеризуемому по одному из параметров внешности.

Внутреннее тело, в силу того, что оно скрыто от наблюдения, характеризуется по его внешней рефлексии. Например, признаки болезней могут отражаться в виде различных высыпаний на коже, одышки и т.д., из чего мы

можем сделать вывод о состоянии внутреннего организма человека. В высказывании, отражающем денотативную ситуацию «проекция внутреннего тела на «внешнее тело» обязательно будет включена номинация внутреннего органа и номинация внешнего органа или внешнего признака:

У него больная печень / Глаза, смотри, какие желтые; У тебя с почками плохо? // Почему ты так решила? // Мешки под глазами. Но характеристики внутренних органов, подобные характеристикам внешних органов, а также характеристики целостного человека по его внутренним органам в русском языке не встречаются, ср. *карие глаза, кареглазый – но: бурое сердце; большой нос, большеносый – но: *большая печень (увеличенная печень – медицинский термин, отражающий научную картину мира).*

Внешнее физическое тело связано с внутренним, физическим, также через проявления жизнедеятельности внутренних органов и систем (не обязательно в состоянии болезни). В языке такие характеристики сочетаются с номинациями целостного человека и частей тела (органов и неорганов); высказывания с подобными характеристиками, основанными на метонимии, свободно замещаются в тексте:

Он покрылся испариной. – Лоб покрылся испариной; С него пот градом катит. – Со лба пот градом катит; Он истекает кровью. – Из раны сочится кровь.

С другой стороны, внешнее тело является своеобразным «экраном», на котором можно увидеть внутреннюю (духовную, эмоциональную, интеллектуальную) жизнь человека. В русском языке это выражается множеством предикатов: *увидеть* (В его глазах я увидел испуг), *прочитать* (На его лице я прочитал отвращение), *понять* (По его внешнему виду было понятно, что он – представитель богемы), *становиться* (Лицо из жалостного стало озлобленным), *выражать* (Ничто в нем не выражало работы мысли), *изображать* (Она пытается изобразить из себя светскую даму, но у нее это плохо получается), *судить по* (внешнему виду, глазам, лицу и т.д.: Судя по выражению твоего лица, ты не очень доволен) и др.

Любой фрагмент картины мира, как об этом пишут многие исследователи (В.Н. Топоров, В.А. Маслова, В.Н. Телия, В.И. Иванов и др.), может быть представлен с помощью различных параметров: пространственных (*верх - низ, правый - левый*), временных (*день - ночь, старость - молодость*), количественных (*мало - много, толстый - тонкий*), этических (*хорошо - плохо, добро - зло*), эстетических (*красивое - безобразное*) и др. Эти параметры обнаруживаются и в языковом образе тела.

Тело человека характеризуется различными **физическими** параметрами:

рост (высокий, низкий, маленький), но при рождении – *длина*, т.к. новорожденный находится по преимуществу в горизонтальном положении, а также *длина* отдельных частей тела: *Печальная голова вздохнула, скрылась, и из дверей вылез маленький облезлый господин неопределенного возраста (Тэффи); Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос (Чехов); Его длинное неуклюжее туловище поддерживали очень короткие кривые ноги (Гаршин);*

величина, объем (полное тело, большая голова): *Мальчишка был без шапки, с холщовой сумкой через плечо, в грязной рвани на тощем теле (Бунин); Она шла молча, изредка поднося худую руку к тонким, ввалившимся губам (Тургенев); Стоек был поп и терпелив, но от удара такого потерял поп жизни не меньше как десять лет. Очень уж красивый и крупный был железнодорожный техник (Зощенко);*

внешние очертания тела (фигура, телосложение, формы): *Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинную роскошную косою, упавшею на поднятую кверху руку (Гоголь); Молодой парень спортивного телосложения поведал историю своего нетрадиционного бизнеса (газ.);*

состояние здоровья (пышет здоровьем, чахлый): *Бюст ее... мог бы послужить живописцу или скульптору моделью крепкой, здоровой груди (Гончаров); Увидев дочь, он зашевелил бессильными губами и захрипел*

(Л.Н. Толстой); *Одинокое заключение сильно повлияло на медвежье здоровье Урбенина: он пожелтел и убавился в весе чуть ли не наполовину (Чехов);*

физическая сила и физическое состояние тела и его частей (мощное тело, неразвитые мышцы): ...стоило ему вернуться домой, как он надевал войлочные туфли и садился в кресло, бледный, в полном изнеможении (Одоевцева); Странно было видеть его могучую, широкоплечую фигуру, вечно согнутую над письменным столом (Тургенев);

физические характеристики тела и его частей (голубые глаза, черные волосы): Аксинья глядела на прядь прямых черных волос, упавших из-под платка на руку Натальи (Шолохов); У нее удивительные, наливные, белоснежные плечи (Салтыков-Щедрин);

временными параметрами (старое – молодое): *Это был семидесятилетний старик, седой и плешивый, среднего роста, крепкого сложения (Достоевский);*
эстетическими (красивое, прекрасное, уродливое лицо): *Был Алеша чудо как хорош собой, но не мужественной, а скорее девичьей красотой (Акунин); Я обратил внимание / у тебя очень приятный голос (р/р); Все в ней было очаровательно: вдохновенное лицо, прелестные руки, гибкий музыкальный голос (Куприн);*

этическими (добрые глаза, ласковые руки): *В голосе его подрагивали нотки добродушного, беззлобного смеха (Шолохов);*

интеллектуальными (умное лицо, тупой взгляд): *Ромашов с отвращением почувствовал у себя на лице какую-то бессмысленную, тусклую улыбку (Куприн); Пришел исповедник. Но вдруг Его безумный хохот встретил (Лермонтов);*

психоэмоциональными (озорной взгляд, грустное лицо): *Алексей Степанович улыбнулся пухлыми губами, отчего на румяных щеках образовались славные ямочки, и восхищенно развел руками (Акунин); Тося перехватила любопытные и завистливые взгляды девчат (Б. Бедный); Сначала она шагала довольно смело, но скоро волнение и страх взяли свое: она пугливо обернулась, остановилась и перевела дух (Чехов);*

социальными (руки рабочего, осанка аристократа): *Для профессора у вас слишком цветущий вид. Делаете зарядку?(к/ф); - Ты, Литвинова, с виду замужем, а чего же кольцо не носишь? (к/ф)*

гендерными (мужские манеры, бабье лицо): - *Ведь мы ж, - Марина неожиданно чисто по-мужски стукнула себя кулаком в грудь, - деньги готовы платить, только чтобы все по-человечески было! (газ.); Неизвестно, что подействовало больше – сообщение о школе или сокрушительная мужская улыбка, но ледяная неприступность дежурной явно начала таять (Васильев).*

Тело не статично: изменяется человек – изменяется тело, как и другие живые организмы. Язык содержит обозначения различных телесных изменений – в терминах движения и изменения:

возрастные: *стареть, молодеть*; физических параметров: *расти, толстеть, спасть с тела, ослабеть, выздороветь*; под влиянием различных факторов окружающей среды: *тело дрожит, трепещет, покрывается ознобом*; под влиянием эмоциональных состояний, чувств: *покраснеть, распахнуть от удивления глаза*; в зависимости от социального статуса: *Как стал бизнесом заниматься / весь лохотный да холотный стал /не то что раньше / охломот охломотом ходил (р/р)*; эстетического характера: *похорошеть, подурнеть*; в результате интеллектуальной деятельности: *Лоб морщит // Значит / думает (к/ф).*

Тело человека является совокупностью частей, органов и систем, составляющих человеческий организм. Отсутствие какого-либо органа или нарушение пропорциональных соотношений воспринимается как отклонение от нормы, что сказывается на речевой оценке этого объекта: *худой как скелет, как селедка, жирный как свинья* ('плохо') – *стройный как тополь, правильного, изящного телосложения* ('хорошо'). Оценка нередко заключена в прозвищах, которые даются человеку по особенностям его внешности. Чаше, конечно, прозвищем «наделяется» внешность, имеющая отклонение от нормы: *Ухотлан* (большие уши), *Дятел, Носач, Шнобель, Грузин* (большой нос), *Биг, Голован, Голова, Арбуз* (крупная голова), *Лошадь Пржевальского, Мышь, Крыса, Зайчиха*

(сходство внешности с животными), *Бочка, Толстяк, Толстый, Пузо* (тучный, полный человек), *Шпала, Селедка, Худой, Кочерга, Кегля* (худой человек), *Длинный, Шпала, Швабра* (высокий человек), *Ботаник, Интеллигент, Интеллиго* (о человеке неспортивного телосложения). Внешность, оцениваемая положительно, редко удостоивается прозвища: *Красотка, Актриса, Лапочка, Мальвина*.

Тело имеет не только определенную форму, оно занимает определенный объем в пространстве: имеет рост, объем, вес, размер. Как уже было отмечено, телесный идеал со временем меняется, ср. языческий идеал могучего, сильного, физически развитого мужчины и романтическое представление мужчины как бестелесного, бесплотного. Но народные представления со временем практически не меняются: традиционно на Руси с большой физической массой, высоким ростом связывались сила, могущество, напр.: *Путин хилый / болезный / куда ему с Березовским бороться // даже Ельцин / такой бугай / не смог // будет Путин потом в Барвихе отлеживаться (р/р)*.

Следовательно, чем больший объем в пространстве занимает тело, тем более сильным представляется его обладатель, а силу язык сопровождает положительной коннотацией. Эстетический аспект внешности в данном случае выступает как производный от прагматического: физическая сила = телесная крепость = выносливость = красота.

Заметим, что в женском эталоне внешности в настоящее время доминируют качества, соотносимые со здоровьем и физическим совершенством (не силой): ценится не "бестелесная" стройность (романтический идеал), а упругое, спортивное, гибкое тело: *Хотите быть стройной и привлекательной? Запишитесь в шейпинг-клуб*. С другой стороны, в русском языковом сознании сохраняется представление о женском привлекательном теле как полном, не лишенном «округлостей»: *Ищу женщину приятной полноты; можно полную; средней полноты* – подобные формулы довольно часто встречаются в текстах объявлений о знакомстве мужчин 35-70 лет.

Помимо того, что тело способно к изменению, динамичность его заключается еще и в том, что телу самому по себе свойственны различные движения (что также описывается в терминах перемещения и движения), которые могут характеризовать как целостного человека, так и отдельные части его тела: человек *спит, идет, бежит, несетя сломя голову, прыгает, скачет, танцует*; *меняет позу тела, положение тела; губы дрожат – человек дрожит, человек бежит – глаза бегают, человек дышит – грудь дышит*. На основе сходства с действиями человека, через метафорический перенос частям тела приписываются самые разнообразные движения: *глаза смеются, руки танцуют, волосы шевелятся, ресницы дрожат, зубы стучат*.

Человек выразительно *жестикулирует*, выражает свои чувства и состояния *миимикой лица*: *Всеволодский, подхваченный неистовым порывом вдохновения и красноречия, метался по эстраде, то подбежал к самому краю, то, широко раскинув руки, замирал, как пригвожденный к стене (Одоевцева); Быстрая, почти детская усмешка чуть-чуть трогала его тонкие усы, губы и выдающийся крутой подбородок (Тургенев); Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево (Пушкин)*.

Тело издает запах. Запах может быть естественным и искусственным: запах язык манифестирует в словосочетаниях с номинациями человека, его тела (и его заместителями – наименованиями частей тела) в таких формах: *запах тела + адъектив; от тела исходил запах + Р.п., от тела пахло + Т.п.*

Запах оценивается положительно или отрицательно в зависимости от индивидуальных предпочтений: *приятный (аромат) («хорошо»)* или *неприятный (вонь, смрад) («плохо»)*. Неестественный запах обозначается номинациями веществ, издающих запах: *От щеки пахло только что нанесенным кремом (Новикова); Люблю, когда от женщины пахнет «Сальвадором Дали» (р/р); В будуаре Башкирцевой... вместе с беспокойным, дразнящим ароматом, который оставался потом на платье, висел в воздухе ее острый запах туалетного уксуса и какой-то эссенции (Куприн)*. Запах может обозначаться метафорически или сравнением: например, очень активна модель «как у

животного», «как у растения»: *Я не хочу с ней сидеть // От нее кошкой пахнет (р/р); От тебя пахнет, как травой на лугу (к/ф).*

Тело издает звуки. В языке звуки передаются многочисленными глагольными и отглагольными номинациями. Глагольные номинации сочетаются с номинациями целостного человека и частей его тела, а отглагольные существительные самостоятельно функционируют в высказывании, являясь объектом наблюдений и описаний: *шорох, бульканье, чавканье, чмоканье и т.д.: Ромашов вдруг засмеялся и сам точно со стороны услышал свой тупой, деревянный смех (Куприн); Ордынцов слышал порою легкий шелест ее тихих шагов (Достоевский); Морозка вышел на прогалину и, заложив два пальца в рот, свистнул три раза пронзительным разбойничьим свистом (Фадеев); Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам (Чехов); Из-под брочки послышался глубокий вздох (Чехов).*

2.3.2. Экспрессия внешности человека и ее современные обозначения

Исследователи (В.М. Богуславский, С.Н. Яременко, С.С. Степанов) отмечают, что в современном мире наряду с тенденцией к созданию мегаэталона внешности (ср. экспансию иностранных косметических средств, которые «создают» всемирный эталон красоты) действует контртенденция к сохранению национальных приоритетов. Все это находит свое отражение в языке и литературе: сравните однозначность эталонных фольклорных образов (*очи соколиные, брови соболиные, походка павиная*) и множественность образов русской литературы к. XIX – XX вв. Художественный образ постепенно из национального становится общечеловеческим. Сейчас, на стыке веков, взаимопроникновение и взаимовлияние культур особенно интенсивно и заметно, а вместе с ними трансформируются стереотипы мышления, поведения, стереотипы восприятия и оценки внешности. В язык проникают новые понятия, оценивающие экспрессию внешности, ее воздействие на воспринимающего. Проанализируем некоторые из них.

Имидж (из англ. Image – образ, изображение, отражение в зеркале) – в «впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т.п., создаваемое заинтересованными лицами; индивидуальный стиль, облик, характеризующий лицо, группу, или учреждение и т.п.» (Толковый словарь русского языка конца XX в., с.216).

Как и понятие, выражаемое словом **образ**, лексема **имидж** обозначает совокупность черт, характерных для того или иного субъекта. Но русское слово «образ» в настоящее время сужает свои семантические рамки и употребляется в основном по отношению к герою какого-либо произведения (литературного, кинематографического, театрального): *Образ лирического героя; образ, созданный актером* (ср. *имидж, созданный актером*). Интересно, что слово «имидж» употребляется не только по отношению к отдельному лицу, но и к коллективу, учреждению: *Имидж «Московского комсомольца» скандален; Имидж нашего банка; Имидж преуспевающей фирмы*. По отношению к человеку «имидж» обозначает совокупность характерных черт (как внутренних, так и внешних), которые являются проявлением индивидуальности. С другой стороны, имидж – это некое представление окружающих о каком-либо субъекте, созданное либо самим субъектом, либо посторонним «заинтересованным» лицом (**имиджмейкером, стилистом, визажистом**). Образ же является результатом глубокой внутренней работы, в отличие от имиджа, который не затрагивает глубинных, «душевных» структур. Например, то, что мы видим на экране (в частности, внешний облик), не принадлежит самому ведущему, певцу и под.: *Одежда для ведущей предоставлена универмагом «Москва» (т/п); Одежда для ведущих предоставлена салоном «На Почтовой» (р/п)*.

Внешний облик (одна из составных частей имиджа) становится «полем» рекламы: выбирается тело, на которое надевается одежда, нуждающаяся в рекламе. Та же ситуация наблюдается и с лицом: оно становится «палитрой» для экспериментов имиджмейкера. Из интервью с певицей Татьяной Овсиенко: «*В одном из последних клипов вы предстаёте в неожиданном для вас облике –*

этакая панк-герл. Чья была идея? – Мне посоветовал продюсер, а стилист развил свою фантазию. Так что я тут ни при чем (p/n).

С помощью удачного имиджа одного человека можно создать имидж (=лицо) фирмы, учреждения, т.е. совокупности лиц: ср. рекламы косметических фирм, у каждой из которых есть свой представитель, чаще всего известная актриса или фотомоделль: *Кристи Терлингтон использует помаду №350 «Мойсчер Вип»; Клаудия Шиффер использует шампунь «Elseve».* Такие косвенные стимулы в лице известных людей «подталкивают» обывателя к приобретению товаров данных фирм и создают мнение о качестве товара, что способствует не только созданию положительного имиджа фирмы, но и помогает продвигать товар на рынке (+ экономическая ценность внешности).

Еще одно современное слово-понятие, отражающее воздействие внешнего облика (образа, имиджа), – **харизма**. «Толковый словарь русского языка конца XX века» (с. 658) трактует значение этого слова как «одаренность, исключительная удачливость кого-либо, особую способность воздействия на окружающих». Таким образом, **харизма** – это особый дар, присущий человеку. В этом понимании внешний облик не является составной частью харизмы: *Политик может быть каким угодно – хромым, косым, маленьким, лысым, но если у него есть харизма, вы за ним пойдете (m/n).* Социолог М.Вебер подразумевает под харизмой не одаренность человека, а, наоборот, убежденность людей, масс в том, что данный политический деятель наделен какой-либо способностью. На этой убежденности построена диктатура, тирания (ср. Гитлера, Сталина). В наивном (обыденном) сознании современного человека «харизма» нередко отождествляется с обаянием человека, которое прежде всего связывается с красивыми, приятными чертами лица, располагающей манерой поведения: *Конечно, я понимаю, моя харизма не такая привлекательная, как у Бориса Немцова (m/n); Может быть Явлинский и умнее, но у Кириенко харизма лучше (p/p); - Вам не бывает обидно, что вас в первую очередь идентифицируют как секс-символ, а не как музыканта? – На Западе это главный критерий: только если человек имеет харизму, он имеет*

право называться звездой. Это только в нашей стране принято поднимать на знамя...уродливых исполнителей...а все красивое объявлять персоной нон грата. К счастью, там я себя чувствую как рыба в воде. Ко мне относятся как к человеку, который будет вызывать положительные эмоции (газ.).

Таким образом, в наивном языковом сознании **харизма** отождествляется не просто с качествами, которые вызывают симпатию, приятие; это внешность, вызывающая такую реакцию, – приятная и обаятельная. Слово «харизма» становится новомодным современным синонимом слова «обаяние». То, что ранее относилось прежде всего к внутренним, личностным свойствам (божественный дар, милость), постепенно выводится в сферу чего-то поверхностного, наносного, того, что в конечном итоге скрывает истинную «харизму» человека.

Внешность человека является не только инструментом воздействия на рынок, на массы, она еще и оказывает сексуальное воздействие и в то же время сама является объектом сексуальных оценок. В последние десятилетия в современный русский язык вошли такие новые слова (или сменили сферу употребления, являясь ранее лишь медицинскими терминами), как **сексапильность, сексапильный, секс-бомба, сексуальный** и под. Эти лексемы объединены общей семьей «обладающий ярко выраженной чувственностью; вызывающий чувственные эмоции». Сексуальность складывается из чувственного внешнего облика, особой манеры поведения, жестов, одежды: *сексуальное платье; Голливуд создал образы секс-бомб, конечно же, светловолосых* (газ.); *сексапильный вырез платья*. Нередко сексуальность понимается не только как определенные качества, черты лица, поведения, вызывающие чувственные эмоции, но и как совокупность черт, *приятных, привлекательных* для противоположного пола. Таким образом, лексемы «сексуальный», «сексапильный», «секс-бомба» выступают в неточном употреблении синонимами слова «привлекательный».

Выводы. Семантическое макрополе «внешний человек» характеризуется разнообразными парадигматическими отношениями, которые «пронизывают» ядро и периферию поля, что доказывает подчиненность внутренних характеристик поля общим системным закономерностям организации словарного состава языка; к ним можно отнести наличие ядерных и периферийных групп лексем, синонимических, антонимических, деривационных, тематических связей элементов макрополя, прямых и переносных значений у целого ряда лексем, имеющих общую грамматическую сочетаемость.

Самая яркая черта выделенного макрополя – принадлежность его составляющих к разным частям речи, включение в состав поля фразеологизмов, перифрастических и эвфемистических сочетаний, цельных высказываний, имеющих идиоматический характер и эквивалентных одному слову.

Так как сема «внешний вид человека» потенциально субъективно-аксиологическая, то многочисленные периферийные элементы макрополя характеризуются образно-оценочными коннотативными семами, сопутствующими интегральной семе, в то время как ядерные группировки макрополя состоят из слов и словосочетаний, нейтральных в стилевом и эмоционально-экспрессивном отношении.

В количественном отношении преобладают периферийные группы и подгруппы, лексико-семантическое разнообразие которых возрастает по мере удаления от ядерных групп.

Синонимические и антонимические связи элементов макрополя характеризуются и общеязыковым, и речевым статусом. И те, и другие включают множество номинаций с образно-экспрессивными и оценочными коннотациями.

Для синонимических рядов характерна разностилевая принадлежность. Антонимические пары и ряды отличаются субъективно-оценочными и национально-культурными коннотациями, что ведет к возникновению

антонимических пар слов, не соответствующих строгой логической противопоставленности.

Семантическая деривация (метонимического и метафорического типа) характерна для подавляющей части элементов макрополя, относящихся не только к ядерным, но и к периферийным группам, т.е. все они по сути своей полисемичны.

Словообразовательные дериваты образуются практически от всех лексем с помощью разнообразных аффиксов и обладают разнообразными дополнительными значениями, что позволяет расширить состав макрополя и включить такие лексемы в лексико-словообразовательные парадигмы.

Тематическая парадигма семантического макрополя «внешний человек» членит его состав в зависимости от отнесенности группы к той или иной понятийной сфере. Все понятийные сферы репрезентируют одну тему – «внешний человек» и объединены интегральной гиперсемой – «внешний вид человека». Каждая понятийная сфера может делиться на несколько понятийных микрополей в зависимости от наличия добавочных интегрирующих сем.

В целом можно сделать вывод о том, что семантическое пространство внешнего человека по данным словарей представляется неоднородным по частеречному составу: значимость лексем и их эквивалентов, входящих в семантическое макрополе «внешний человек», для репрезентации языкового образа внешнего человека разная. Характеристики человека по каким-либо внешним качествам репрезентируются главным образом прилагательными, а субстантиваты и существительные в этом фрагменте вторичны: *толстый* – *толстяк*, *красивый* – *красавец*, *худой* – *доска*; для характеристики движений первичны глаголы, затем существительные, обозначающие движения: *взмахнуть* – *взмах*, *бежать* – *бег*, *кивнуть* – *кивок*, *плакать* – *плач*. Данные соотношения системно обусловлены.

Соотношение внешнего и целостного человека в семантическом пространстве «внешний человек» проявляется в своеобразии синтагматических отношений: целостный человек может быть назван по наименованию какой-либо

части или особенности внешнего облика: *Эй, шляпа, подойди сюда; Я за этими очками стояла (в очереди); Толстый сказал, что сегодня не придет.*

Реконструкция образа-концепта «внешний человек» по данным словарей показала, что исследуемый образ расщеплен на разнообразные составляющие, причем общему внешнему виду и его элементам приписываются экстралингвистически мотивируемые признаки: анатомические, кинетические; в тематическом поле такие характеристики, кроме того, включают обозначение психологических, интеллектуальных, социальных признаков внешности, которые не могут быть включены в собственно семантическое субполе из-за отсутствия в них интегральной семы «внешний вид человека». Собственно лексико-семантическое субполе «внешний человек», объединяющее лексемы по сходству значения, отличается по количественному составу от тематического субполя, которое объединяет лексемы по смежности их значений, а следовательно, по своему составу гораздо разнообразнее и отражает исследуемый фрагмент картины мира объемнее. Номинации внешнего человека и элементов внешнего облика человека сопровождаются различными коннотациями, различаются сферой употребления, эмоциональной окраской, оценочностью, что отмечается в словарных статьях.

Метафорические эквиваленты слов свидетельствуют, что человек способен ассоциировать себя, элементы своей внешности, признаки, действия, части тела с другими людьми, предметами, явлениями, живыми существами – тем миром, в котором человек живет и в который он погружен. Языковые метафоры, выстраивая семантические связи (ассоциативные, сравнительные, образные, оценочные), «соединяют» внешний, окружающий мир и человека – творца, объекта и субъекта природы,

Анализ употребления современных словесных обозначений экспрессии внешности показал, что внешний облик в индустрии шоу-бизнеса понимается как товар, отделяется, «отчуждается» от человека: не его одежда, не им сделан и продуман макияж. Лицо, тело – вещи, которые можно использовать по-разному в соответствии с поставленными задачами, но не в результате «духовного»

переустройства внутреннего мира человека. Таким образом, в современной трактовке лексема «внешность» постепенно актуализирует свою внутреннюю форму: «внешность» становится действительно чем-то внешним по отношению к его обладателю, не зависящим от него. Это товар, который можно приобрести и использовать в своих целях (карьерных, коммерческих, брачных).

В наивной картине мира особым образом преломляется концепт «внешний человек», так как: 1) значения номинаций и развернутых словесных характеристик тела человека характеризуются различными семантическими параметрами (физическими, временными, эстетическими, этическими, интеллектуальными, социальными, гендерными, национальными); 2) понятие «тело человека» – центральная составляющая образа - концепта «внешний человек»; 3) тело – этоместилище внутреннего организма и внутренних духовных сущностей человека, которые манифестируются при помощи разнообразных языковых средств; 4) тело – это пространство, на котором размещаются внешние органы и в котором выражаются и локализуются физические, психологические, интеллектуальные, социальные свойства целостного человека; тело оценивается, получает образные характеристики посредством метафор, эпитетов, сравнений; 5) образ-концепт «внешний человек» не является застывшим понятием, он изменяется с течением времени: меняются его контуры, границы, но ядро концепта, к которому относится представление «внешнего человека» как параметризованного семантического пространства, динамического, связанного с внутренним и целостным человеком, остается неизменным.

Глава 3. Наиболее существенные черты языковой концептуализации внешнего человека в русском языке и в дискурсивной практике носителей русского языка

3.1. Образ-концепт «внешнего человека» на аксиологической шкале внешних и внутренних качеств человека в их взаимосвязи (черты русского национального внешнего облика человека в языковом воплощении)

В иерархии человеческих ценностей важное место занимают представления о наиболее типичном для этноса телесном облике индивида. В связи с этими представлениями выделяется понятие «этнический телесный образ». Это «представление о внешнем облике человека, о его телесной выразительности, типичной для данного этноса, и о поведении этого человека» (Яременко, с. 49).

Лингвокультуролог В.М. Богуславский определяет национальный образ внешности как «один из наиболее значительных фрагментов в картине национального самосознания и языковой картине мира. Этот феномен основывается на национальной психологии, культуре, является результатом социально-исторического развития, формируется под прямым воздействием геоклиматических условий существования нации. Он воплощает взгляд на личность на различных этапах ее исторического развития» (Богуславский, 1994б, с. 216).

В русской наивной (языковой) картине мира воплощено это обыденное представление о типичном (национальном, русском) внешнем облике человека (женщины и мужчины). Коллективные представления народа о каком-либо фрагменте действительности отражены прежде всего в устойчивых словосочетаниях, выражениях: фразеологизмах, пословицах, поговорках.

Русский человек в первую очередь отмечает какой-либо недостаток в человеке, в его внешности: *Хорош, пригож, на лиху болесть похож; Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; На двор выйдет – три дня собаки лают (посл.)*. Отметим, что иронических устойчивых высказываний о внешности человека в русском языке значительно больше, чем безусловно положительных. С другой стороны, красота лица в языковой ментальности не главное достоинство человека: *Личиком беленек, да душой черненек; Басок, да червоват; С лица воду не пить (посл.)*.

Народное представление о красивой внешности мужчины и женщины состоит из нескольких клише, например: **лицо** должно быть *бело, румяно, брови – черна соболя, глаза – словно звезды, ясна сокола*, у женщины – **осанка** *лебединая, походка* *павиная*, у мужчины – **сила** *молодецкая, богатырская*. Эти народно-поэтические представления сохранились в былинах, сказках, народных песнях. Интересен такой факт: как красивая, так и «безобразная» внешность и мужчины, и женщины описываются почти всегда одинаково по отношению к обоим полам: например, у былинных героев тоже *глаза ясна сокола, брови черна соболя, русы кудри; Поперек себя толще; Ни рожки, ни кожи, ни виденья; Глядит, как сова, выпучив глаза* – эти и подобные им высказывания можно равно отнести и к мужчинам, и к женщинам.

В.Н. Телия отмечает, что «для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как «слабого» пола и противопоставление ее «сильному» полу...» (Телия, 1996, с. 263). Действительно, если мы обратимся к фольклорному материалу, то обнаружим в нем интересный тип – **женщина-богатырша**, «**поленица удалая**»: *Едет поленичица удалая, ай удалая поленичица великая* (был. «Илья Муромец и дочь его»). Поленицы вступают в бой с богатырями, они могучи, храбры. Или, например, известные строки из поэмы Н.А. Некрасова: «...*Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет*».

Этот идеал, сложившийся в Древней Руси, сменился на другой вместе с принятием христианства. И. Е. Забелин в своем исследовании, посвященном быту русских цариц, отмечает, что женщина стала восприниматься как существо

зависимое, подневольное именно потому, что она «вышла из ребра Адама», это его часть, «неотъемлемая принадлежность» (Забелин, с. 263).

В устном народном творчестве, фразеологии выражалось и представление об «антиидеале» – человеке, внешне непривлекательном. То, что не соответствовало норме, эстетическому идеалу, маркировалось отрицательной эстетической оценкой, т.к. «отклонение от эстетической нормы содержательно обосновывается как нечто безобразное, уродливое, некрасивое» (Писанова, с. 139). В былинах «антиидеал» внешности связывается прежде всего с образом «чужого» и описывается гиперболически:

А нос-от на рожѣ с локоть был; Да лезет-то чудо поганое, ...вышина у собаки ведь трех сажон, ширина у собаки ведь двух охват, Промеж глаз его да калена стрела, промеж ушей его да пядь бумажная; Как есть у нас поганое Идолице, В долину две сажени печатных, А в ширину сажень печатная, А головище что лютое лоханище, А глазища что пивные чашища (из былин).

В литературе изображение «прекрасной» и «безобразной» внешности опиралось не только на собственные представления автора, на нормы эпохи, но и на народную традицию. Проанализируем с этой точки зрения сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане» и «Сказку о мертвой царевне».

В сказках А.С. Пушкина, опиравшихся на фольклор, изображены два типа идеальных женщин: женщина-волшебница, помощница (прообраз – Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Марья Моревна – фантастические образы), и женщина земная (народно-поэтический образ). В «Сказке о царе Салтане» главный женский образ – царевна Лебедь:

*За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,*

*Выступает, будто пава,
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.*

Для русского мифопоэтического самосознания характерно сравнение, отождествление девушки с белой лебедью: *Настасья – белая лебедь* (был. «Женитьба Добрыни»), *Молодой жены да белой лебеди* (был. «Дунай и Добрыня сватают невесту князю Владимиру»), *Белая лебедушка* из одноименной сказки. Лебедь – символ благородства, чистоты (= целомудрия, а также чистоты души), женской грации. Следовательно, в образе царевны Лебеди воплощено понимание женского облика как грациозного, изящного и благородного.

В былине «Непра и Дон», записанной А.Ф. Гильфердингом, есть описание неродившегося сына богатыря, схожее с описанием из «Сказки о царе Салтане»:

*Да несу я те сына любимого, -
А по колен-то ноженьки во серебре,
А по локоть-то рученьки во золоте,
А по косицам текут будто звездушки,
Назади-то воссияет будто светел месяц,
Впереди-то как будто солнышко.*

Данное описание «применено» по отношению к мужчине. Для языка фольклора характерен синкретизм, нерасчлененность оценок по отношению к мужчине и женщине, т.к. это обычное мифологическое представление об идеале царской (царственной) внешности – мужской или женской.

М. К. Азадовский обнаружил источник образа царевны Лебеди в сб. Кирши Данилова («Былина о Потоке») (Азадовский, с. 96):

*И увидел он белую лебедушку,
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увита красным золотом
И скатным жемчугом усажена.*

С другой стороны, «дева со звездой во лбу» – любимый образ западноевропейского фольклора, встречается он и в сказках братьев Гримм.

Т.В. Зуева считает, что в образе Лебеди, кроме безусловного влияния фольклорной традиции, отразилось и личное отношение поэта к своей жене, Н.Н. Пушкиной (Зуева, с. 77).

Таким образом, царевна Лебедь – воплощение народных, фантастических и вместе с тем личных представлений поэта о женской красоте. Проанализируем, как построено описание царевны.

*За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть...*

Данная формула не знакома народной сказке. Есть другие, подчеркивающие исключительность красоты сказочной героини: *Что ни в сказке сказать, ни пером описать!*; *Зрел бы, смотрел – очей не сводил!*; *Век бы очей не отвел, все бы смотрел да смотрел!* Приведенное высказывание из «Сказки о царе Салтане» – «внутренний голос» Пушкина, причем им избраны не церковно-славянские, а русские формы: *не можно, глаз, отвесть*. Это не только стремление поэта «реформировать» русский язык; именно такая словесная формула создает ощущение подлинно народной сказки.

*Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает.*

Красота царевны описана не эпитетами, а глаголами, что подчеркивает действенное, активное чудодейственное начало Лебеди. Днем она подобна Солнцу, а ночью – Луне.

Месяц и звезда – это Луна и Солнце. Царевна – волшебница, ей подчинены силы природы, стихии; она подобна сказочным мудрым женам – Василисе Премудрой, Елене Прекрасной, Марье Моревне, которые управляют светилами, творят чудеса. Соответствует этому и облик царевны: месяц и звезда – не только символы чудодейственной силы Лебеди, ее мудрости, но и языковые «манифестаторы» связи с мужским началом (она обладает силой, способной сотворять, преобразовывать) и с женским (луна как символ женскости, пассивного начала).

А сама-то величава,

Эти строки – дань лирической традиции русского фольклора, для которого обычно сравнение стати, поступи девушки с «павой»: *И походочка у ей да как павиная; У ей походка павиная; И походочка у ей чтобы упавая* (данные словесные формулы повторяются во многих песнях, былинах и сказках). Сравнение с павой (павлином) восходит к народным представлениям, что именно эта птица воплощает идеал красоты, достоинства. Походка девушки (тем более царевны) должна быть именно с *достоинством, величавой*. Краткое прилагательное *величава* имеет значение «осанистая, степенная, внешностью внушающая уважение». В одном этом слове заключена целая характеристика царевны Лебеди, которая соответствует и ее сану царевны, и образу волшебницы, и идеалу женской красоты.

В «Сказке о мертвой царевне» конфликтом, движущим сюжет, является «соперничество» красоты внешней и красоты внутренней. Пушкин здесь смотрит на женщину так же, как народ. Мы уже отмечали, что внешняя красота, не соотнесенная с красотой души, отрицательно оценивается в народном самосознании. Например, в сказке «Финист – ясен сокол» образы старших дочерей описываются только через действия, связанные с вниманием к своему внешнему облику: *Наряжаются в сарафаны нарядные, достают платья новые, надевают бусы золоченые*. Образ младшей дочери дополняется характеристикой ума: младшая сестра – *Что ни в сказке сказать, ни пером описать: брови соболиные, очи соколиные, русая коса до пояса, умница-разумница*. Или в сказке «Серебряное блюдечко и наливное яблочко» образы старших дочерей даются через соотнесение внешней привлекательности и отрицательных свойств характера: *белоручки, ленивицы, младшей сестрой помыкают, пестро и нарядно одеваются*; в образе младшей сестры Машеньки гармонично соотносятся трудолюбие, мудрость и внешняя красота: *все сделать готова, вся краса у Маши – русая коса, до земли падает, цветы задевает* (волосы здесь – символ жизненной силы, мудрости).

В «Сказке о Мертвой царевне» противопоставлены два женских образа – мачехи и падчерицы. В изображении царевны гармонично сочетаются положительные качества героини:

*Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого...*

Это представление царевны совпадает с фольклорным идеалом красоты: *лицо бело, брови черны, нрав кроткий, тихий, послушный.*

Как антипод гармоничной красоте царевны изображается мачеха-царица, которая внешне ничем не уступит своей падчерице: она тоже *высока, стройна, бела, румяна*. Мотив несоответствия внешней красоты и внутренних качеств, души символически интерпретируется в сцене с яблоком:

*Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно, золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...*

Мачеха передает падчерице свой «портрет»: Пушкин недаром после восклицательного предложения, передающего красоту яблока неоднократным повторением частицы-интенсификатора «так», употребляет фразу с многоточием. Под внешней красотой и «прозрачностью» скрыта «ядовитая» сущность, как и в самой мачехе.

Подчеркнем еще раз: образы идеальных героинь созданы Пушкины в соответствии с русской фольклорной традицией, с опорой на национально-поэтические представления о гармоничном сочетании внешних и внутренних качеств человека, которые воплощены в сказках, былинах, пословицах, поговорках.

Народно-поэтическая традиция соотносит требования идеальной внешности с положительными внутренними качествами, душой.

Внешняя красота сама по себе не связана в народном самосознании с безусловно положительной оценкой. Традиционным является противопоставление и сопоставление внешнего и внутреннего, тела и души. Между внутренними и внешними качествами человека устанавливаются либо гармоничные отношения (безусловно положительная оценка): *И в лице – душа, и душа хороша; Справна баба и хозяйством, и лицом; И сам сокол, и делом справен*, либо внутреннее оказывается превосходящим по своим качествам (положительная оценка): *Рожа кривая, да совесть прямая; Хоть телом не видна, да на деле могущна; У кривого один глаз, да видит больше нас*; либо внешнее прекраснее внутреннего мира (отрицательная оценка): *Собой краса, да не по красаве слава; ; Лицом хорош, да душою непригож; Обличье соколье, а смелство воронье;*, либо и внешние, физические качества и внутренний мир человека, персонажа гармоничны, но с «отрицательным знаком» (безусловно отрицательная оценка): *У худой рожи худой и обычай; Ногами хром, а душою крив; Нос крив, и нрав не прав (посл.).*

В современной языковой картине мира русского человека, безусловно, отражаются и интерпретируются древние, архаические представления человека о себе самом и себе подобных, тесно переплетаясь с современными канонами, вводимыми культурой и цивилизацией. Как отмечает искусствовед Т.Г. Чередниченко, «традиционная культура под достоинством личности подразумевает прежде всего духовные качества. Рыночная культура потребительского комфорта – телесные» (Чередниченко, с. 115). Таким образом, традиция ценит в человеке прежде всего его суть, его личность (выражением чего являются внутренние, духовные качества), а современность (или «рыночная культура») – внешние качества, как телесные, так и социальные (степень обладания материальными ценностями, положение в обществе и т.п.).

Например, в объявлениях о знакомстве (современном речевом жанре) можно выявить достаточно четко современные приоритетные характеристики положительно / отрицательно оцениваемых качеств человека и соответствующие номинации.

Приоритетные характеристики – это те характеристики, которые, с точки зрения авторов объявлений, соответствуют идеалу избранника или избранницы; такие характеристики ориентированы прагматически: заявляются лишь те, которые считаются необходимыми и достаточными для благополучной совместной жизни.

Коммуникативный регистр (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998) жанра «объявление о знакомстве» – информативно-описательный; коммуникативная интенция адресанта двунаправленна: «сообщить о себе самом и охарактеризовать возможного адресата с точки зрения желаемых качеств». Информация тесно переплетается с описанием: адресант не только сообщает о месте своей работы, увлечениях и т.п., но и дает портретную характеристику себе и потенциальному адресату. Композиционно речевой жанр «объявление о знакомстве» делится на две части, каждая из которых отображает денотативную ситуацию, сводимую к следующим пропозициям: 1) «я сообщаю о себе»; 2) «мои представления о том (той), кто нужен (нужна) мне». Прагматическая установка (цель) – «найти человека (для встреч, брака, дружбы и под.), наиболее полно отвечающего моим представлениям об идеале». Эта пресуппозиция представлена чаще всего такими речевыми формулами: *я ищу, мне нужен (нужна), хочу познакомиться, познакомлюсь* или теми же лексемами, но в форме 3-го лица (возникает некая отстраненность автора объявления от своего текста).

Присутствие характеристик человека в объявлениях о знакомстве обусловлено спецификой этого речевого жанра. Прежде всего, объявления о знакомстве, не являясь исконным жанром для русской словесной культуры, требует, чтобы человек сообщил о себе то, что заставит адресата обратить внимание именно на это объявление. Поэтому субъект должен в какой-то степени переступить рамки этикета, отрицательно относящегося к самохвалству, и представить себя (словесно) с лучшей стороны. С другой стороны, в силу ограниченности самого объема объявления, информант не может бесконечно варьировать словесный ряд, а вынужден пользоваться определенными клише, определенным набором лексем, которые, тем не менее,

призваны выразить индивидуальные представления об идеале избранника (избранницы). В то же время объявления о знакомстве информационно достаточны: сообщается главное, а то, что не нужно, отсекается:

Энергичная, стройная, привлекательная женщина ищет доброго, порядочного, знающего меру во всем мужчину от 45 без особых проблем; Современная интересная Рыбка 43/158, в/обр., квартира, работа, телефон, ищет интеллигентного мужчину 45-55 выше 170 без материальных проблем; Представительный, приятной внешности мужчина, 45/178, женат, но одинок, в/обр., а/м, стабильный заработок, спокойный характер, ищет простую, скромную, порядочную для долгих встреч; Привлекательный омич 25/178 познакомится с женщиной средних лет, которая будет помогать материально.

Нами были проанализированы объявления о знакомстве из омских газет «Ваш Ореол», «Новое обозрение», «НОС», «Омский вестник», «Четверг» за период с сентября 1999 г. по декабрь 2001 г. Объем картотеки – 1500 объявлений о знакомстве. В результате подсчета и анализа характеристик тех качеств человека, которым отдается предпочтение, мы пришли к выводу, что **мужчины** на первый план выдвигают внешние качества потенциальной спутницы, причем привлекательные. Лексемы *стройная, симпатичная (привлекательная, очаровательная, обаятельная, красивая)* встретились в 97% объявлений. По-разному варьируется оценка степени полноты: отрицательно оцениваются как излишняя полнота, так и худоба: *неполную, не склонную к полноте, без лишних килограммов, можно приятной полноты, можно полную*. Видимо, степень полноты не связывается тесно с привлекательностью внешнего облика, поэтому наделяется положительной либо отрицательной коннотацией в зависимости от индивидуальных предпочтений. Качества «внутреннего человека» называются мужчинами реже, наиболее частотное – доброта: *ищу добрую девушку, с добрым сердцем, обладающую добротой* (68% объявлений). Безусловной отрицательной оценкой сопровождаются такие качества, как *меркантильная* (86%), *капризная* (78%), *ветреная* (45%): *Ищу некапризную леди; Познакомлюсь с верной, не*

жаждущей денег женщиной; Ищу верную, бескорыстную женщину. Иногда отрицательно оценивается красота: *красивым леди не беспокоить.*

Женщины соотносят идеальный образ мужчины с традиционным представлением о мужчине как о хозяине в доме, защитнике. Лексемы *порядочный, надежный, самостоятельный*, характеризующие внутренние достоинства мужчины, встретились в 95%, 89%, 90% объявлений соответственно. Также в число наиболее частотных требований, предъявляемых адресантами-женщинами, вошли предпочтения, отдаваемые материальному достатку и финансовой независимости, которые реализуются словосочетаниями, имеющими одинаковую лексическую базу: *без материальных проблем, ищу материально обеспеченного, не озабоченного материально, без жилищных проблем, с жильем.* Безусловно отрицательно оцениваются качества, объединенные понятием «вредные привычки» (алкоголизм, наркомания) и «асоциальный образ жизни»: *Пьющим, судимым не писать; Безработным, судимым и алкоголикам даже не беспокоиться.* Запрет выражается нередко инфинитивом, что подчеркивает категоричность данного требования.

Представляется значимым в контексте исследования аксиологической шкалы «внешнего человека» и еще один момент, замеченный Е.Ю. Артемьевой: оценка внешности, впечатление от нее зависит от позиции наблюдателя или дистанции восприятия объекта. Как физический объект, отмечает исследователь, внешность человека специфически воспринимается зрением. Особенность устройства человеческого зрения такова, что любой объект первоначально воспринимается с определенной дистанции лишь в общем виде, а при приближении появляется возможность различить его отдельные «детали», оценить точнее, глубже. Поэтому восприятие первого момента, фиксирующее самое общее первое впечатление (впечатление «первовидения»), часто отличается от восприятия, более длительного и внимательного, позволяющего конкретизировать и детализировать первоначальное впечатление, скорректировать его (это впечатление «второвидения»).

В культуре и языке наблюдается неоднозначное отношение к «впечатлению «первовидения», выраженное в пословицах: *По одежке встречают – по уму провожают; Первое впечатление – самое верное.* В первом высказывании отражено негативное, недоверчивое отношение к первому впечатлению: внешний облик не «сообщает» о достоинствах человека, не выражает «внутреннего» человека, необходимо более «детальное», подробное знакомство с объектом. Во втором высказывании, наоборот, подчеркивается важность, ценность и достоверность первого впечатления, представляющего облик в целом, нерасчлененном виде: то, как себя человек покажет и поведет в первые минуты знакомства, определит отношение окружающих к нему и в дальнейшем. Пословица *По одежке встречают – по уму провожают* отражает русские народные, традиционные представления о соотношении перво- и второвидения: нужно увидеть и оценить внутренние качества человека, которые, как правило, на первый взгляд не видны. Высказывание *Первое впечатление – самое верное* отражает «новое», европейское, «рыночное» мировидение. Сравните советы, которые даются в газетах, журналах при поступлении на работу: как нужно одеться, держаться, вести себя на первом собеседовании. В подобных рекомендациях подчеркивается мысль о том, что первое впечатление может определить будущую карьеру и вполне отразить сущность, достоинства человека:

Оденьтесь скромно; Следите за своими руками: дрожащие руки выдадут ваше волнение; Макияж должен быть едва заметным – это подчеркнет вашу скромность; Говорите уверенно, следите за правильностью своей речи.

Еще один текстовый (иллюстративный) материал – в аспекте дистанции и глубины восприятия. Интересно построены портретные описания Ирины Одоевцевой в мемуарах «На берегах Сены» и «На берегах Невы». Практически любой портрет автор начинает с описания «презумпции»: известно мнение об описываемом человеке, которое «моделирует» оценку определенной личности, данную без необходимой точности, т.е. не с той достоверностью, которая позволила бы увидеть в человеке характерное:

Я смотрю на нее. Нет, она не такая, как ее описывали в Петербурге, - грузная, дряблая (об А. Дункан); Я смотрю на Зинаиду Николаевну... нет, она совсем не похожа ни на портрет Бакста, ни на воображаемый портрет, созданный мною по рассказам о ней (о З. Гиппиус); Я перевожу взгляд на Мережковского. Он-то по крайней мере совсем, точь-в-точь, как мне описывали, - маленький, худой, сутулый до сгорбленности, с поразительно молодыми, зверино-зоркими глазами на старом лице, обрамленном интеллигентной бородкой (о Д. Мережковском).

В том случае, когда «презумпция» чужого мнения совпадает с авторским впечатлением, тут же дается портрет-описание, опирающийся на известные мнения; если «презумпция» не совпадает с видением автора, дается собственно авторское впечатление:

Напротив, она стройна и похожа на статую. Не только телом, но и лицом. Кажется, что она, как статуя, смотрит – по Гегелю – не глазами, а всем телом (об А. Дункан); У нее мутно-болотистые, бесцветные глаза. Лицо без рельефа. Плоский лоб. Довольно большой нос. Узкие, кривящиеся губы... Она очень сильно набелена и нарумянена... (о З. Гиппиус).

Авторское восприятие может быть индивидуальным: отрицательная чужая «презумпция» меняется автором на собственное «положительное» видение; а положительная «презумпция» зачастую изменяется в собственное «отрицательное» видение. Впрочем, автор не доверяет и своему «первому впечатлению»: *Нет, я еще не могу правильно судить о ней. Я не доверяю первым впечатлениям. И действительно, «второвидение» изменяет мнение И. Одоевцевой о З. Гиппиус, позволяет проникнуть в ее внутренний мир, познать ее сущность: и я действительно в тот день ошибалась, судя о ней. Никогда я так неправильно, так несправедливо не судила ни о ком, как в ту первую встречу о Гиппиус. Но смягчающее мою вину обстоятельство – ни у кого «внешнее» и «внутренне» так не расходились и даже, казалось, не враждовали друг с другом.*

3.2. Стереотипные представления о положительно / отрицательно оцениваемой внешности женщин и мужчин и их вербализация (на материале психолингвистического экспериментального исследования)

Нами уже отмечалось, что в иерархии ценностей важное место занимают представления о наиболее типичном для этноса телесном индивиде, иначе – этническом телесном образе. С другой стороны, мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов культурно и социально обусловлены (А.В. Кирилина, Д.Ч. Малишевская, К.В. Киуру), что отражается в языке на всех его уровнях и тесно связано со средствами выражения оценки (Кирилина, с. 98).

В рамках исследования «Образ-концепт «внешний человек» в русской ЯКМ» в апреле-мае 2001 года нами проводилось экспериментальное анкетирование, целью которого было выявить положительные/отрицательные словесные (вербальные) ассоциации-характеристики на слова-стимулы, представляющие понятия о внешности человека: фигура (в целом), руки, ноги, другая часть тела, лицо (в целом), глаза, нос, губы, рот, другая часть лица, волосы, одежда, обувь, использование косметики, аксессуары, походка, манеры, жесты, запах, голос, другое. В опросном листе было два аксиологических поля – положительная /отрицательная оценка; в каждом поле – две графы – мужчина/женщина. Полученные реакции изначально были распределены по семантическим полям (каждому соответствует слово-стимул); подсчитывались не только наиболее частотные реакции, но и все реакции, поэтому мы прибегли к методике процентного подсчета количества реакций, что, на наш взгляд, более наглядно отражает картину реактивных словесных соответствий каждому стимулу.

В ходе анкетирования было опрошено 500 информантов в возрасте от 6 до 75 лет, среди них 387 женщин и 113 мужчин; в опросе приняли участие

учащиеся и преподаватели омских школ, Омского государственного университета, рабочие и служащие разных предприятий города, пенсионеры. Отказов не зарегистрировано, хотя информанты давали разное количество реакций на слова-стимулы.

Поле полученных результатов может быть представлено перечнем (см. Приложение): слева – слово-стимул, справа – словесная реакция-оценка.

Перейдем к описанию представлений русских мужчин и женщин о внешнем облике в конкретных характеристиках. Следует отметить, что помимо номинаций физических характеристик (например, формы части тела, цвета глаз, густоты ресниц и т.д.) информанты вводили названия психологических качеств (например, приятное лицо, выразительный взгляд, воспитанные манеры), возрастных характеристик (например, старческая кожа, юное лицо и т.д.), эстетических качеств отдельных частей тела и элементов облика (грязная (обувь, одежда), приятный (голос), выразительные (глаза), красивое (лицо)), динамических характеристик физического облика: ловкие (руки), быстрые (ноги), неуклюжая (фигура), физическое состояние: усталый (голос), здоровая (кожа), прыщавое (лицо), больные (глаза), прокуренный (голос).

Образ мужчины: все информанты, как мужчины, так и женщины, словесно ассоциируют **положительный образ мужчины** прежде всего с развитой мускулатурой (наибольшее число слов-реакций и у мужчин, и у женщин); женщины при характеристике лица обращают внимание прежде всего на форму и выражение, мужчины – на правильность и гармоничность черт лица и форму.

По остальным семантическим полям характеристики распределяются примерно одинаково (ср. реакции в субполях «руки», «ноги», «волосы», «одежда», «обувь», «манеры», «жесты», «голос»): мужчины и женщины использовали в основном одинаковые слова-реакции: руки – развитая мускулатура, ноги – развитая мускулатура, лицо – овальное, глаза – карие, нос – прямой, рот – средней величины, губы – средней полноты, волосы – темные, одежда – со вкусом, обувь – опрятная, походка – уверенная, манеры – воспитанные, запах – хорошего одеколона.

Исключением является субполе «другие части тела», которое в ответах женщин представлено более разнообразными номинациями: мужчины обозначают три параметра внешности (живот, ягодицы, плечи), женщины – девять параметров (плечи, пресс (живот), ягодицы, грудь, таз, спина, талия, шея).

Отрицательный образ мужчины словесно ассоциируется с неспортивной фигурой, неопрятностью во внешнем облике.

В семантических полях и у мужчин, и у женщин преобладали следующие слова-реакции: фигура – толстая, руки – неухоженные, ноги – кривые, лицо – неухоженное, глаза – маленькие, нос – с горбинкой или большой, рот – большой, губы – полные или тонкие, волосы – неухоженные, одежда – неопрятная, обувь – неопрятная, манеры – невоспитанные, запах – нечистого тела.

Отличие мужских и женских словесных реакций было отмечено в субполях «походка» и «другие части тела». При характеристике походки женщины прежде всего называют как отрицательное качество развязность, а мужчины – неровность. Субполе «другие части тела» и «другие части лица» более обширно в ответах женщин: мужчины называют 6 частей тела (плечи, живот, бёдра, ягодицы, голова, шея) и 4 (зубы, ресницы, подбородок, скулы) соответственно, женщины – 9 частей тела (уши, грудь, шея, зубы, спина, голова, туловище, плечи) и 14 (борода, ресницы, брови, подбородок, челюсть, щеки, лоб, надбровье, кадык, залысины, усы, улыбка, очки) соответственно.

Образ женщины: **положительный образ женщины** в ответах информантов обоих полов связывается прежде всего с пропорциональностью телосложения и округлостью форм, причем степень полноты не особенно важна.

В выделенных семантических субполях преобладали следующие слова-реакции: фигура – пропорционально сложенная (или стройная), ноги – стройные, глаза – большие, нос – прямой, рот – средней величины, губы – полные, волосы – длинные, одежда – со вкусом, обувь – со вкусом, опрятная, манеры – воспитанные, запах – хороших духов

В субполе «руки» женщины обозначили положительной оценкой прежде всего ухоженность рук, а мужчины – нежность и округлость; в субполе «лицо»

женщины отметили ухоженность, а мужчины приятность и округлость; в субполе «глаза» мужчины добавляют к характеристике «большие» еще и цветное качество «голубые», в поле «походка» женщины чаще всего включали слово-реакцию «легкая» а мужчины – «ровная» и «покачивая бедрами». В субполе «другие части тела» женщины назвали 7 параметров (грудь, бедра, талия, живот, шея, плечи, ягодицы) , а мужчины – 8 (грудь, талия, уши, плечи, бедра, ягодицы, живот, пупок); «другие части лица» – по 8 параметров (женщины: уши, ресницы, брови, лоб, зубы, подбородок, скулы, ямочки; мужчины: зубы, ресницы, подбородок, скулы, брови, уши, щеки, лоб).

Отрицательно оцениваемый образ женщины представлен прежде всего номинациями отклонений от пропорциональности телосложения и неопрятности.

Наиболее частотные слова-реакции мужчин и женщин распределились следующим образом: фигура – толстая, руки – неухоженные, ноги – кривые, глаза – маленькие, нос – с горбинкой и большой, рот – большой, губы – тонкие, волосы – неухоженные, одежда – неопрятная, обувь – неопрятная, манеры – невоспитанные, запах – нечистого тела.

В поле «лицо» наиболее частотное слово-реакция с отрицательной оценкой у мужчин – непропорциональные черты лица, а у женщин – неухоженность; в поле «походка» мужчины прежде всего называют неровность, а женщины – тяжесть, неуклюжесть. В поле «другие части тела» мужчины характеризуют 7 параметров, женщины – 6 параметров (шея, живот, талия, плечи, грудь, ягодицы); «другие части лица» - 5 и 9 параметров (уши, ресницы, брови, зубы, бородавки, шрамы, волосы на лице, подбородок, лоб) соответственно.

3.3. Маркеры стереотипных представлений

о внешности человека в высказываниях

Стереотип – это стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп (Краткий словарь когнитивных терминов, с. 177). Языковые (речевые) стереотипы в упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской, гиперболизируя и интенсифицируя, приписывают определенной группе лиц, предметам окружающего мира, ситуациям, с которыми сталкиваются люди в своей повседневной жизни, определенные свойства или установки либо отрицают эти свойства и качества. С другой стороны, стереотипы описывают представления определенной группы людей (социальной либо национальной) как носителя определенной культуры. Подобные «стандартные мнения» фиксируются в языке в виде высказываний типа *Юозас Будрайтис – типичный прибалт; Он – настоящий профессор; Застенчив как красная девица; Роза – символ женственности; Несмотря на свой невысокий рост, он нравится девушкам; Мини надела, а ноги кривые; Путин был одет, как и подобает на отдыхе; Такие брови сейчас не носят; Девушка должна быть аккуратной; Считается, что блондинки больше нравятся мужчинам.*

Выделяются следующие функции стереотипа:

- когнитивная: состоит в генерализации при упорядочении информации (отмечается что-то, бросающееся в глаза);
- аффективная: постоянное выделение «своего» в противовес «чужому»;
- социальная: разграничение «внутригруппового» и «внегруппового», что приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни (Quasthoff, 1989, 40, цит. по Краткий словарь когнитивных терминов, с. 178).

Исходя из выделяемых учеными функций стереотипа, можно сделать вывод, что языковые стереотипы способствуют концептуализации (обобщению, осмыслению) поступающей об окружающем мире информации, т.е. стереотип

является средством генерализации знаний. С другой стороны, стереотип является фрагментом концептуальной и, следовательно, языковой картины мира, это устойчивое национально-культурное представление (Е. Бартминский, Ю.А. Сорокин, В.В. Красных, Ю.Е. Прохоров). Стереотип не просто образ, в наивной картине мира он облекается в словесную оболочку. Следовательно, стереотип является неотъемлемым свойством концептуализации, стабилизации, хранения и трансформации культурных доминант, составляющих языковую картину мира.

Стереотипы принимают участие и в концептуализации представлений о «внешнем человеке». Внешность человека не существует сама по себе: как и целостный человек, она «погружена» в социальное, а потому является постоянным объектом оценок, обсуждений, мнений, стандартизации. Именно поэтому внешний облик доступен стереотипизации в сознании людей.

Понятие стереотипа тесно связано с понятием нормы. Норма, исходя из ее ориентированности на оценочность, не всегда совпадает со стереотипом, хотя соотносится с ним. Норма в шкале оценок занимает «срединное положение», с ориентацией на норму трактуются оценки «хорошо» и «плохо», ср:

Она не худая и не толстая – нормальная; Деловая женщина в костюме – это нормально.

В этом случае норма выступает как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой любой поступок может быть охарактеризован как «правильный» или «неправильный», «хороший» или «плохой», «высокий» или «низкий» (Байбурин, с. 10). Стереотипы существуют не только для того, чтобы концептуализировать представления о том, что является «нормальным», «обычным» во внешности человека, но и для того, чтобы представить знание об отклонениях от нормы. Таким образом, существуют стереотипные представления как о норме, так и об отклонениях от нее. Норма включена в стереотип, но не равна ему.

С помощью стереотипов, конструкций, включающих описание стереотипов сознания, формируются и сохраняются в коллективной памяти

этнические телесные образы. Стереотипные представления о внешности человека, отраженные в языковой картине мира, закрепляются не только в устойчивых сравнениях, фразеологизмах, пословицах, поговорках, но и в высказываниях со специальными маркерами – показателями стереотипизации описываемой ситуации. По мнению Н.С. Новиковой, Н.В. Черемисиной, именно такие стереотипные ситуации «являются минимальным ситуативно-языковым микромиром, минимальным коммуникативно значимым фрагментом языковой картины мира» (Новикова, Черемисина, с. 44).

Исследуемые нами высказывания объединены пропозиционным инвариантом «каков внешне некто (X)», т.е. отражают денотативную ситуацию, представляющую акт приписывания некоему субъекту (субъектам) определенных внешних признаков (физических и нефизических) и внутренних (душевных, психологических, социальных) качеств и характеристик. Прагматически подобные высказывания содержат пресуппозиционную установку «я знаю (мы знаем), каким должен быть Y». Данная стереотипная ситуация обслуживается типовым, стандартным набором языковых средств (предикатов-маркеров ситуации), которые создают набор «предложений-формул», «стационарных предложений» (Протченко, Черемисина, 1986), которые в речи воспроизводятся.

Нами выявлены наиболее частотные «предложения-формулы», которые эксплицитно, при помощи специальных показателей (предикатов, предикатных сочетаний, союзов) обозначают свойства X и Y, отношения между ними и выражают стереотипные представления – стандартные мнения о внешнем облике людей, его деталях как самих по себе, так и присущих либо совокупности людей, объединенных по национальной, половой, профессиональной, возрастной и др. принадлежности, либо отдельному человеку.

1) X типичный (характерный, обычный) Y: *Юозас Будрайтис – типичный прибалт: строгий костюм, аккуратная борода, плавная речь; Он – типичный интеллигент: очки, помятый костюм и потупленный взор (р/р); В весенне-летних коллекциях... ясно слышались панковские нотки. Не говоря уже о*

типично панковском макияже – жирной черной подводке вокруг глаз, которую можно было наблюдать практически во всех коллекциях сезона (жур.); «Сынуля», например, меньше занят, но он гораздо более узнаваем за счет характерной внешности: он очень удачно поймал такого рохлю, тряпку (жур.); Он такой парень здоровый, коротко стриженный – так обычно охранники выглядят (газ.); Она выглядела типичной представительницей Центральной Европы, но могла до неузнаваемости менять свою внешность и манеру поведения (газ.).

Предикат «типичный» («характерный», «обычный») отражает следующие отношения между именами ситуации: воплощение характерных особенностей какого-либо типа лиц, деталей внешности; часто встречающиеся, характерные, обычные, естественные для какой-либо группы лиц, деталей внешнего облика свойства, отношения. Имена ситуации – лица, совокупность характерных особенностей, воплощающие в себе типичные черты какой-либо общности, какого либо стиля, направления и т.п. (напр., типичный русский, типичный бомж, типичный стилиста). Обязательны для данного типа высказываний описание ситуации, почему X является типичным Y.

2) X настоящий Y: Он – настоящий профессор: очки, бородка, говорит вразумительно и обращается с дамами благородно (р/р); ...любимый пиджак Насти Дадыко – темно-бордового цвета, она надевает его с женским галстуком схожего тона. В таком костюме она чувствует себя настоящей «вамп» (жур.); В присутствии многочисленных поклонников Синди задрала свитер, чтобы все увидели талию настоящей манекеницы (жур.); Настоящая женщина всегда выглядит эффектно – не только в офисе или на приеме, но и дома (жур.); При том, что была крестьянского происхождения, выглядела как настоящая царица. Гордая посадка головы, широкий разворот плеч (газ.).

Предикат «настоящий» отражает следующие свойства объектов данной ситуации: соответствие определенным требованиям, некоему образцу, идеалу.

Имена соответствуют лицам, деталям внешности. Обязательно описание, почему X является настоящим Y.

3) X как (похож, словно, будто) Y: *Застенчив как красная девица (посл.); Он выглядит как после Мамаева побоища: такой же грязный и оборванный (p/p); Еще несколько лет назад высшим пилотажем было походить на иностранца – чтобы с рассеянным или вальяжным видом рассекать пространство, привлекая внимание девчонок (жур.); У нее такое лицо, как будто ей танцами нужно заниматься (p/p).*

В качестве предикатов выступают слова с семантикой сравнения (как, будто, словно) и предикаты типа «похож на», «вылитый» и т.п. Они отражают денотативную ситуацию: X имеет некое сходство, подобие с Y, причем Y выступает здесь только такая ситуация, которая является типичной, часто повторяемой, вызывающей у слушающего типическое представление с четкими, устойчивыми ассоциациями. Данный тип высказывания довольно часто формирует фразеологические конструкции, содержащие стереотипические представления.

4) X символ (образец, образ, идеал) Y-а: *Корсеты – вышитые или стеганные, на шнуровке или с кружевом – символ вечной женственности (жур.); Софи Лорен – символ красоты; Узкие круглые плечи, выпуклая грудь, тонкая талия, широкий таз и длинные ноги – вот «желанный» образ самки, закодированный в генах нормального мужчины (жур.); На смену футуристическим стали и серебру приходит золото как символ богатства, благополучия и стабильности (жур.).*

Предикат «символ» отражает ситуацию приписывания участникам (именам) ситуации свойств, наиболее типичных, частотных, узнаваемых; лицо или элемент внешности становятся условным обозначением какого-либо понятия, идеи. X называет наиболее характерные, узнаваемые носителем данной культуры прототипические образы, которые членят мир на «своих» и «чужих».

5) X – атрибут (аксессуар) Y: *Любимая набойка дизайнеров на весну и лето 2000 года – горошек. Он вернулся вместе с другими атрибутами женственности – красной помадой, шпильками и шифоном (жур.); Артистический имидж довершила холицовая сумка через плечо с карандашами и эскизами – неотъемлемый аксессуар художников всего мира (жур.); ...сегодня многие чернокожие африканки стремятся к западному идеалу – стройной фигуре удлинённых пропорций (жур.); Она ходила одна, окружённая ароматом французского, белых перчаток, вензелей и прочих атрибутов благородства (жур.).*

Предикат «атрибут» отражает такую ситуацию, когда субъект («внешний человек», элемент внешности) является постоянной принадлежностью, характерным признаком Y. Часто предикат «атрибут, аксессуар» используются со словами *обязательный, характерный, неотъемлемый* и под., что подчеркивает постоянность, типичность принадлежности субъекта описываемой стереотипической ситуации.

б) Несмотря на (хоть) X, он (она, они) Y: *Несмотря на свои семьдесят, она выглядит прекрасно; Хотя он и лыс, но по-прежнему пользуется успехом у дам; Имеется в виду актриса, известная советская актриса и красавица, которая, несмотря на преклонный возраст, похоже, претендовала на титул вечно прекрасной (т/п); Дастин Хофман добился потрясающих успехов в своей карьере, несмотря на маленький рост (жур.); Несмотря на немного неловкие манеры и платья «в цветочек», она демонстрирует поистине королевскую статью (жур.); Как всегда, утром уходил на службу, поскольку, хоть мне и за семьдесят, все еще работаю хирургом (газ.);*

В качестве маркеров описываемой ситуации выступают союзы уступки «несмотря на; хотя, но» и под., которые отражают наличие X вопреки тем препятствиям, которые задаются Y. В данном случае происходит «опрокидывание» канонического стереотипического высказывания: наиболее типическое проявляется через нечто отрицательное, не соответствующее

стереотипному представлению, благодаря чему это «типическое» утверждается с большей силой.

7) X, а (но, да=но) Y: *Уже и седой, и больной, и лысый, а по-прежнему полон творческих идей (разг.); Мини надела, а ноги кривые (р/р); Она постоянно говорит о том, что очень застенчива. Однако красиво позирует перед объективами (жур.); Она была среднего роста, а производила впечатление статной, высокой дамы (газ.); Ужас! Играешь дворянина, а очки бухгалтерские (к/ф).*

В качестве показателей ситуации выступают противительные союзы, которые помогают бытийному предикату представлять ситуацию в контрастном виде: между X и Y есть несоответствие, а сознание стремится все хочет привести к какой-то гармонии, поэтому человек невольно отмечает противоречие между внешними данными и физическим состоянием, занятиями, привычками, происхождением и т.п.

8) (Трудно, невозможно, нельзя) поверить, что X – Y: *Трудно поверить, что эта обаятельная, стройная женщина – мать четверых детей (газ.); Невозможно поверить, что этой очаровательной и энергичной женщине, стройной, с живыми темно-карими глазами, прекрасными волосами и великолепным макияжем, 60 лет (жур.).*

Предикаты «трудно, невозможно, нельзя» представляют ситуацию такой, когда в сознании говорящих закреплены определенные представления, связанные с X, а ситуация «опрокидывает» эти представления.

9) X, как и подобает (как и следует, предполагается) Y: *Путин был одет, как и подобает на отдыхе, - в спортивный костюм (газ.); Андрейченко оделась, как и следует настоящей неформалке, - свободная цветастая блузка и джинсы с бахромой (газ.); Выход с семьей в воскресные дни в «Макдональдс» предполагает наличие черных брюк покроя «легкий банан» и белой рубашки с*

коротким рукавом... (жур.); В таком виде не подобает идти на прием к королю: штаны порваны, рукав грязный (м/ф).

Предикаты «подобать», «следовать», «предполагать» отражают отношения между именами ситуации как соответствующие определенным правилам, обычаям, представлениям; соответствие внешнего облика, детали внешности таким правилам, обычаям. Описываемая ситуация противоположна предыдущим двум: утверждается, что у X такие именно свойства, которые наиболее типичны для Y.

10) Такой (такая, такое, такие) X – (не) Y: *Такие брови сейчас не носят (к/ф); В таком костюме появляться на приеме непристойно (р/р); ...женщины-Весы часто отмечены классически строгой красотой. Такие созданы для блестящего общества и светских раутов (жур.); - Что вы себе позволяете? Автографа захотелось? В таком виде – и в зал?! (газ.).*

Местоимение «такой», выступающее маркером описываемой ситуации, обозначает «соответствующий / не соответствующий типическим представлениям о ситуации» и в зависимости от контекста может выражать положительную или отрицательную оценки. Это местоимение используется для выражения сильной степени какого-либо свойства, причем само свойство зачастую может и не указываться. В таком случае местоимение «такой» будет не просто усиливать свойство, а само называть свойство, вернее, «подразумевать» такое свойство (положительно или отрицательно оцениваемое) или совокупность свойств, обобщая их.

11) X должен (должна, должно, должны) (следует, необходимо, обязательно) (дает право) быть Y: *Девушка должна быть аккуратной; Необходимо, чтобы костюм шел вам; Бандиты одевались совершенно одинаково. Обязательным головным убором была серая кепка из букле, называемая по таинственным причинам «лондонка», к ней прилагались белый шелковый шарф и черное двубортное драповое пальто. Широкие брюки лихо*

заправлялись в сапоги (жур.); Представление о мужской элегантности практически не менялось в течение века. Мужчинам любой ценой был необходим костюм (жур.); Катя окончательно поняла, что одежда всегда близка к телу и, как это ни банально звучит, должна быть второй кожей (жур.); Вышивка золотыми нитями и золотыми блестками, кольцо из многочисленных золотых цепочек, часы и браслеты – в этом сезоне положено надевать золото с первыми лучами солнца (жур.); Очки должны быть не только красивыми, но и полезными, практичными и удобными (жур.).

Предикаты «должен», «необходимо», «обязательно» и под. представляют отношения между именами ситуации следующим образом: обязательные, неотъемлемые свойства, качества присущи Y. Такие предикаты более категорично концептуализируют фрагмент действительности, что свидетельствует о крепости стереотипов; стереотипы, представленные «жесткой» формой, труднее опровергнуть.

12) Считают (считается) (говорят), что X – Y: *Считается, что блондинки больше нравятся мужчинам (р/р); Говорят, что черные волосы и голубые глаза – признак аристократизма (р/р); В Саудовской Аравии женщина считается красивой, если у нее нет волос на теле (жур.); Молочный цвет лица, присущий кавказским аристократам, считается в Азии неременным атрибутом красоты (жур.); Считается, что низкий женский голос больше нравится и мужчинам, и женщинам (газ.).*

Предикаты «считаться, говорить» относят стереотип к неопределенному лицу, коллективному мнению и указывают на расценивание каким-либо образом, восприятие как-либо данной ситуации. Это указание на мнение коллективного большинства, неопределенного и неуловимого.

Выводы. Аксиологическая шкала восприятия внешнего облика человека характеризуется национально-культурной спецификой, с одной стороны, и индивидуальными коннотациями, с другой стороны. Представления об идеальном облике, конечно, меняются со временем, но в языке сосуществуют как современные, так и архаические представления о внешности человека, поэтому мы рассматривали проблему аксиологии внешнего облика и отражение ее в языке и на материале фольклора, и на материале сказок А.С. Пушкина, и на материале такого современного речевого жанра, как «объявление о знакомстве».

Можно выявить общие черты, которые и отражают аксиологию национального облика внешности, а именно: однозначно отрицательно (безусловно отрицательная оценка) оценивается «гармония» безобразного, когда внешнее и внутреннее в целостном человеке в одинаковой степени непривлекательно. Менее резкой отрицательной оценкой сопровождается несоответствие привлекательного внешнего облика «безобразному» внутреннему «я» человека. Положительной оценкой наделяется сочетание в целостном человеке прекрасного «внутреннего» облика и непривлекательного внешнего облика. Идеальный образ человека – гармоничное сочетание прекрасных черт внешнего и внутреннего облика человека (безусловно положительная оценка). Очень привлекательная внешность, без соотнесения с внутренним человеком, может оцениваться отрицательно, т.к. человек еще не оценил духовную ипостась другого человека, ему не с чем сопоставлять. Таковы главные особенности аксиологии внешнего облика человека в русской национальной языковой картине мира и в дискурсивной практике одной из специфических форм общения мужчин и женщин в соотнесении с внутренним, духовным началом личности.

Анализ наиболее частотных высказываний, содержащих в эксплицированном виде стереотипные, «расхожие» суждения, представления о внешности человека, позволил увидеть, что подобные коллективные и индивидуальные мнения могут касаться как внешности в целом, так и ее частей;

стереотип может соотноситься как с одушевленным предметом, так и с неодушевленным, т.е. конкретным предметом реального мира или абстрактным понятием, с коллективом людей и с конкретным человеком либо персонажем, которые в сознании носителей данного языка являются обладателями определенных качеств и свойств внешности, наиболее типичной для данного этноса; чаще всего стереотипизации подвергаются динамические (подвижные, сопутствующие) признаки внешности человека, напр., выражение лица, жесты, манеры, одежда и т.д. Язык обладает разнообразными средствами для вербализации, «означивания» таких представлений.

У женщин словесные реакции-характеристики более разнообразны, у мужчин при оценивании внешности женщины преобладают номинации с тактильной семантикой и номинации-характеристики элементов внешности с точки зрения формы: руки – нежные, бедра – округлые, лицо – овальные. Наибольшее количество словесных реакций было на стимулы «фигура», «руки», «ноги», «лицо», «глаза», «волосы», «губы», что говорит о наибольшей актуальности их для сознания говорящих и, в принципе, совпадает с полученными нами данными по семантическому полю (наибольшее количество иллюстративного материала приходится именно на эти лексемы) и с результатами исследования вербальной семиотизации внешнего облика человека (см. главу 4, где отмечено, что наибольшей семиотической значимостью в языковой картине мира отличаются лицо и глаза).

В целом можно сделать вывод, что в представлениях и в речи современных мужчин и женщин понятие «положительный образ мужчины» включает следующие семы: сила, мужественность, твердость, выразительность, ухоженность. Понятие «положительный образ женщины» включает семы: плавность, округлость, мягкость, выразительность, ухоженность. «Отрицательные» образы обоих полов включают антонимичные семы: «мужчина» – слабость, округлость, неряшливость, неспортивная фигура; «женщина» – грубость, неряшливость, резкость. Полученные данные совпадают с исконными русскими представлениями о мужественности/женственности, что

говорит об устойчивости, неизменности (в своей основе) представлений мужчин и женщин о внешности своей и друг друга в национальном языке и сознании говорящих.

Глава 4. Вторичная семиосфера «внешнего человека» в русской языковой картине мира

В рамках настоящего исследования неоднократно подчеркивалось, что ни одну ипостась, ни одну характеристику человека нельзя отделить от понимания человека как единства внешнего – внутреннего, духовного – телесного, т.е. человек мыслится как целостное, единое существо, в котором все его сущности находятся во взаимосвязи, ведь «наружность должна обымать и содержать в себе и завершать целое души – единой эмоционально-волевой познавательной-этической установки моей в мире» (Бахтин, с. 33).

По мнению Г.А. Золотовой, человек «существует в пространстве и времени, в природе и обществе, испытывает состояния физические и психические, движется в пространстве, действует, вступает в отношения с другими людьми, социальные и психологические» (Золотова, 1982, с. 35-36). Наблюдая за окружающим миром, человек постигает его законы, свойства и функции, наделяя знаками. Информация о мире, таким образом, вербализуется и концептуализируется. Представляя мир семиотически, символизируя его посредством знаков, человек не забывает «означивать» себя и других, давая людям имена.

Особенностью языковой семиотизации «внешнего человека» как объекта наблюдения и речевой репрезентации является то, что уже до языка он нагружен многими параязыками. Иначе говоря, тело, как репрезентация «внешнего человека» в мире, само по себе есть система знаков. Этому явлению посвящены многочисленные психологические и паралингвистические исследования (С. С. Степанов, А. Пиз, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Т.М. Николаева, А.А. Акишина, Т.Е. Акишина, Г.Е. Крейдлин, И.Н. Горелов, Г.В. Колшанский, Г.М. Яворская и др.).

Поэтому, исходя из определения семиотики как «науки о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди» (Лотман, с. 6), мы мыслим языковой образ «внешнего человека» как

вторичную (вербальную) знаковую систему, референциально соотносительную с первичной, принадлежащей реальной внешности.

Иначе говоря, в языке семиосфера внешнего человека интерпретируется нами как определенный коммуникативный код, еще одна система, способствующая общению и пониманию людей. Этот код исследуется в диссертации в аспекте его типичных проявлений.

Конкретные задачи данной главы: описание архетипического значения лексемы «вид» (что важно для установления семантической связи внешнего и внутреннего человека); систематизация семантико-функциональных языковых маркеров внешнего человека (ЧТО выражает внешний человек); описание номинаций частей тела, наиболее значимых семиотически (ЧЕМ выражается внутренний и целостный человек); описание семантико-синтаксических конструкций с предикатами, «знаками» внутреннего, целостного человека во внешнем (КАК семантико-синтаксически репрезентируется связь внешнего – внутреннего – целостного человека).

По данным этимологических словарей (Фасмер, Черных), общеславянское *vid- восходит к индоевропейской базе *uei-d- (*ui-d-), к которой восходят лексемы *видеть*, *видение*, *видимый*, *вид*, *видный*. Слово *вид* обозначало в древнерусском языке «зрение», «образ», «зрелище», «вид». На славянской почве к этому корню восходит также общеславянское *vedeti (т.е. *ведать*, *знать*). Таким образом, лексема **вид** родственна как словам с корнем вид- (напр., *видеть*, *видный*, *видение*, *видимый*, *видно* и т.д.), так и словам с корнем вед- (*ведать*, *ведьма*, *невежа*, *вещий*). Корень вид- обозначал внешнее, наружное, то, что можно непосредственно воспринять зрением (внешность, наружность человека или другого объекта). Корень вед- обозначал «знание», «умение». Следовательно, в слове **вид** заключено архетипическое представление славянина о том, что по внешним, наружным, доступным органам восприятия признакам человека (т.е. по «внешнему человеку») можно определить, узнать внутреннего, а также целостного человека. Верно и сейчас утверждение, что человек во внешнем его проявлении не менее важен и значим, чем внутренний, духовный

человек, т.к. «внешнее тело объединено и оформлено познавательными, этическими и эстетическими категориями, совокупностью внешних зрительных и осязательных моментов, являющихся в нем пластическими и эстетическими ценностями...» (Бахтин, с. 47).

4.1. Содержание вторичной семиосферы внешнего человека

«Внешний человек» в русской языковой картине мира представлен различными функционально-семиотическими проявлениями, позволяющими выявить, ЧТО обозначается семиосферой человека, какие свойства, признаки, ипостаси внешнего и целостного человека могут быть означены и интерпретированы языком во внешнем человеке:

1) знаки-признаки характера человека, индивидуальных свойств личности:

Этого нельзя было понять, глядя на суетливые движения Веселина, на его дрожащие добрые щеки (Аксенов); Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками – верный признак некоторой скрытности характера (Лермонтов); В сумраке в высоте надо мною оказалось лицо с властным носом и разметанными бровями (Булгаков);

2) выразители и локализаторы эмоционального состояния, чувств, переживаний:

В глазах его я прочел испуг (Чехов); Сложил новенькие бумажки и тяжко так улыбнулся (Зощенко); Вера смеялась, но глаза ее дрожали (Аксенов);

3) локализаторы интеллектуальных способностей, особенностей склада ума, мыслительной деятельности:

На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкой пронизательностью останавливались на мне... (Лермонтов); Поджав под себя по-турецки ноги и свесив голову, он задумчиво глядел на Кутьку (Чехов); Голос – это отражение внутреннего состояния, интеллекта, шарма. В нем должна быть интрига. А интрига рождается прежде всего в голове (жур.).

4) отражение профессиональной деятельности человека:

Торопливой походкой заочника проходит шофер Петя Кравченко (Аксенов); А этот очкарик с бородой в дьячки, что ли, собирается? (Аксенов); И тот, другой, с ним был – красавец мужчина. Явно бывший офицер (Ильф, Петров);

5) показатели социальных характеристик человека (материального состояния, принадлежности к общественному слою):

И я пойду к нему в таком платье? Точно нищая или мещанка какая-нибудь... (Чехов); Щеки, глаза, живот, толстые бедра – все это у него было так сыто, противно, сурово (Чехов); В советские времена его красивая барская внешность, элегантные манеры, слегка раздвоенная бородка, которой никто уже не носил, и приятный баритон (он говорил – «дворянский баритон») позволяли ему иметь успех, хотя, строго говоря, он к тому времени уже опустился (Нароков);

б) признаки национальной принадлежности человека:

Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоановны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор (Пушкин); Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоплечий, с низким лбом, узкими татарскими глазами (Тургенев); На калмыцком, длинноскулом лице его блудила довольная улыбка (Шолохов); Немецкая кровь в нем сильно чувствуется и отражается на его внешности (Одоевцева).

7) отражение образа жизни, привычек:

Был он рослый и довольно мускулистый, но многолетняя привычка к чтению ссутулила его плечи (Новикова); Никита пригладил жесткие густые волосы, вальяжно откинулся на спинку стула и с видом искушенного по части светской жизни человека раскрыл меню (Новикова); Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... (Лермонтов);

8) знаки, признаки физического состояния человека:

Краска даже ударила в его бледное, изнуренное лицо (Достоевский); - Как холодно стало. Вы не озябли? У вас совсем замерзший вид (Одоевцева); Теперь в моде искрящаяся здоровьем рожлица с натуральным румянцем, пухлые щеки, обезоруживающая улыбка, легкая стремительная походка и... никаких «отягчающих» форм (газ.).

9) знаки отношения к другому человеку, к его поступкам и словам, к явлениям окружающего мира:

Он словно проглотил наконец свой ломтик лимона – лицо пересекли большие спокойные морщины, и только в глазах Алексей увидел презрение. Жгучее незабываемое презрение (Аксенов); Она посмотрела пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслью; в глазах ее выразилась недоверчивость и желание убедиться (Лермонтов); - Ишь ты, собака... - пробормотал Савка, поглядев с уважением в сторону кричавшего коростеля (Чехов).

Представление о знаковой сущности внешности человека, отображенное в языке, охватывает как общий внешний вид (целостное зрительное восприятие человека человеком), так и его отдельные параметры. Ср. *Он добрый человек* (характеристика внутреннего человека через целостного человека); *судя по внешнему виду, он добрый человек* (характеристика через внешнего человека); *Его лицо излучает доброту* (характеристика через часть тела человека); *В его глазах светится доброта* (характеристика через часть лица (часть тела) человека); *У него добрые, ласковые руки* (характеристика через часть тела). Субъект-наблюдатель может приписать любую ипостась целостного или внутреннего человека разным элементам его внешнего облика. Семиотически значимыми могут быть элементы внешнего облика, движения, манеры и жесты, поведение человека – объекта наблюдения и оценки:

Лицо и его части: *Я убеждена, что лицо отражает то, чем человек питается (жур.); И этот простосердечный человек, с его наёженной бородой и кроткими, усталыми глазами, был теперь непостижим, почти жуток для Сердюкова (Куприн); Больной румянец по щекам Его разлился (Лермонтов); Я видел темные, стыдливые ресницы, Приподнятую бровь и бледные ланиты (Полонский); Тарасу Бульбе не пришлось по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови (Гоголь); Над шахматным столиком склонилась большая, характерная голова Рязанцева с открытым*

шишковатым лбом мыслителя (Куприн); На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка (Шолохов);

Мимика лица: Как упоителен душе влюбленной Живой твой взор полусмущенный, твой жгучий, страстный поцелуй! (Кольцов); Лаврушка отчаянно боялся воды, дрожая и крестясь сползал с берега, и Мечик всегда с болью смотрел на его тощую спину (Фадеев);); Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно (Пушкин); Он поворчал еще немного и заснул с пьяной, сытой улыбкой на раскрасневшемся лице (Горький).

Тело и его части: Его нечесаная голова, впалые щеки, преждевременные седины... и небрежные угловатые манеры – все это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нужде, безделье, об утомлении жизнью и людьми (Чехов); Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом жизни, ни бурями душевными (Лермонтов); Григорий положил руку на широкую, рабочую спину жены (Шолохов).

Движения, жесты: Протестующий взмах рук (Одоевцева); Жена загремела кастрюльками, разогревая обед, а он сел за стол, подумав, что она всегда почему-то особенно выразительно гремит посудой. Словно оглашает ноту протеста (Васильев); И трубку бросили на рычаг. Но не в раздражении и досаде, а в нетерпеливом радостном ожидании... (Васильев); Она приходит во все большее негодование и уже грозит мне, красная от гнева... (Одоевцева).

Внешние формы поведения человека, манеры: Это была девица вполне определившаяся, с резкими и даже развязными манерами (Салтыков-Щедрин); У рояля ораторствовал известный адвокат и стихотворец, мужчина высокого роста, барской осанки (Горький); Глеб отворил мне двери на балкон, поговорил со мною в позе чинной (Бунин); Анна видела, как он подходил к беседке, то снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружески, рассеянно здороваясь с равными (Л. Толстой);

Походка: *Мужчина поднялся и виноватой походкой... засеменил к девочке (Чехов); Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошел в ту сторону, где развевался вдали пестрый плащ (Гоголь); Она, то есть порода,.. большую часть, изобличается в поступи, в руках и ногах... (Лермонтов); Вся его неуклюжая, робко, неуверенно шагающая фигура выражает крайнее недоумение (Чехов);*

Одежда, обувь, аксессуары: *Она появилась явно готовой немедленно куда-то удрать: была подкрашена, старательно причесана, одета в нарядное платье, а не в привычные потертые джинсы, и держала в руках легкую потертую сумку (Васильев); За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея... Он явно был балованный слуга ленивого барина – нечто вроде русского фигаро (Лермонтов); Вот он. Костюм на нем хороший, галстук подходящий, обувь дорогая и качественная. О чем это свидетельствует? О том, что он удачно женат (жур.); Как это ни грустно, но избыток индивидуальности пугает агентства и работодателей – в чем бы он ни проявлялся: в одежде, парфюме или манере поведения (жур.);*

Голос, тон: *Мужчина вдруг засмеялся злобным, презрительным, долгим хохотом (Куприн); А смех твой, и грустный и звонкий, С тех пор в моем сердце звучит (А.К. Толстой); Наденька вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный (Чехов); - Что, вам ничего сигары, Мари? – сказал он, обращаясь к даме тоном – вежливым, приятельским, но не вполне уважительным (Л. Толстой); наглый шепот и развязность регента возмутили Самгина (Горький);*

Продемонстрированные примеры доказывают, что благодаря разнообразным лексическим и грамматическим средствам все тело человека, вся его внешняя выраженность представлены в речи как участвующие в проявлении, обнаружении внутреннего мира человека. По нашим наблюдениям и наблюдениям других исследователей, наиболее часто язык реагирует на знаковую функцию лица и глаз. «Хотя портретное описание в художественном тексте включает все стороны внешнего облика, но особым объектом внимания художника часто оказывается лицо персонажа» (Савельева, с. 28).

Как и внешний человек, **лицо** в языке ассоциируется с такими частичными и целостными ипостасями человека в языковой картине мира:

- 1) лицо – передняя часть головы человека;
- 2) лицо – индивидуальный облик, отличительные черты человека;
- 3) лицо – человек, личность.

Представление о неразрывной связи лица с целостным человеком, о его главенствующей роли в формировании образа внешнего человека обнаруживается в соотношении значений слов *лицо – облик – личность*. Лицо – составная часть облика (т.е. внешнего вида), но не просто одна из его частей, а главная, т.к. именно лицо своим выражением, мимикой может передать ипостаси внутреннего человека. Метонимическое замещение «лицо-лицо (=человек)» приравнивает часть и целое. Ср. *Что у него за лицо?* (лицо – часть тела) – *Что это за лицо? Представлять чье-либо лицо. Быть подставным лицом. Лица кавказской национальности* (лицо – человек). Лексема *личность* семантически и словообразовательно связана с лексемой *лицо*. Концепт при таком соотношении преломляется следующим образом: «личность – человек, обладающий индивидуальностью, имеющий свое лицо», т.е. свой внутренний, отличный от других, неповторимый мир. «Визуальным» центром личности, главным выразителем его душевных качеств является лицо, т.к. *по лицу* можно *прочитать, понять, на лице* может *обнаружиться, отразиться, выразиться, светиться* любое чувство, любая мысль, эмоция и под.

Глаза – семиотический центр лица; в русском сознании и речи глаза ассоциируются с органом, орудием; зрением: *Больные глаза. Показать глазами. Острый глаз*. Человек может придать лицу определенное выражение, то же справедливо по отношению к глазам, взгляду. Ср. *выражение глаз, лица*, но нельзя сказать *выражение носа, бровей*. Глаза способны представить любую из вышеперечисленных семантических ипостасей внешнего человека: *добрые, грустные, умные, заплывшие, утомленные, больные, аристократически гордые, воровские* и т.д.

4.2. Семантико-синтаксические модели, характерные для высказываний вторичного означивания внешнего человека

В русском языке можно выделить значительное количество семантико-синтаксических структур, объективирующих ситуацию вторичного означивания внешнего человека. Остановимся на тех из них, которые наиболее частотны:

1) на лице (есть) N1: позицию N1 занимают лексемы со значением чувства, состояния (физического или эмоционального), интеллекта:

Он высказывал свои соображения и следил за лицом отца Якова, ища на нем одобрения или согласия (Чехов); На лице его застыла маска равнодушия, а презрения к нам (Аксенов); На лице Машеньки изобразилось легкое волнение, и она густо покраснела (Бунин).

2) на лице (на (в) другой части лица) написано N1: позицию N1 занимают лексемы со значением чувства, состояния, интеллектуальных проявлений и т.п. Данная конструкция является фразеологизированной и отражает метафорический перенос: «написано» - значит «очевидно всем, сразу же видно», т. е. выражено очевидным способом, понятным всем:

Садовник стоит подбоченясь, на лице у охотника написана строгость, а Макар Денисыч согнулся, робко кашляет и кисло смотрит, точно весна давит и душит его своими испарениями, своей красотой! (Чехов); А в глазах у него написано: «Бездарность! Посредственность!» (Чехов); - Я из розыска. - Я поняла. - Как вы догадались? - Это у вас практически на лбу написано (т/ф).

3) (N1) кажется (показывает, указывает) Adj/N5/что, будто, сколько. Глагол «кажется» имеет значение «производить какое-либо впечатление, выглядеть каким-либо образом»; *показывает, указывает* обозначают, что субъекту приписываются свойства, характерные для описываемой ситуации:

Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду (Лермонтов); У Клинтона, появившегося в том же отеле через час с небольшим, костюм был темным, а брюки явно коротковатыми, - едва прикрывали щиколотки. Отчего президент казался «социально незащищенным» (газ.); - У тебя все шутки! – сказал он, показывая, будто сердится (Чехов); Хозяйка улыбалась, но что-то, как показалось Иваненкову, смущало ее... (Васильев); Зрители слушали его в таком напряженном, внимательном молчании, что казалось, будто каждый из них удерживает дыхание (Куприн); Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы (Герцен); Осмотр тела следственно-оперативной группой дал основание предполагать, что гражданин М. шел на стационарное лечение (по крайней мере, на это указывал набор предметов, находившихся в сумке (газ.).

4) Прочитать по N3 (на N6, в N6): данная конструкция является фразеологизированной, сочетается только с лексемами *глаза, лицо, лоб*, так как именно эти части тела человека являются наиболее значимыми при передаче свойств «внутреннего» и «внешнего» человека и ассоциируются в сознании с древнейшим представлением, что все, что человек переживает, выражается, подобно написанному, на лице.

Кому охота, чтобы по его глазам, как по ресторанному счету, можно было прочитать, что и в каких количествах было «употреблено» накануне (жур.); Когда я подошел к Саше, она стояла ко мне спиной, а в этой спине прочел я чертовски много таинственности (Чехов); Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?.. (Лермонтов); Чужая внушенная другими ответ, Тихий в глазах прочитал я запрет, Но мне понятней еще говорит Этот правдивый румянец ланит (Фет)

5) N1 выглядит N5: субъект по внешним признакам отождествляется с каким-либо объектом, носителем свойств, которыми обладает или не обладает данный субъект:

Матери, одержимые демоном «моложавости», не желают выглядеть матерями (жур.); Даже Каменская, несмотря на юрфак и знание пяти языков, гением не выглядит: она хлещет кофе, как оглашенная, сама блекленькая, ужасно ленивая. В общем, «своя» (газ.)

б) N1 выдает (изобличает, выражает, отражает, проявляет) N4: позицию субъекта занимают наименования параметров «внешнего человека», которым приписывается свойство проецировать «внутреннего человека». Синонимичная конструкция – на (в) N6 (выражается, отражается, проявляется, изобличается) N1. Позицию субъекта занимают чаще всего лексемы со значением чувства, эмоции, состояния; позицию локатива занимают наименования элементов внешности (тело и его части, одежда, запах, манеры):

Пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека (Лермонтов); Этими жестами любая дама выдает черты своего характера, которые, возможно, хотела бы скрыть (газ.); Взгляните на себя со стороны – не выдают ли вашу нестандартность чисто внешние признаки: слишком сильный запах духов, слишком яркая одежда, слишком короткая юбка, слишком облегающая блузка, слишком «богатый» стиль и другие «слишком» (жур.). Лицо, как сейсмическая карта, отражает все, что происходит в недрах взбудораженной души (жур.); Конечно, образ жизни, характер, его черты – все это обязательно отражается на лице (газ.). Мать смотрела на судей – им, несомненно, скучно было слушать эту речь. Неживые, желтые и серые лица ничего не выражали (Горький); Как это ни грустно, но избыток индивидуальности пугает агентства и работодателей – в чем бы он ни проявлялся: в одежде, парфюме или манере поведения (жур.);

Когда женщина действительно хорошо себя чувствует, она излучает неподдельную уверенность в себе, и это придает ей особый шарм (жур.); Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его (Лермонтов); Она, то есть порода..., большей частью изобличается в поступи, в руках, в ногах; особенно нос очень много значит (Лермонтов); Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого (Пушкин).

7) (Сквозь, через) N4/в N6 проглядывает (просвечивает, проскальзывает) N1: позицию субъекта занимают лексемы со значением свойства, состояния, которые «проецируются» на (в) каком параметре внешности.

Во всех шести сериях «Джеймса Бонда» с его участием, а также в фильме «Неприкасаемые» никто не сомневается, что герой Коннери может убить без промедления, и из-под внешнего лоска проглядывает жестокость (газ.); Я слушаю, я смотрю на Гумилева, и мне начинает казаться, что сквозь его некрасивые, топорные черты просвечивает другое, прекрасное, тонкое, строгое лицо (Одоевцева); Всякий раз, когда мне кажется, что в моем лице, поведении, походке проскальзывает что-то от моей матери..., меня охватывает паника (жур.).

8) N1 доказывает (показывает, свидетельствует), что: субъекту – параметру внешности – приписывается свойство, соответствующее какой-либо ситуации.

Блеск его взгляда и судорожный трепет верхней губы доказывали, что жажда мщения – отличительное свойство людей, с которыми провел он свою жизнь (Пушкин); Вот он. Костюм на нем хороший, галстук подходящий, обувь дорогая и качественная. О чем это свидетельствует? О том, что он удачно женат (жур.); Гумилев подходит ко мне. Весь его вид свидетельствует о том, что вечер прошел как нельзя лучше и он очень доволен и рад (Одоевцева).

9) N1 производит впечатление (создает впечатление) N2 / будто, что: субъект – человек либо параметр его внешности, о котором складывается мнение или по отношению к которому формируется оценка.

Вы не производите впечатление самого умного человека планеты (т/п); Раиса Блох производила скорее впечатление тяжести, что не мешало ее девически невинному и нежному виду (Одоевцева); Английские стандарты предписывают аккуратную стрижку и безупречный цвет лица... Главное – создать впечатление, будто вы вообще не занимаетесь своей внешностью (жур.).

10) N1 говорит (обещает, просит) N4: параметру внешности приписывается свойство (через метафорический перенос) указывать, свидетельствовать о чем-либо, что скрыто за внешними признаками.

Жизнь в нем (лице), казалось, погасла, и только следы страданий, которые пережил «суетный и фатоватый» человек, говорили, что оно еще живо (Чехов); Большинству женщин нравится быть загорелыми, однако слишком сильный загар говорит об избытке праздности, а это вовсе не то, чем следует гордиться (жур.); Эти ангельские глаза обещают мне чудеса (из песни); Цвет глаз, форма носа или губ расскажут о характере твоего приятеля не хуже, чем подробная анкета (газ.); Его глаза просили: «Не надо» (Одоевцева).

11) N1 на вид (с виду) N1/5 / Adj1/5: субъект по внешним признакам, по наружности отождествляется с каким-либо свойством или объектом (чаще всего одушевленным).

Вы на вид культурные ребята – по одежде и вообще. Студенты? (Аксенов); Я теперь на вид старик. Седой. Лысый в сорок лет (Одоевцева); - Ты, Литвинова, с виду замужем, а чего кольцо не носишь? (к/ф); Неужели вы вносите ссоры в семью? С виду такая милая, спокойная женщина (т/п).

12) Следующая группа – разнообразные конструкции с предикатами *понять, отгадать, догадаться, заметить* при которых в качестве субъекта выступает человек, делающий вывод о характере, эмоциональном и физическом состоянии, интеллекте другого человека по особенностям его внешности (субъект – наблюдатель), и фразеологизированными сочетаниями типа *дать понять, не оставлять сомнений*, при которых в качестве субъекта выступают элементы внешности, особенности поведения человека, изобличающие внутренние черты.

Высокий куст закрывал меня от них, но сквозь листья его я мог видеть все и отгадать по выражениям их лиц, что разговор был сентиментальный (Лермонтов); Его нечесаная голова, впалые щеки, преждевременные седины... и небрежные угловатые манеры – все это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нужде, безделье, об утомлении жизнью и людьми (Чехов); Полные губки Севы Дьякова не оставляют сомнений: их хозяин горазд надуваться по любому поводу (газ.); «Странный субъект», - подумал Кунин, глядя на его полы, обрызганные грязью (Чехов); В офисе я стараюсь на него не смотреть, потому что сослуживцы сразу обо всем догадаются (жур.); Митрофаній нахмурился, давая весельчаку понять, что тот заходит слишком далеко (Акунин); Глаза Чубатого смеялись, но Григорий по голосу, по хищному трепету ноздрей понял, что говорит он серьезно (Шолохов). Если мне нравится человек, он никогда этого не поймет, я и виду не подам (газ.). Все заметили, что после своего недавнего припадочного смеха она стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна (Достоевский).

13) Конструкции с предикатами, представленными разными частями речи, но объединенными общим корнем вид- и общим значением «воспринимаемый зрением», «проявленный вовне» (в эти конструкции включаются лексемы со значением чувства, эмоции, физического состояния и под.).

- Не выйдет, - с видимым удовольствием прервал мечтания духовной дочери преосвященный (Акунин); Высокий молча смотрел на него. Он словно

проглотил наконец свой ломтик лимона – лицо пересекли большие спокойные морщины, и только в глазах Алексей увидел презрение. Жгучее незабываемое презрение (Аксенов); Гумилев притворно сердито отмахивается от него... Но я по глазам его вижу, что сходство с коронованной особой ему очень приятно (Одоевцева); Всегда видно, где наша девушка, а где иностранная, - по достоинству и уверенности в глазах (газ.); На водянисто-пухлом лице ее виднелись усталость и боль (Шолохов); - Девушка, подождите, по лицу видно, что вы жена-мать (т/п); С виду вы интеллектуал, а отвечали слабо (т/п).

14) Конструкция с предлогом *судя по* и синонимичным глагольным сочетанием *судить по* включает в себя дополнение в форме N3, позицию которого занимают лексемы со значением элементов внешности, которым приписывается то или иное соответствие внутренним свойствам человека.

Терпение никогда не входило в число достоинств губернского архиерея, и, судя по багровой краске, залившей высокий лоб и щеки Митрофания, теперь оно было исчерпано (Акунин); - *Простите, - сказал я, - но... судя по выражению вашего лица, мне кажется, что в данную минуту вы... рисуетесь* (Чехов); - *Что у вас за работа? – Вы уверены, что я работаю? – Я сужу по глазам...* (к/ф).

Предикатами, характеризующими «внутреннего человека» через внешние признаки, могут выступать прилагательные и наречия, которые обозначают признаки, свойства, атрибуты элементов внешности, выявляющие эмоциональную, интеллектуальную, психическую сферы человека, а также его принадлежность профессии, социальному слою и т.п. Эти признаковые характеризующие предикаты сочетаются с любым элементом внешнего облика:

Угрюмо-рассеянный вид, едкая мефистофелевская улыбка не сходили с лица его весь вечер (Достоевский); Одни стоял с багром в руках в выжидательной, сторожкой позе (Горький); Она с нахмуренными бровями глядела на всех гостей (Гончаров); Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошел в ту сторону, где развевался вдали пестрый плащ (Гоголь); - Ну, скажите, господин Гаврилов, - увещевающим тоном заговорил

Николай Иванович, - неужели вам не стыдно говорить такой вздор? (Вересаев); Самое сексуальное у Вайноны – глаза, на них я и сделал акцент (жур.); Другой соискательнице повредил слишком смелый вырез блузки (жур.); А глаза-то у красавчика ядовитые... (газ.); Покажи руки. Да, они не шахтерские (р/р); Он глядел на Аксинью бесстыдным улыбчивым взглядом (Шолохов) Я подбираю женщин в зависимости от персонажа, которого они должны сыграть. Женщина может быть при этом и брюнеткой, и блондинкой, и рыжей – это неважно: главное, чтобы у нее попа была выразительной (газ.); Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина (Л. Толстой); У подъезда стоял извозчик, молодой, в ловкой поддевке, и спокойно курил сигарку (Бунин); Тело Зеленина лежало на куче тулугов и телогреек. Тело? А не труп ли? Заострившееся белое лицо с громадным кровоподтеком, с рваной раной на правой щеке, тупо, безжизненно открытый рот (Аксенов); - А хоть бы и про фата-моргану, - упрямо качнула головой монахиня (Акунин); Жена загремела кастрюльками, разогревая обед, а он сел за стол, подумав, что она всегда почему-то особенно выразительно гремит посудой. Словно оглашает ноту протеста (Васильев); Мандельштам явно польщен. Он гордо закидывает голову и поправляет галстук (Одоевцева); Ханов, мужчина лет сорока, с поношенным лицом, с вялым выражением, уже начинал заметно стареть (Чехов).

Придаточные определительные в составе сложноподчиненного предложения, относясь к существительному, обозначающему элемент внешности, вводят описание признака, свойства, с которым соотносится внешность.

- *Кто из двадцать второй школы? – спросил незнакомый мужской голос, в котором Иваненков уловил равные пропорции руководящей солидности и провинциальной недоверчивости (Васильев); - А он нужен? – спрашиваю я, по-идиотски потупившись, и получаю в ответ взгляд, которым смотрит учитель на распоследнюю двоечницу (жур.); Гайнан невольно выкрикнул их (солдатские*

ответы) тем деревянным, сдавленным, бессмысленным криком, каким всегда говорят солдаты с офицерами в строю (Куприн).

Существительные, обозначающие эмоции, чувства, состояния, в различных грамматических формах и сочетаниях с лексемами, обозначающими элементы внешности (из них наиболее частотны лексемы *вид, внешность, глаза, лицо, губы, манера, походка*; очень редки названия других частей тела), наряду с глаголами, прилагательными и наречиями, тоже могут выполнять роль «знаков» внутреннего человека», проявляющихся внешне.

Савельич слушал с *видом* большого *неудовольствия* (Пушкин); *Выражение* горькой *обиды* разлилось по его бледному лицу, задрожал подбородок (Чехов); *На* мраморном, несколько выпуклом *лбе* ее *была морщинка гнева* (Л. Н. Толстой). У меня, должно быть, *от смущения и незнания*, что сказать, очень *комичный вид* (Одоевцева); Львиное, слегка насупленное *лицо розовело от здоровья* (А.Н. Толстой); *От обиды* и бессильной *злости стало жарко*: он не нужен, не нужен, не нужен! (Васильев). Порожние *сумки* ее блеклых *щек смяла тревога* (Шолохов); *Страсти, печали и потрясения не навели морщины на* девственное свежее его *лицо* (Гоголь); Сначала она шагала довольно смело, но скоро *волнение и страх* взяли свое: она пугливо *обернулась, остановилась и перевела дух* (Чехов). Он *посматривал с подозрением* то на хозяина, то на вожатого (Пушкин); Отец Яков встрепенулся, как сонный человек, которого ударили, и, не переставая улыбаться, *начал в смущении запахивать* полы своей рясы (Чехов); - Ты лжешь, мерзавец! – *вскричал я в бешенстве* (Пушкин).

Так как внешний человек может «обнаружить» внутреннего, обиденное сознание наделяет человека способностью управлять «внешним человеком». В языке это отражается предикатами с общим значением «не дать проявиться / дать проявиться»: *скрыть, не выдавать, подавить, унять, надеть маску, скрыть за маской, спрятать, замаскировать, завуалировать, не показать вида, не подать вида, притаить, затаить, выдать, обнаружить, показать, проявить*: *Она не показывала своего беспокойства за сына (р/р); Не ноющий, не*

насупленный, скрывающий дурное настроение за улыбкой, любопытный, кокетливый и желающий всем нравиться (жур.); - А почему ты об ней такого мнения? – спросил я, с трудом удерживая свое негодование (Пушкин); Ее беспокойство за сына выдал дрожащий голос (р/р); Я уже кое-как успела справиться с собой. Нет, я не заплакала (Одоевцева); Преосвященный задвигал бровями, подавляя неудовольствие (Акунин); Показалось Иваненкову или Лопатин и в самом деле спрятал горестный вздох? (Васильев); Гумилев не может сдержать самодовольной улыбки. Он разводит руками (Одоевцева); Его лицо тотчас выдало фальшь слов, он обмякло, сплыло, ртутные глаза на несколько секунд прекратили свой трепет (Горький).

«Скрыть» душевную, психическую жизнь можно за маской другого чувства, состояния, изменением положения тела и мимики лица. В таких высказываниях, наряду с перечисленными, часто используются лексемы с общим значением «фальшивый»: *маска, фальшь, поддельный, фальшивый, неестественный, картинный, притворный, принужденный, насильственный, силиться*:

Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия (Пушкин); - Ах так! Меня отвергают! – с фальшивым отчаянием возопил молодой человек, картинно прикрыл рукою глаза и внезапно извлек из внутреннего кармана маленький, посверкивающий черной сталью пистолет (Акунин); - У меня никого, - дочь насильственно усмехнулась (Васильев); Немного погодя отец Яков вышел из-за перегородки красный, потный и, сиясь улыбнуться, сел против Кунина на край дивана (Чехов); - Да, помню! Сказал он, почти тотчас принужденно зевнув... (Лермонтов)

Умение / неумение человека управлять своим внешним видом приводит к тому, что целостный человек распадается на две противопоставленные части, из которых одна часто не совпадает с другой либо не соответствует ей. Внешний облик и его элементы или целостный человек выступают инструментом, позволяющим скрыть внутреннюю сущность или, наоборот, ее обнаружить:

Может, ты дурак, а все твоё разумное выражение глаз – одна видимость? (к/ф); Вся его фигура выражала сильное смущение, но в то же время на лице была написана решимость, как у человека, внезапно озаренного идеей (Чехов); Чтобы хоть чем-нибудь сгладить неловкость своего молчания и скрыть борьбу, происходившую в нем, священник начал принужденно улыбаться, и эта улыбка, долгая, вымученная, сквозь пот и краску лица, не вязавшаяся с неподвижным взглядом серо-голубых глаз, заставила Кунина отвести глаза (Чехов); У английских женщин нет стойкой определенной репутации, но все же молва склоняется к тому, что у этих дам за строгим фасадом нередко кроются роковые страсти (жур.); Приберегать страсти для сцены и стадиона, а в обычной, будничной реальности упрямо держаться привычки сохранять каменно-неподвижной знаменитую британскую верхнюю губу. Все должно оставаться внутри (жур.).

Выводы. Являясь самостоятельным миром, «внешний человек» как ипостась целостного человека противопоставлен внутреннему человеку и в то же время неразрывно связан с ним, составляя и проявляя содержание единого концепта «человек» в русской ЯКМ.

Представление о знаковости и прагматической ценности «внешнего человека» закреплено в языке различными функционально-семиотическими проявлениями, т.е. этому образу-концепту приписывается способность «обнаруживать» внутреннего и целостного человека через внешние признаки – «локализаторы», которые в языке представлены номинациями отдельных органов и частей человеческого тела; специальными семантико-синтаксическими конструкциями, включающими предикаты – «сигналы», «знаки» функционально-семиотических проявлений «внутреннего человека» во «внешнем», и, таким образом, объективируется вторичное означивание «внешнего человека».

Наиболее значимыми семиотически частями тела, по данным языка, являются лицо и глаза; семиотически нагружены и функциональные признаки внешнего облика человека: движения, походка, голос, манеры.

Внешний человек репрезентируется в языке различными функционально-семиотическими структурами и их элементами. Внешний человек мыслится в наивном сознании как информативно, экспрессивно и коммуникативно значимый образ. В языке вербализовано это свойство внешности: через вторичную семиотизацию означиваются любые ипостаси внутреннего и целостного человека, проявляемые во внешнем облике: социальные, национальные, психоэмоциональные, интеллектуальные, личностные, коммуникативные. Это свидетельствует о целостности образа человека в языке, о неразрывной связи «внешнего» и «внутреннего». Предикаты принадлежат к разным частям речи (глаголам, прилагательным, существительным, наречиям) и реализуются в разнообразных семантико-синтаксических моделях высказываний.

В этих высказываниях содержатся различные характеристики человека, которые специально обозначаются в зависимости от коммуникативно-прагматических условий общения, от смысла, который хочет акцентировать говорящий: выделить словесно наиболее выразительный элемент внешнего облика человека, проявляющий свойства внутреннего и целостного человека, или, наоборот, подчеркнуть с помощью обозначения внешнего параметра способность человека управлять своим внутренним миром, скрывать его от окружающих

Анализ высказываний, отражающих функционально-семиотическую ценность внешности в языковой картине мира, доказывает, что языковой образ «внешнего человека» моделируется с опорой на лексическую семантику «знаковых» предикатов. Для него существенны условия общения, представления, связанные с аксиологичностью того или иного элемента внешности человека, что и влияет на выбор того или иного языкового средства для характеристики внешности человека.

Заключение

Предпринятое нами описание образа-концепта «внешний человек» как фрагмента русской языковой картины мира с опорой на понятия и идеи когнитивно-антропологической семантики позволяет обобщить все наблюдения и частные выводы.

Человек в языковой картине мира представлен и как целостный, одушевленный объект и субъект, и как совокупность множества частей, деталей, элементов, ипостасей, в частности, в образе внешнего человека. Как к толкованию образа целостного человека, к толкованию образа-концепта внешнего человека применим многоаспектный подход (как на уровне лингвистики, так и на уровне внелингвистического знания).

Важными для национально-языковой интерпретации внешнего человека в целом, отдельных элементов и характеристик его облика являются в сознании и речи носителей языка аксиологическое и мифопоэтическое начала: в высказываниях называется и актуализируется то, что для человека ценно и характерно, что символизирует его сущность и помогает интерпретировать окружающий мир как мир определенной культуры, социума, индивидуальный мир.

В формировании языкового образа внешнего человека существенную роль играют номинации человека, характеризуемого по особенностям внешнего облика, признакам и функциональным особенностям внешности; эти номинации объединяются в семантическое макрополе с интегральным признаком «внешний вид».

Возможность объединения таких номинаций в единое поле имеет в диссертации лингвистическое (семантическое) обоснование: присутствие в их значениях эксплицитной или имплицитной семы «внешний вид». Показатели этой семы извлекаются из ближайшего контекста (сочетаемости) номинаций предметов, признаков (динамических и статических), имеющих связь с

человеком. В диссертации представлено системно-парадигматическое описание макрополя «внешний человек» с его внутренней структурой, с характерными оппозициями интегральных и дифференциальных признаков микрополей на разных уровнях членения поля, с выделением тематического субполя, объединяющего и структурирующего элементы данного макрополя по понятийным сферам и микрополям, отнесенным к одной теме (понятию) на основании общей гиперсемы «внешний вид».

В рамках семантического макрополя «внешний человек» группировки слов имеют неодинаковое положение: в центре и ядре поля находятся номинации, относящиеся к целостному человеку, характеризующемуся по каким-либо внешним признакам, номинации общего внешнего вида, номинации тела и его частей; на периферии поля оказываются функциональные и сопутствующие номинации признаков внешности, которые могут входить в ядерную группу других микрополей, что выявляет пересечение исследуемого макрополя с другими макрополями и репрезентирует незамкнутость данной системы.

Исследуемое макрополе характеризуется богатством системных отношений: синонимических, антонимических, деривационных, тематических. Особенность синонимических рядов исследованных номинаций внешнего человека заключается в их предельной открытости, способности включать многочисленные коннотативно осложненные речевые синонимы разных стилей речи. Большинство антонимических пар носит нестрогий логический характер, особенно в тех случаях, когда что-либо в человеке субъективно интерпретируется как противоположные начала или противопоставляется в рамках контекста.

В качестве элементов выделенного поля рассматриваются слова разных частей речи, словосочетания и законченные высказывания идиоматического характера (эквивалентные одному слову или фразе), во всей полноте характеризующие образ внешнего человека, соотносимые с другими элементами поля по интегральной семе и тематически.

В диссертации обращено внимание на часть семантических и словообразовательных дериватов, характеризующихся той же семой «внешний человек». Среди них немало достаточно употребительных и общезыковых, есть оценочные и эмоционально-экспрессивно окрашенные. Характерным типом семантической деривации для многих элементов поля является регулярная метонимия и метафора. Значительная часть таких метонимий и метафор носит образный характер и принадлежит разговорной речи.

Концептуально-языковое исследование образа внешнего человека показало, что центральной составляющей, ключевым понятием этого языкового концепта является понятие «тело человека», которое в менталитете и языковой картине мира мыслится как динамическая, развивающаяся система, характеризующаяся различными параметрами и взаимосвязью с внутренним и целостным человеком. Внешний человек мыслится как имеющий свойства выразительности – эстетической и информативной. Таким образом, языковой образ-концепт «внешний человек» многоплановый, многоаспектный; это социальный, культурный, психологический феномен.

Характерным свойством языковой концептуализации внешнего человека является богатство аксиологических значений, в частности, система стереотипных оценок внешности человека и воплощаемая в особых языковых выражениях вторичная семиотичность («знаковость»).

Аксиологическая шкала имеет своим основанием те коннотации, представления, которые обусловлены всем духовным опытом народа, национально-культурной спецификой, что отражается и в индивидуальных оценках внешнего облика человека. Значительная часть положительных / отрицательных оценок реконструируется на основе паремииологии, устойчивых фольклорных образов, эпитетов, сравнений. Анализ такого современного речевого жанра, как «объявления о знакомстве», показал, что, в силу его компактности и единой коммуникативной интенции, информант вынужден пользоваться определенными клише, которые, формируя индивидуальное представление об идеале адресата, тем не менее опираются на традиционные

коннотации и оценки внешнего облика человека и соответствующие речевые средства.

Представления мужчин и женщин о положительно / отрицательно оцениваемом облике человека, репрезентируемые в речи, опираются не только на физические, анатомические признаки, но и на психологические, этикетные, эстетические параметры внешности.

Стереотипные представления о внешности человека, отраженные в языковой картине мира, закрепляются не только в устойчивых выражениях, фразеологизмах, пословицах, поговорках, но и в высказываниях со специальными маркерами – показателями стереотипизации, которые отражают определенную денотативную ситуацию: акт приписывания некоему субъекту определенных внешних признаков в соотношении с психологическими, социальными и т.п. характеристиками внутреннего человека. Чаще всего стереотипизации подвергаются динамические (подвижные, сопутствующие) признаки внешности: выражение лица, жесты, манеры, одежда и т.п.

В высказываниях-описаниях внешнего облика человека функционируют самые разнообразные предикаты – «показатели» вторичного означивания, выявления свойств, проявления «внутреннего человека» через внешние признаки, которые могут быть замещены номинациями целостного человека, характеризуемого по внешним признакам. Это позволяет говорить о неразрывной связи «внешнего» и «внутреннего» человека, о внешнем человеке как особой семиосфере, вторично означенной в речи. Семиосфера внешнего облика человека моделируется в языке в зависимости от представлений, связанных с аксиологичностью того или иного элемента, признака «внешнего человека», коммуникативных задач и прагматических установок, что влияет на выбор того или иного языкового средства для характеристики и описания «внешнего человека».

Таким образом, избранная в качестве исходной и концептуально организующей идея исследования образа-концепта «внешний человек» как фрагмента языковой картины мира в соотношении и единстве с целостным и

внутренним человеком «по мерке» наивного человека дала, на наш взгляд, относительно новые знания о манифестации и репрезентации исследуемого объекта в семантическом макрополе «внешний человек», в ключевых понятиях, средствах и свойствах концептуализации ввелингвистического образа; выявлено аксиологическое богатство, стереотипность языкового образа внешнего человека, его включенность по принципу вторичного означивания в языковую семиосферу человека.

Все аспекты исследования внешнего человека, выделенные в диссертации, имеют перспективу дальнейшего исследования.

Описанное семантическое макрополе «внешний человек» может стать фрагментом специального лингвоантропологического словаря «Человек». В аспекте изучения категоризации действительности средствами языка возможно создание перечня всех средств категоризации, свойственных как фрагменту языковой картины мира – образу-концепту «внешний человек», так и языковым образам «внутреннего» и «целостного» человека. В рамках функционально-семантического аспекта изучения языковых средств репрезентации оценок, стереотипности, семиотизации внешности возможно изучение стилей и жанров, в которых активно функционируют эти средства, а также индивидуально-авторские эквиваленты общеязыковых единиц и структур.

Список использованной литературы

1. Автопортрет славянина. – М.: Космополис, 1999.
2. Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. – М. – Л.: Худож. лит., 1960.
3. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1991.
4. Алеева Г.Х. Сопоставительный анализ фразеологизмов, характеризующих внешность человека, в английском и турецком языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999.
5. Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филол. науки. – 2000. – №2.– С. 58-65.
6. Антропоцентрический подход к языку. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – Ч. 1,2.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995а.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры. Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995б.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. – 1995в. – №1. – С. 28-35.
10. Аристотель. Сочинения. – М.: Наука, 1978. – Т. 2.
11. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: МГУ, 1980.
12. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 3-10.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.

15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М.: Рус. яз., 1983.
17. Аскольдов С.А. (Алексеев) Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
18. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
19. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
20. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 1998.
21. Байбурин А.К. Введение. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. – М.: Наука, 1985. – С. 3-19.
22. Бакшутлов В.К. Философская антропология: смена парадигм. – Екатеринбург: Внешторгполиграфия – XXI, 1998.
23. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностран. лит., 1955.
24. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. АН. Сер. лит. и яз., 1997. – Т. 56. – №1. – С. 11-21.
25. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: Результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993-1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. – М., 1995. – С. 47-52.
26. Бахвалова Т.В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. – Орел: Орлов. пед. ин-т, 1996.
27. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

28. Башкеева Е.В. Возрастные парадигмы в русском художественном мышлении 1-й трети 19 века // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 387-395.
29. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
30. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994.
31. Береснева Н.И. Доминанты образа мира современного русского ребенка // Антропоцентрический подход к языку. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – Ч. 2. – С. 161-171.
32. Беркли Дж. Алкифон, или Мелкий философ. – СПб.: Алетейя, 2000.
33. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы, языка. – М.: Космополис, 1994.
34. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: СПб. ун-т, 1999.
35. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: СПб. ун-т, 1996.
36. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986.
37. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Философ. науки. – 1973. – №1. – С. 108-121.
38. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 523-537.
39. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997.
40. Быховский Б.Э. Философия Декарта. – М. – Л.: АН СССР, 1940.
41. Быховская И.И. Телесность // Культурология. 20 век: Словарь. – СПб.: Универс. книга, 1999. – С. 464-467.
42. Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1976.

43. Ван Эрдон. Специфика языкового сознания русских и китайцев (гендерный анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
44. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. школа, 1990.
45. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопр. языкознания. – 1971. – №5. – С. 105-113.
46. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Философия, 1990.
47. Вежбицкая А. Выражение эмоций в русском языке: заметки по поводу «Русско-английского словаря коллокаций, относящихся к человеческому телу» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 526-546.
48. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.
49. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: МГУ, 1998.
50. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Филологический подход к соматическому языку // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1981. – С. 42-82.
51. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1990.
52. Вилсон Г., Макклафин К. Язык жестов – путь к успеху. – СПб.: Питер, 2000.
53. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.
54. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. школа, 1972.

55. Вишаренко С.В. О некоторых общих аспектах когнитивно-семантического и коммуникативно-прагматического подходов // Вестник СПб. ун-та, серия 2. – 1999. – №3. – С. 93-95.
56. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 1999.
57. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999.
58. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
59. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1997.
60. Гайсина Р.М., Кчуккулова Ф.Н. О лексико-фразовом семантическом словаре // Русский язык как государственный: Мат-лы междунаро. конф. – М. – Челябинск: Администрация Челяб. обл.; Инст. рус. яз. РАН, 1997. – С. 44-48.
61. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230-285.
62. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 73-80.
63. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
64. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. – М.: Высш. школа, 1954.
65. Гамалей Т.В. Система лексико-синтаксических средств описания внешности человека в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1989.
66. Гачев Г. Национальные образы мира // Вопр. литературы. – 1987. – №10. – С. 156-191.
67. Герд А.С. Введение в этнопсихоллингвистику. – СПб.: СПб. ун-т, 1995.
68. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980.

69. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Мол. гвардия, 1991.
70. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
71. Гуц Е.Н. Семантические поля «женский» и «мужской» в языковой картине мира подростка // Международная конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 42-43.
72. Гуц Е.Н. Физические возможности и внешний облик человека в языковой картине мира подростка // Филол. ежегодник.– Омск, 1998. – Вып. 1. – С. 64-66.
73. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. – СПб: Питер, 2001.
74. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Филология, 1995. – С. 239-320.
75. Денисов П.И. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980.
76. Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Лексикография. // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц.– М.: Академия, 2001. – Ч. 1. – С. 181-439.
77. Дмитренко Н.П. Средства выражения качества в русском языке (на материале литературных портретных характеристик): Дисс. ... канд. филол. наук. – Ниж. Новгород, 1997.
78. Дмитриева Н.А. Лексико-семантическое поле «Культура» в языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук. – Донецк, 1995.
79. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – С. 6-18.
80. Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2000.

81. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филол. науки. – 1973. – №1. – С. 89-98.
82. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973.
83. Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г., Пенягина Е.Б. Наивная и научная картина мира: возрастные изменения от 6 до 10 лет // Антропоцентрический подход к языку. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – Ч. 2. – С. 173-180.
84. Журинская М.А. Именные поссессивные конструкции и проблема неотторжимости // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1997. – С. 194-258.
85. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в 16 и 17 столетиях. – Новосибирск: Наука, 1992.
86. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград, 1999. – С. 3-9.
87. Завальников В.П. Разрушение древнерусского концепта святости и образ человека в русской языковой картине мира // Вестник Омс. ун-та. – 2001. – Вып. 4. – С. 82-84.
88. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
89. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
90. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка. – М.: Наука, 1988.
91. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998.
92. Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. – М.: Просвещение, 1989.
93. Иванова Е.Ю. Характеризация лица: традиционный синтаксис и экспрессивный номинатив (на мат-ле рус. и болг. языков) // Вестник СПб. ун-та, серия 2. – 1999. – №1. – С. 55-61.

94. Каган Е.В. Стереотипы мужественности и женственности и «образ я» у подростков // Психол. журнал. – 1998. – №5. – С. 53-62.
95. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996.
96. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Уфа, 1999.
97. Карасик И.В. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 3-15.
98. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
99. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
100. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1996.
101. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. – М.: Наука, 1990. – С. 8-25.
102. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
103. Киуру К.В. Гендерные стереотипы в языковом сознании русских (пилотное исследование) // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: НУДО «Межотраслевой региональный центр», 2000. – С. 73-79.
104. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
105. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 269-278.
106. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб.: Златоуст, 1999.
107. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПб. ун-та. Сер. 2. – 1992. – №3. – С. 30-40.
108. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: ЛГУ, 1986.

109. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 106 – 114.
110. Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974.
111. Колшанский Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке. – М.: Наука, 1975.
112. Кон И.С. Мужское тело как эротический объект // Человек. – 2000. - №6. – С. 26-40.
113. Кон И.С. Открытие «Я». – М.: Наука, 1978.
114. Коротун О.В. Голос: гендерные стереотипы // Язык. Человек. Картина мира: Мат-лы всерос. науч. конф. / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омс. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1. – С. 83-87.
115. Коротун О.В. Образ внешнего человека в функционально-семиотическом аспекте (на материале русского языка) // Вестник Омс. ун-та. – 2001. – Вып. 1. – С. 68-72.
116. Коротун О.В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002.
117. Коротун О.В. Понятие «тело человека» в русской языковой картине мира // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тезисы международной научно-практической конференции / Под ред. Е.Н. Азначеевой. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. – С. 44-47.
118. Коротун О.В. Приоритетные характеристики человека в объявлениях о знакомстве // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: НУДО «Межотраслевой региональный центр», 2000. – С. 79-84.
119. Коротун О.В. Стереотипы как средство концептуализации представлений о внешности человека // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Том. гос. ун-т, 2001. – С. 155-157.
120. Костина А.Т. Семантико-синтаксические особенности соотносительных прилагательных возраста (на материале английского и русского языков) //

Исследования семантической структуры слов и их сочетаемости. – М.: МГУ, 1984. – С. 112-123.

121. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001.

122. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.

123. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 453-502.

124. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 171-185.

125. Крейдлин Г.Е., Григорьева С.А., Григорьев Н.В. Экспериментальный словарь русских жестов, мимики и поз (идеология и структура словарных статей) // Московский лингвистический журнал. – 1996. – №2. – С. 32-44.

126. Кретов А.А. Принципы выделения ядра лексико-семантической системы // Семантика слова и синтаксические конструкции. – Воронеж: Воронеж гос. ун-т, 1987. – С. 84-93.

127. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. – М.: Высш. школа, 1988.

128. Круглова И.В. Выражение эмоционального состояния глаголами разных лексико-семантических групп: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

129. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 34-47.

130. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.

131. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978.

132. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН. Ин-т языкознания, 1997.

133. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: РАН. Ин-т языкознания, 1996.
134. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале англ. языка). – М.: Наука, 1980.
135. Кузнецова Н.Н. Имена прилагательные, определяющие возраст и внешность персонажей русских народных сказок: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
136. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высш. школа, 1989.
137. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1980.
138. Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987.
139. Культурология. 20 век: Словарь. – СПб.: Универс. книга, 1997.
140. Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1979.
141. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999.
142. Ладыгин Ю.А. Информативная роль коннотативных значений в прозаическом художественном тексте // Филол. науки. – 2000. – №2. – С. 75-83.
143. Ламетри Ж. Человек – машина. – Минск: Лит., 1998.
144. Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопр. философии. – 1999. – №2. – С. 54-67.
145. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. международ. конф. – М.: Филология, 1995.
146. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
147. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280-287.
148. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970.

149. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999.
150. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: Искусство – СПб, 2000.
151. Лоуэн А. Язык тела. – СПб.: Академ. проект, 1997.
152. Макарова Е.А. Прилагательные-характеристики лица в функциональном аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1989.
153. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996.
154. Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина / Женщина) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-184.
155. Мальбранш Н. Разыскания истины. – СПб: Наука, 1999.
156. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999.
157. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
158. Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале кыргызского языка) // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 116-120.
159. Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка. Языки динамического мира /Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международ. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 376-394.
160. Митамура Маки. Национально-культурные маркеры языкового сознания: японо-русские соматологические параллели: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
161. Молостова Е.П. Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов-антропоцентризмов русского и французского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2000.

162. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: МГУ, 1977.

163. Мрикария Джордж. Структурные и семантические особенности фразеологизмов с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским языком: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

164. Назарова Н.Б. Исследование словосочетаний в композиционно-речевых формах (описании, повествовании, рассуждении): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000.

165. Налимов В.В. Разбрасываю мысли: В пути и на перепутье. – М.: Прогресс – Традиция, 2000.

166. Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. – М.: Мысль, 1972.

167. Нгуен Тхи Хыонг. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000.

168. Нефедова Л.А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001.

169. Никитина Л.Б. Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (к проблеме образа человека в современном русском языке): Дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 1996.

170. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): Дисс. в виде науч. доклада ... докт. филол. наук. - М., 1999.

171. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993.

172. Николаева Т.М. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка. – М.: МГУ, 1970.

173. Новиков Л.А. Значение эстетического знака // Филол. науки. – 1999. – №5. – С. 83-90.

174. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Наука, 1982.

175. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филол. науки. – 2000. – №1. – С. 40-49.

176. Новикова Н.С. Межполевые семантические связи в языке и в тексте // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М.: Наука, 1991. – С. 214-221.

177. Одинцова М.П. Высказывания с соматизмами и квазисоматизмами // Системный анализ значимых единиц русского языка: Смысловые типы предложения. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. – Ч. 1.– С. 118-127.

178. Одинцова М.П. Лингвоантропологические исследования омских русистов (1990 – 2002 гг.) // Вестник Омск. ун-та. – 2002. – №2. – С. 5-13.

179. Одинцова М.П. Образы человека – пространства в языковой картине мира и в русской поэтической речи // Художественный текст: единицы и уровни организации. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1991. – С. 63-69.

180. Одинцова М.П. Реалистические и мифопоэтические представления о человеке в языковой картине мира // Славянские чтения: Тез. докл. науч.-практ. конф. – Омск: Омск. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 23-25.

181. Одинцова М.П. Слово в семантической структуре высказывания: лексические значения слов – синонимов *душа* и *сердце* в сфере обозначения произвольных действий и состояний человека // Деривация и номинация в русском языке. Межуровневое и внутриуровневое взаимодействие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1990. – С. 117-126.

182. Одинцова М.П. Человек как вселенная: образ «целого» и «части» в языковой картине мира // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1994. – Вып. 2. – С. 73-80.

183. Одинцова М.П. Языковые образы внутреннего человека // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на мат-ле русского языка) / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1. – С. 11-28.

184. Орлова Н.В. Этические оценки // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1. – С. 47-58.

185. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.

186. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. - М.: МГУ, 1995.
187. Пак Н.С. Контрастивный анализ соматических глаголов (*Verba anatomica*) в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2000.
188. Патянина О.В. (Коротун). Внешняя красота женщины в изображении А.С. Пушкина // Вестник Омск. ун-та. – 1999. – Вып. 2. – С. 97-103.
189. Пиз А. Язык телодвижений. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
190. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.
191. Пименова М.В. Языковая ментальность: сопоставительный аспект // Семантика и прагматика текста. – Барнаул: Алтайский технич. ун-т, 1998. – С. 12-16.
192. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1997.
193. Подорога В. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. – М.: Ad Marginem, 1995.
194. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1989. – 196 с.
195. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999.
196. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25-34.
197. Постовалова В.И. Язык и человек в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – С. 51-58.
198. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999.

199. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Язык мимики и жестов. – М.: Сполохи, 1998.
200. Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия). – М.: Рус. яз., 1986.
201. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. – М.: Рус. яз., 1996.
202. Психосоматика: Взаимосвязь психики и здоровья. Хрестоматия. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
203. Путягин Г.А. О принципах организации групп слов в лексической системе (на материале имен существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической красоты и физической силы): Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1975.
204. Рассел Б. История западной философии. – М.: Миф, 1993.
205. Резанова З.И. Метафора в историко-лингвистическом аспекте // Актуальные проблемы русистики / Под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Том. гос. ун-т, 2000. – С. 212-217.
206. Розин В.М. Образ человека в контексте современности. От психической личности к эзотерической? // Философ. науки. – 2000. - №1. – С. 96-107.
207. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988а.
208. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988б.
209. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1992.
210. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: соотношенность и организация: Автореф. дисс ... докт. филол. наук. – Алматы, 2002. – 50 с.

211. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М.: Академия; Высш. школа, 2000.
212. Свирида И.И. Человек / нечеловек в искусстве (о границах бытия) // Миф и культура: Человек-не-Человек: Тез. конф. – М.: Космополис, 1994. – С. 467-477.
213. Свирида И.И. Человек в контексте культуры // Человек в контексте культуры. Славянский мир. – М.: Космополис, 1995. – С. 7-14.
214. Седова Н.А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира (на материале семантико-функционального макрополя «часть человека» в современном русском языке): Дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2000.
215. Семантика слова и семантика высказывания. – М.: МГУ, 1989.
216. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: СПб. ун-т, 1999. – С. 126-130.
217. Серова К.А. Прагматический фокус и перспектива в словесном портрете в английской прозе XX века (на материале романов В. Вулф и Д. Фаулза): Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 1996.
218. Сестры Сорины. Язык одежды, или Как понять человека по его одежде. – М.: Гном-Пресс, 1998.
219. Сизова К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995.
220. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: СПб. ун-т, 1993.
221. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб.: СПб. ун-т, 2000.
222. Современная западная философия: Словарь. – М.: Остожье, 1998.
223. Сомоди И. О чем говорят ваши ноги. – СПб.: Питер Паблишинг, 1997.
224. Сорокин Ю.А. Антропосемиология: основные понятия и их предварительная интерпретация // Семантика и прагматика текста. – Барнаул: Алтайский технич. ун-т, 1998. – С. 30-32.

225. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs. Антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 52-58.

226. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М.: МГУ, 1978. – С. 133-138.

227. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Семантика и прагматика текста. – Барнаул: Алтайский технич. ун-т, 1998. – С. 32-37.

228. Старикова Г.В. Лексика портретных описаний: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1985.

229. Степанов С. С. Язык внешности. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

230. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.

231. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1985.

232. Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Киев, 1991.

233. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 34-41.

234. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.

235. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – С. 65-74.

236. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-25.

237. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.
239. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. – Павлодар: Павлод. гос. ун-т, 1999.
240. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф.И. Тютчева): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
241. Тимеа Чэтэ. Соматические фразеологизмы в русском и венгерском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
242. Тищенко П. Дано мне тело... // Человек, 1990, №3. – С.
243. Топорков А.А. Словесный портрет. – М.: Юристъ, 1999.
244. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс – Культура, 1995.
245. Трофимова У.М. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «части человеческого тела» (на материале русского и китайского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999.
246. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Комплексный функционально-когнитивный словарь. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1998.
247. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопр. языкознания. – 1995. – №3. – С. 3-16.
248. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопр. языкознания. – 1998. – №2. – С. 3-21.
249. Уфимцева А.А. Лексическое значение (принципы семасиологического описания лексики). – М.: Наука, 1986.
250. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139-162.
251. Фаст Дж. Язык тела. – М.: Вече-АСТ, 1997.

252. Федотова Т.Н. Лексико-семантическое поле красоты в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999.
253. Федяева Н.Д. Средний человек как объект оценки // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омс. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1. – С. 58-66.
254. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997.
255. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999.
256. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. – М.: Филология, 1995. – С. 74-117.
257. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
258. Харченкова Л.И., Шашков Ю.А. Облик человека в зеркале русского и испанского языков // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 312-319.
259. Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М.: Ун-т дружбы народов, 1991.
260. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992.
261. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991а.
262. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991б.
263. Чередниченко Т. Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: Актуальный лексикон истории культуры. – М.: Нов. лит. обозрение, 1999.
264. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1987.

265. Шенделева Е.А. Ассоциативно-образное семантическое поле как единица анализа образного строя языка // Актуальные проблемы русистики / Под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Том. гос. ун-т, 2000. – С. 116-128.
266. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
267. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973.
268. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов н/Дону: Феникс, 1997.
269. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974.
270. Эстетика: Словарь. – М.: Политиздат, 1989.
271. Этнопсихоллингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988.
272. Яворская Г.М. Образ человека в движении (к описанию этноцентрических стереотипов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международ. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 304-312.
273. Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омс. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1.
274. Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука, 1989.
275. Язык и культура: Факты и ценности / Отв. Ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки русской культуры, 2001.
276. Язык и наука конца 20 века. – М.: Филология, 1995.
277. Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977.
278. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.
279. Янко Т.Е. Человек и мир в коммуникативной структуре предложения // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Шатуновского. – М.: Индрик, 1999. – С. 205-221.

280. Яременко С.Н. Внешность человека в культуре. – Ростов н/Д: Ростов. ун-т, 1992.
281. Iordanskaja Lidia and Slava Paperno 1995 The Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. – Columbus : Ohio.
282. Jackendoff R. Semantics and cognition. – Cambridge (MA): MIT, 1983.
283. Jackendoff R. Languages of the mind: essays on mental representation. – Cambridge (MA): MIT, 1992.

Список опубликованных источников эмпирического материала

Лексикографические источники

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – М.: Рус. яз, 1986.
2. Баранов О.С. Идеографический словарь. – М.: ЭСТ, 1995.
3. Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека. – М.: Космополис, 1994.
4. Воробьев Б.Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд»: Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 1999.
5. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979.
6. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1984.
7. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: Рус. яз., 1984.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Вып. 2.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
10. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 2000.
11. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: НТЛ, 1997.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
13. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 2-х т. – Л.: Наука, 1970-1971.

14. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет русской тюрьмы) / Авторы-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М.: Края Москвы, 1992.

15. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1.

17. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987.

18. Черных П.Я. историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1.

Публицистические источники (1998-2002 гг.)

Газеты: «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Ваш Ореол», «Новое обозрение», «НОС», «Омский вестник», «Четверг».

Журналы: «Космополитэн», «Домовой», «Вог», «Домашний очаг», «Эль», «Караван историй», «Киноафиша».

Литературные источники

1. Аксенов В.П. Апельсины из Марокко: Повести. – М.: Изограф: ЭКСМО-Пресс, 2001.

2. Акунин Б. Азазель: Роман. – М.: Захаров, 2000.

3. Акунин Б. Пелагия и Черный монах: Роман. – М.: Астрель, 2001.

4. Бедный Б. Девчата: Повесть и рассказы. – М.: Современник, 1983.

5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Высш. школа, 1989.

6. Бунин И.А. Антоновские яблоки: Повести и рассказы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1979.

7. Былины. – М.: Современник, 1991.

8. Васильев Б.Л. Карнавал: Повесть // Наш современник. – 1991. - №1, 2.

9. Вересаев В.В. В тупике; Сестры. – М.: Кн. палата, 1990.
10. Гаршин В.М. Рассказы. – Л.: Худож. лит., 1978.
11. Герцен А.И. Былое и думы: Детская и университет; Тюрьма и ссылка; Владимир-на-Клязьме; Москва, Петербург и Новгород. – Минск: Нар. асвета, 1974.
12. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. – М.: Худож. лит., 1982.
13. Гоголь Н.В. Мертвые души: Поэма. – М.: Худож. лит., 1969.
14. Гончаров И.А. Обрыв: Роман. – М.: Современник, 1982.
15. Горький М. Жизнь Клим Самгина (Сорок лет): Повесть. – М.: Худож. лит., 1987.
16. Горький М. Книга о русских людях. – М.: Вагриус, 2000.
17. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. – М.: Худож. лит., 1985.
18. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман. – М.: Сов. Россия, 1981.
19. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Наука, 1977.
20. Зоценко М.М. Суета сует. – М.: Рус. кн., 1993.
21. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. – М.: Худож. лит., 1986.
22. Кольцов А.В. Стихи и песни. – Л.: Дет. лит., 1984.
23. Куприн А.И. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1985.
24. Лермонтов М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. – М.: Худож. лит., 1984.
25. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. – Л.: Лениздат, 1983.
26. Нароков Н. Мнимые величины: Роман. – М.: Худож. лит., 1990.
27. Новикова О.И. Мужской роман; Женский роман. – М.: Вагриус, 2000.
28. Одоевцева И.В. На берегах Невы: Лит. мемуары. – М.: Худож. лит., 1989.
29. Одоевцева И.В. На берегах Сены: Лит. мемуары. – М.: Худож. лит., 1989.
30. Полонский Я.П. Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1981.
31. Пословицы русского народа: Сб. В.И. Даля. – М.: Гослитиздат, 1957.

32. Пушкин А.С. Драматические произведения; Проза. – М.: Худож. лит., 1981.
33. Пушкин А.С. Сказки. – М.: Худож. лит., 1975.
34. Салтыков-Щедрин М. Е. Избранное. – М.: Современник, 1976.
35. Толстой А.К. Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1984.
36. Толстой А.Н. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1990.
37. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман. – М.: Худож. лит., 1981.
38. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман. – М.: Современник, 1978.
39. Тургенев И.С. Рудин; Дворянское гнездо; Повести. – М.: Худож. лит., 1980.
40. Тэффи Н.А. Юмористические рассказы; Из «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом». – М.: Худож. лит., 1990.
41. Фадеев А.А. Разгром: Роман. – Омск: Кн. изд-во, 1982.
42. Фет А.А. Лирика. – Ростов н/Д: Феникс, 1996.
43. Чехов А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1983.
44. Шолохов М.А. Поднятая целина: Роман. – М.: Современник, 1981.
45. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман. – М.: Синергия: Моск. учеб., 2001.

Список сокращений

ЯКМ – языковая картина мира;

ЛСГ – лексико-семантическая группа;

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990;

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996;

посл. – пословицы; был. – былины; газ. – газеты; жур. – журналы;

р/р – разговорная речь; т/п – телепередача; р/п – радиопередача; к/ф – кинофильм; т/ф – телефильм; т/с – телесериал.

Приложение

Данные экспериментального анкетирования «Положительно / отрицательно оцениваемый облик человека (мужские и женские представления)»

Образец опросного листа

Положительный внешний облик			Отрицательный внешний облик		
Параметр	мужчина	женщина	Параметр	мужчина	Женщина
Фигура (в целом)			Фигура (в целом)		
Руки			Руки		
Ноги			Ноги		
Другой партитив (часть тела)			Другой партитив (часть тела)		
Лицо (в целом)			Лицо (в целом)		
Глаза			Глаза		
Нос			Нос		
Губы (рот)			Губы (рот)		
Другой партитив (часть лица)			Другой партитив (часть лица)		
Волосы			Волосы		
Одежда			Одежда		
Обувь			Обувь		
Используй- вание косметики			Используй- вание косметики		
Аксессуары			Аксессуары		
Походка			Походка		
Манеры, жесты			Манеры, жесты		
Запах			Запах		

Голос			Голос		
Другое			Другое		

Представления женщин

Положительный образ мужчины

Фигура: развитая мускулатура – 48,1%, высокого роста – 23,8%, пропорциональная – 19,7%, осанка прямая – 6,9%, средней полноты – 5%, среднего роста – 3,4%, худая – 1,3%, крупная – 0,9%, гибкая – 0,9%, коренастая – 0,9 %, загорелая кожа – 0,6%.

Руки: развитая мускулатура – 44,7%, ухоженные – 23,4%, средней полноты – 10%, средней длины – 9,4%, крупная ладонь – 9%, пальцы длинные – 6,2%, длинные – 2,8%, нежные – 2,5%, волосатые – 1,3%, загорелые – 1,3%, пальцы прямые – 0,9%, узкая кисть – 0,9%, любые – 0,3%, теплые – 0,3%, белые – 0,3%.

Ноги: развитая мускулатура – 21,3%, прямые – 18,1%, длинные – 11,6%, средней полноты – 9,1%, стройные – 6,3%, средней длины – 5%, волосатые (слегка) – 4,7%, ухоженные – 3,1%, кривые (слегка) – 1,9%, худые – 0,6%, загорелые – 0,6%, крупные ступни – 0,6%, любые – 0,6%.

Другие части тела:

Плечи широкие – 17,5%.

Пресс накачанный – 9,1%.

Ягодицы подтянутые – 4%, маленькие – 2,2%, круглые – 1,3%.

Грудь широкая – 3,8%, накачанная – 3,8%, волосатая – 1,3%.

Таз узкий – 3,8%.

Спина широкая – 1,6%, накачанная – 1,6%.

Талия узкая – 1,6%.

Шея крепкая – 1,6%.

Лицо: овальное – 20,3%, с приятным выражением – 17,8%, ухоженное – 11,1%, правильные черты – 8,4%, загорелое – 6%, бритое – 5%, круглое – 4,1%, выразительное – 3,8%, узкое – 2,5%, доброе – 2,5%, скуластое – 2,5%, улыбающееся – 1,9%, умное – 1,9%, волевое – 1,6%.

Глаза: карие – 24,1%, голубые – 22,5%, большие – 15,9%, выразительные – 10,4%, серые – 6,6%, зеленые – 5,9%, любые – 4,7%, ясные – 3,4%, миндалевидные – 3,1%, умные – 3,1%, синие – 1,8%, насмешливые – 1,3%.

Нос: прямой – 46,6%, средней длины – 14,1%, с небольшой горбинкой – 12,3%, средней толщины – 2,5%, изящный – 2,2%, курносый – 1,9%, любой – 1,3%.

Рот: средней величины – 36%, большой – 2,8%, маленький – 1,6%.

Губы: средней полноты – 36%, полные – 21,9%, четко очерченные – 11,3%, чувственные – 7,5%, тонкие – 7,2%, алые – 2,8%, упругие – 1,9%, сжатые – 1,9%, мягкие – 1,6%, ухоженные – 1,3%, с приятной улыбкой на губах – 0,9%, любые – 0,6%, бантиком – 0,3%.

Другие части лица:

Уши маленькие – 6,6%, прижатые – 3,8%.

Зубы белые – 5,9%, ровные – 5%.

Брови широкие – 3,1%, средней ширины – 1,9%.

Лоб высокий – 3,1%, средний – 2,8%.

Скулы выраженные – 3,1%.

Ямочки на щеке или подбородке – 3,1%.

Волосы: темные – 35,6%, короткие – 24,7%, ухоженные – 14,7%, русые – 14%, уложенные – 13,4%, светлые – 10%, густые – 7,5%, вьющиеся – 7,2%, блестящие – 4,1%, прямые – 3,4%, любые – 3,4%, мягкие – 3,4%, челка – 1,5%, длинные –

1,5%, с сединой - 1,2%, обесцвеченные – 0,6%, насыщенного цвета – 0,3%, мелированные – 0,3%, бритый – 0,3%.

Одежда: со вкусом – 32,5%, опрятная – 31,3%, строгая – 17,5%, спортивная – 10,9%, модная – 8,6%, классическая – 4,7%, темная – 4,1%, мужская – 2,8%, удобная – 2,5%, светлая – 2,8%, свободная – 1,6%, дорогая – 1,6%, любая – 1,2%.

Обувь: опрятная – 50,9%, со вкусом – 17,2%, модная – 8,4%, туфли – 5,6%, спортивная – 5%, классическая – 4,1%, дорогая – 3,8%, ботинки – 2,8%, кожаная – 1,3%, добротная – 1,3%.

Походка: уверенная – 32,5%, ровная – 25,3%, свободная – 9,4%, энергичная – 8,8%, легкая – 5,9%, мужественная – 4,4%, степенная – 3,8%, плавная – 3,1%, маленький шаг – 1,9%, широкий шаг – 0,9%.

Манеры / жесты: воспитанные – 26,9%, сдержанные – 8,8%, плавные – 6,9%, четкие – 5%, естественные – 2,8%.

Запах: одеколona – 35%, чистого тела – 14,7%, приятный – 13,4%, резкий – 9,4%, легкий – 5,3%, нежный – 5,3%, горький – 2,5%, табака – 1,6%, без запаха – 1,6%, сладкий – 0,9%, хвои – 0,9%, чувственный – 0,6%, пота – 0,6%, дорогого одеколona – 0,3%.

Отрицательный образ мужчины

Фигура: толстая – 47,5%, худая – 34,6%, сутулая – 29,3%, низкого роста – 27,2%, непропорциональная – 16,5%, обрюзгшая – 12,5%, высокого роста – 3,4%, женоподобная – 2,2%, коренастая – 1,6%, очень накачанная – 1,3%, хромой – 0,6%, с физическими недостатками – 0,3%.

Руки: неухоженные – 27,5%, длинные – 20,9%, худые – 20,4%, короткие – 19,4%, волосатые – 11,9%, толстые – 11,6%, ненакачанные – 9,4%, маленькая кисть – 7,8%, толстые пальцы – 5,3%, короткие пальцы – 4,7%, крупная кисть – 4,1%, кривые – 3,8%, с нарушением целостности кожного покрова (синяки, бородавки, ссадины и под.) – 3,5%, кривые пальцы – 2,8%, грубые – 2,5%, женские – 2,5%, влажные – 2,2%, костлявые пальцы – 1,3%, бледные – 1,3%, жилистые – 0,6%, с татуировкой – 0,6%, желтые от курения – 0,3%, холодные – 0,3%, без волос – 0,3%, синие – 0,3%.

Ноги: кривые – 48,4%, короткие – 26,2%, волосатые – 14,4%, худые – 13,8%, толстые – 12,8%, косолапые – 7,5%, маленькая стопа – 4,4%, очень длинные – 4,1%, дряблые – 3,4%, большая стопа – 3,1%, неухоженные – 2,8%, прямые – 1,6%, разной длины – 0,9%, с нарушением целостности кожного покрова – 0,9%, без волос – 0,6%, острые колени – 0,3%, выступающие вены – 0,3%, жирные икры – 0,3%, сильно накачанные – 0,3%.

Другие части тела:

Уши торчащие – 21,6%.

Плечи узкие – 10%, волосатые – 0,3%, покатые – 0,3%.

Зубы кривые – 6,2%, больные – 2,8%, желтые – 2,8%, нечищенные – 1,9%, отсутствуют – 1,3%, черные – 1,3%, вставные металлические – 0,6%, редкие – 0,3%, длинные – 0,3%, большие – 0,3%.

Грудь узкая – 3,8%, впалая – 3,8%, волосатая – 1,9%.

Шея короткая – 2,2%, толстая – 1,6%, грязная – 0,9%, длинная – 0,9%, тонкая – 0,6%.

Голова большая – 1,6%, маленькая – 0,3%.

Спина волосатая – 0,9%, широкая – 0,3%, узкая – 0,3%.

Кожа с нарушением целостности кожного покрова – 0,6%.

Туловище длинное – 0,3%.

Лицо: неухоженное – 26,5%, непропорциональные черты – 16,6%, небритое – 12,4%, круглое – 11,9%, толстое – 7,8%, с нарушением целостности кожного покрова – 6%, вытянутое – 5,6%, широкое – 5%, грубые черты – 4,7%, с отталкивающим выражением – 3,8%, скуластое – 3,4%, бледное – 3,1%, худое – 3,1%, злое – 2,8%, глупое – 2,2%, конопатое – 2,2%, красное – 2,2%, мелкие черты – 2,2%, морщинистое – 1,9%, запитое – 1,6%, треугольное – 1,6%, невыразительное – 1,3%, крупные черты – 1,3%, плоское – 0,9%, безвольное – 0,6%, обрюзгшее – 0,6%, равнодушное – 0,6%, наглое – 0,6%, презрительное – 0,3%, женоподобное – 0,3%, жалкое – 0,3%, грушевидное – 0,3%, ехидное – 0,3%, гладко выбритое – 0,3%.

Глаза: маленькие – 28,1%, узкие – 21,3%, большие – 12,5%, очень светлые – 10,6%, выпуклые – 8,4%, косые – 8,1%, бегающие – 5%, глубоко посаженные – 4,7%, злые – 4,1%, наглые – 3,8%, голубые – 3,4%, мутные – 3,4%, невыразительные – 3,1%, карие – 2,5%, черные – 1,9%, близко посаженные – 1,6%, заплывшие – 1,6%, серые – 1,6%, разного цвета – 1,3%, уставшие – 1,3%, хитрые – 1,3%, грустные – 1,3%, красные – 1,3%, равнодушные – 0,9%, неумытые – 0,9%, глупые – 0,9%, мешки под глазами – 0,9%, круги под глазами – 0,6%, разной величины – 0,6%, далеко посаженные – 0,6%, слезящиеся – 0,6%, пошлые – 0,3%, желтые – 0,3%, подслеповатые – 0,3%.

Нос: с горбинкой – 35,9%, большой – 31%, картошкой – 18,8%, длинный – 16,9%, курносый – 8,8%, толстый – 5,6%, маленький – 4,3%, широкий – 3,4%, прямой – 3,4%, приплюснутый – 2,5%, ноздри крупные – 2,5%, сломанный – 2,5%, красный – 1,9%, с широкими порами – 1,9%, острый – 1,3%, с волосами – 1,3%, короткий – 0,9%, утиный – 0,9%, с веснушками – 0,6%, бородавки – 0,6%, синий – 0,6%, тонкий – 0,6%, сопливый – 0,6%, невыразительный – 0,3%.

Рот: большой – 18,7%, маленький – 7,2%, кривой – 3,1%, открытый – 1,3%, безвольный – 0,6%, уголки вниз – 0,6%.

Губы: полные – 37,5%, тонкие – 36,6%, неровный контур – 3,8%, неухоженные – 3,1%, мокрые – 2,5%, поджатые – 1,9%, длинные – 1,6%, бантиком – 1,3%, бледные – 1,3%, очень яркие – 1,3%, злые – 0,9%, порванные – 0,3%, прямые – 0,3%, синие – 0,3%.

Другие части лица:

Подбородок двойной – 5,3%, вялый – 0,6%, тяжелый – 0,6%, срезанный – 0,3%, с ямочкой – 0,3%.

Брови густые – 5%, сросшиеся – 1,9%, нависающие – 1,3%, редкие – 1,2%, тонкие – 0,9%, рыжие – 0,6%.

Ресницы белые – 4,1%, короткие – 2,5%, густые – 1,9%, отсутствуют – 0,6%, рыжие – 0,3%, длинные – 0,3%.

Щеки полные – 3,4%, худые – 0,6%, круглые – 0,3%.

Лоб низкий – 3,1%, высокий – 1,6%, широкий – 1,6%, узкий – 0,6%.

Усы – 2,2%.

Борода присутствует – 1,9%, редкая – 0,9%.

Голова большая – 1,6%, маленькая – 0,3%.

Челюсть выступающая – 1,6%, квадратная – 1,3%.

Надбровье выступающее – 0,6%.

Кадык – 0,6%.

Очки – 0,6%.

Залысины – 0,3%.

Улыбка неприятная – 0,3%.

Волосы: неухоженные – 44,7%, длинные – 26,6%, лысина – 18,7%, редкие – 13,1%, неуложенные – 11,6%, рыжие – 9,7%, светлые – 8,1%, очень короткие – 6,2%, кудрявые – 5,3%, крашенные – 4,1%, отросшие – 3,8%, темные – 3,1%, неопределенного цвета – 0,9%, тонкие – 0,9%, тусклые – 0,9%, секущиеся – 0,6%, бритый – 0,6%, прямые – 0,6%, жесткие – 0,6%.

Одежда: неопрятная – 81,7%, безвкусная – 23,8%, не по фигуре – 10,3%, спортивная – 8,4%, вызывающая – 7,7%, немодная – 2,5%, широкая – 2,5%, очень опрятная – 0,9%, блеклая – 0,6%, дешевая – 0,6%, из грубого материала – 0,6%, не по сезону – 0,6%, как у всех – 0,3%, женская – 0,3%, унисекс – 0,3%, всегда одинаковая – 0,3%, строгая – 0,3%, неклассическая – 0,3%.

Обувь: неопрятная – 98%, безвкусная – 6,6%, спортивная – 5,5%, немодная – 5,5%, яркого цвета – 2,5%, на каблуке – 1,3%, неудобная – 0,9%, острые носки – 0,9%, дешевая – 0,9%, тяжелая – 0,6%, на платформе – 0,6%, не по размеру – 0,6%, дорогая – 0,3%, плохого качества – 0,3%, очень модная – 0,3%.

Походка: развязная – 40,6%, косолапая – 8,4%, прыгающая – 7,8%, тяжелая – 6,9%, шаркающая – 6,5%, женоподобная – 5,6%, неровная – 5,3%, неуверенная – 4,8%, семенящая – 3,8%, вялая – 3,8%, широкий шаг – 3,4%, быстрая – 2,8%, угловатая – 2,6%, хромота – 1,6%, нервная – 0,6%, размахивает руками – 0,3%, руки в карманах держит – 0,3%, мягкая – 0,3%.

Манеры / жесты: невоспитанные – 45,2%, много жестикулирует – 21,4%, резкие – 9,1%, матерится – 4,4%, скованные – 3,8%, женственные – 3,4%, громко говорит – 2,8%, самоуверенные – 2,5%, аристократические – 2,2%, вялые – 1,6%, суетливые – 1,6%, «распальцовка» – 1,3%, много говорит – 0,9%, неуверенные – 0,9%, чешется – 0,9%, курит в лицо – 0,6%, смеется громко – 0,3%, детские – 0,3%.

Запах: нечистого тела – 56%, резкого одеколона – 22,9%, неприятный – 17,8%, дешевого одеколона – 12,6%, перегара – 9,7%, табака – 8,1%, изо рта нечищеными зубами – 6,6%, сладкий – 4,1%, лука / чеснока – 1,6%, тухлый – 0,6%, кремом для обуви – 0,3%, горький – 0,3%, бензина – 0,3%.

Положительный образ женщины

Фигура: пропорционально сложенная – 92,5%, изящная – 13,4%, среднего роста – 13,1%, высокого роста – 10%, спортивная – 10%, округлые формы – 7,7%, правильная осанка – 6,6%, худая – 5,3%, гибкая – 1,6%, маленького роста – 1,25, любого роста – 1,2%.

Руки: ухоженные – 44,4%, нежные – 32,8%, округлые – 32,8%, пальцы длинные – 19,7%, тонкие – 15,9%, маленькая кисть – 13,7%, изящные – 11,3%, средней полноты – 10,9%, средней длины – 10,6%, пальцы тонкие – 6,3%, длинные – 4,1%, белые – 2,8%, запястье узкое – 2,2%, спортивные – 1,3%, гибкие – 0,9%.

Ноги: стройные – 67,2%, длинные – 46,9%, средней полноты – 7,5%, маленькая ступня – 6,6%, спортивные – 4,7%, ухоженные – 3,7%, средней длины – 3,1%, загорелые – 2,5%, тонкие – 2,2%, гладкие – 1,6%, изящные – 1,2%, узкие колени – 9%, тонкая лодыжка – 0,6%.

Другие части тела:

Талия узкая – 18,9%.

Грудь высокая – 11,5%, средней полноты – 7,9%, округлая – 2,2%, маленькая – 1,2%.

Шея длинная – 7,2%, тонкая – 2,2%.

Живот плоский – 6,8%, чуть выступающий – 1,5%.

Ягодицы округлые – 3%, упругие – 3%.

Плечи узкие – 2,8%, покатые – 0,3%, прямые – 0,3%.

Бедра широкие – 2,2%, умеренные – 2,2%, узкие – 0,3%.

Лицо: ухоженное – 31,9%, овальное – 24,1%, правильные черты – 22,4%, приятное – 20,9%, улыбающееся – 7,2%, круглое – 5,6%, румяное – 4,4%, тонкие черты – 3,1%, загорелое – 2,8%, доброе – 2,8%, узкое – 2,8%, выразительное – 2,5%, косметика в меру – 1,5%, бледное – 1,3%.

Глаза: большие – 72,6%, голубые – 23,4%, зеленые – 17,5%, карие – 15,4%, выразительные – 13,8%, серые – 9,4%, любого цвета – 7,2%, миндалевидные – 6,3%, среднего размера – 4,7%, ясные – 4,7%, черные – 3,5%, загадочные – 3,2%, синие – 3,1%, добрые – 1,6%.

Нос: прямой – 40%, средней величины – 19,4%, маленький – 19,1%, курносый – 14,1%, изящный – 12,2%, тонкий – 5,3%, средней длины – 4,4%, с горбинкой – 2,8%.

Рот: средней величины – 20,9%, маленький – 7,5%, большой – 1,6%.

Губы: полные – 33,4%, средней полноты – 27,5%, четко очерченные – 14,4%, чувственные – 8,1%, розовые – 7,2%, родинка над губой – 4,1%, бантиком – 3,1%, улыбающиеся – 2,8%, тонкие – 2,5%, нежные – 2,5%.

Другие части лица:

Ресницы длинные – 24,8%, густые – 7,9%, черные – 4,1%, загнутые – 1,3%.

Брови дугой – 9,7%, тонкие – 6,6%, выщипанные – 5%, средней толщины – 2,8%, черные – 2,2%, приподнятые – 1,3%.

Зубы ровные – 9,7%, белые – 9,1%, здоровые – 1,5%.

Уши маленькие – 5,3%, прижатые – 4,4%.

Скулы изящные – 3,1%.

Лоб средней высоты – 2,5%, высокий – 2,2%.

Ямочки – 2,5%.

Подбородок округлый – 2,2%.

Волосы: длинные – 38,1%, темные – 28,1%, светлые – 18,1%, ухоженные – 17,2%, густые – 16%, уложенные – 12,8%, волнистые – 10,9%, блестящие – 10,6%, русые – 7,8%, средней длины – 7,2%, любого цвета – 6,3%, прямые – 5,6%, мягкие – 5,3%, короткие – 5%, натуральные – 4,4%, рыжие – 1,3%.

Одежда: со вкусом – 51,6%, по фигуре – 23,4%, опрятная – 17,2%, модная – 12,2%, женственная – 9,6%, строгая – 8,7%, спортивная – 3,8%, удобная – 3,4%, экстравагантная – 3,1%, брюки – 1,6%, дорогая – 1,6%.

Обувь: со вкусом – 29,7%, опрятная – 27,2%, на высоком каблуке – 21,5%, туфли – 12,1%, модная – 10,6%, удобная – 7,5%, изящная – 4%, дорогая – 2,8%, на тонкой подошве – 2,5%, добротная – 2,2%, любая – 2,2%, легкая – 1,3%.

Походка: легкая – 26,2%, ровная – 21,5%, покачивая бедрами – 19,7%, плавная – 18,4%, изящная – 15%, уверенная – 9,1%, свободная – 8,5%, спокойная – 5,3%, медленная – 3,4%, стремительная – 1,6%, величественная – 1,3%.

Манеры / жесты: воспитанные – 22,5%, сдержанные – 18,8%, плавные – 12,8%, изящные – 10,9%, естественные – 8,7%, кокетливые – 4,7%, уверенные – 2,2%.

Запах: духами – 37,5%, нежный – 34,7%, чистого тела – 17,5%, сладкий – 8,8%, дорогих духов – 4,1%, цветочный – 3,4%, фруктовый – 2,5%, индивидуальный – 1,6%, стойкий – 1,6%.

Отрицательный образ женщины

Фигура: толстая – 49,1%, худая – 28,5%, сутулая – 23,5%, непропорциональная – 16,3%, маленького роста – 13,8%, высокого роста – 5,9%, обрюзгшая – 5,6%, мужеподобная – 5,3%, накачанная – 1,3%, крупная – 1,3%.

Руки: неухоженные – 38,4%, короткие – 15,3%, толстые – 15,3%, длинные – 10,9%, худые – 10,6%, короткие пальцы – 6,6%, крупная ладонь – 6,6%, грубые – 5%, волосатые – 4,4%, толстые пальцы – 3,7%, накачанные – 2,2%, жилистые – 1,9%, дряблые – 1,6%.

Ноги: кривые – 62,7%, короткие – 21,6%, волосатые – 20,9%, толстые – 19,4%, худые – 14,1%, косолапые – 4,4%, непропорциональные – 4,3%, неухоженные – 3,8%, длинные – 2,2%, мускулистые – 2,2%.

Другие части тела:

Живот большой – 11,9%.

Грудь плоская – 5,3%, маленькая – 3,1%, очень большая – 3,1%, висит – 1,9%.

Шея короткая – 4,1%.

Талия отсутствует – 3,8%.

Плечи широкие – 3,1%.

Ягодицы очень большие – 1,6%, дряблые – 1,3%, плоские – 1,3%.

Лицо: неухоженное – 34,1%, круглое – 9,4%, непропорциональные черты – 5,9%, грубые черты – 5,9%, крупное – 5,3%, дряблое – 4,7%, квадратное – 4,4%, длинное – 4,1%, худое – 4,1%, толстое – 4,1%, скуластое – 3,4%, очень накрашенное – 2,8%, злое – 2,8%, мелкие черты – 1,6%, веснушчатое – 1,6%.

Глаза: маленькие – 27,8%, узкие – 17,5%, навывкат – 13,8%, очень светлые – 9,7%, косые – 7,5%, очень большие – 5%, невыразительные – 4,1%, близко посаженные – 3,1%, карие – 3,1%, злые – 2,8%, глубоко посаженные – 2,8%, мутные – 2,5%, зеленые – 1,9%, красные – 1,6%, глупые – 1,3%, хитрые – 1,3%.

Нос: с горбинкой – 27,2%, большой – 25,6%, длинный – 19,1%, картошкой – 13,1%, курносый – 11,9%, широкий – 4,4%, толстый – 4,4%, маленький – 2,5%, острый – 2,5%, тонкий – 1,9%, прямой – 1,3%, приплюснутый – 1,3%.

Рот: большой – 17,8%, маленький – 6,3%, кривой – 1,6%.

Губы: тонкие – 40%, толстые – 28,8%, бесформенные – 2,8%, бледные – 2,2%, неухоженные – 2,2%, вывернутые – 1,6%, накрашенные неаккуратно – 1,6%, синие – 1,3%.

Другие части лица:

Уши большие – 9,4%, торчащие – 7,5%.

Подбородок двойной – 7,5%, квадратный – 1,9%.

Брови густые – 7,2%, светлые – 1,9%, сросшиеся – 1,5%.

Волосы на лице – 5,1%.

Зубы кривые – 4,3%, больные – 1,9%, нечищенные – 2,5%.

Ресницы короткие – 3,8%, отсутствуют – 3,1%, редкие – 1,9%, светлые – 1,5%.

Бородавки – 2,8%.

Лоб высокий – 1,9%, низкий – 1,9%.

Шрамы – 1,6%.

Волосы: неухоженные – 44%, неуложенные – 17,2%, редкие – 15,3%, очень короткие – 8,1%, крашенные – 6,9%, рыжие – 6,2%, бритая (лысая) – 4,4%, кудрявые – 3,2%, тусклые – 3,1%, плохо подстрижены – 2,2%, длинные – 2,2%, светлые – 1,9%, прямые – 1,6%, жесткие – 1,6%, крашенные в яркий цвет – 1,6%, тонкие – 1,6%, темные – 1,3%, прическа не идет – 1,3%.

Одежда: неопрятная – 55%, безвкусная – 27,5%, вызывающая – 11%, яркая – 9,1%, не идет – 6,2%, свободная – 5%, немодная – 3,8%, спортивная – 3,1%, дешевая – 1,3%.

Обувь: неопрятная – 72,9%, безвкусная – 14,1%, на платформе – 5%, не по размеру – 4,1%, немодная – 4,1%, грубая – 2,8%, без каблука – 2,2%, спортивная – 2,2%, дешевая – 1,9%, вызывающая – 1,9%, плохого качества – 1,6%, высокие и толстые каблуки – 1,3%.

Походка: тяжелая – 21,7%, переваливается – 17,2%, вульгарная – 11,3%, широкий шаг – 7,2%, быстрая – 4,7%, шаркает – 4,4%, подпрыгивает – 4,1%.

семенит – 3,8%, машет руками – 3,1%, скованная – 2,5%, подгибает колени – 2,2%, уставшая – 1,9%.

Манеры / жесты: невоспитанные – 41,6%, чрезмерная жестикуляция – 17,6%, резкие – 7,2%, матерится – 6,3%, громко говорит – 5,3%, неестественные – 4,7%, мужеподобные – 3,8%, курит – 3,1%, скованные – 2,5%, вялые – 1,3%.

Запах: нечистого тела – 38,5%, неприятный – 15%, резкий – 14,7%, сладкий – 7,8%, очень надушена – 6,3%, дешевых духов – 5,9%, табака – 5,3%, спиртного – 3,4%, цветочный – 1,3%.

Представления мужчин

Положительный образ мужчины

Фигура: развитая мускулатура – 56,2%, пропорциональная – 44,9%, высокого роста – 8,9%, крупная – 5,7%, грубая – 5,7%, среднего роста – 3,3%, правильная осанка – 1,1%, худая – 1,1%, пухлая – 1,1%.

Ноги: развитая мускулатура – 42,7%, средней длины – 21,3%, средней полноты – 21,3%, прямые – 19,1%, длинные – 9,1%, крупная ступня – 5,7%, волосатые – 4,5%, ухоженные – 3,3%, кривые – 1,1%, пухлые – 1,1%, короткие – 1,1%.

Руки: развитая мускулатура – 63%, средней длины – 22,5%, средней полноты – 22,5%, ухоженные – 12,3%, крупная ладонь – 5,7%, длинные – 3,4%, грубоватые – 2,2%, волосатые – 2,2%, жилистые – 1,1%, длинные пальцы – 1,1%, гладкие – 1,1%, узкое запястье – 1,1%.

Другие части тела:

Плечи широкие – 13,4%.

Живот подтянутый – 6,8%.

Ягодицы накачанные – 4,5%.

Лицо: правильные черты – 18%, овальное – 11,2%, ухоженное – 9%, умное – 6,8%, средней полноты – 5,6%, бритое – 4,5%, круглое – 4,5%, мужественное – 4,5%, квадратное – 4,5%, выразительный взгляд – 4,5%, приятное – 3,4%, радостное выражение – 3,4%, строгое – 3,4%, со шрамами – 2,2%, смуглое – 2,2%, с щетиной – 2,2%, уверенное – 2,2%, румяное – 2,2%, доброе – 1,1%, открытое – 1,1%, скуластое – 1,1%.

Глаза: карие – 23,6%, голубые – 16,9%, средней величины – 14,5%, любые – 13,5%, зеленые – 10,1%, большие – 9%, серые – 6,8%, миндалевидные – 5,6%, черные – 5,6%, живые – 2,2%, смеющиеся – 2,2%, выразительные – 2,2%, приветливые – 1,1%, спокойные – 1,1%, прищуренные – 1,1%, синие – 1,1%, умные – 1,1%, ясные – 1,1%.

Нос: прямой – 34,9%, средней длины – 32,6%, средней величины – 32,6%, с горбинкой – 11,3%, маленький – 6,8%, чуть курносый – 4,5%, любой – 3,4%, тонкий – 2,2%, изящный – 2,2%, заостренный – 1,1%.

Рот: средней величины – 43,8%, маленький – 6,8%, большой – 3,4%.

Губы: средней полноты – 44,9%, тонкие – 10,1%, полные – 9%, четко очерченные – 5,6%, ухоженные – 5,6%, любые – 4,5%, сжатые – 4,5%, чувственные – 3,4%, прямые – 2,2%, улыбающиеся – 2,2%, приятные – 1,1%, бантиком – 1,1%.

Другие части лица:

Зубы белые – 7,9%, ровные – 5,6%.

Подбородок квадратный – 6,8%, небольшой – 3,4%, с «ямочкой» – 2,2%.

Брови аккуратные – 2,2%, густые – 1,1%.

Усы, борода – 2,2%.

Уши прижатые – 2,2%, чистые – 1,1%, здоровые – 1,1%.

Ямочки на щеках – 1,1%.

Лоб маленький – 1,1%.

Волосы: темные – 24,4%, короткие – 21,1%, любого цвета – 14,7%, ухоженные – 12,3%, густые – 12,3%, аккуратно причесанные – 6,7%, светлые – 5,6%, длинные – 4,5%, прямые – 3,4%, русые – 3,4%, настоящие – 2,2%, лысый – 2,2%, волнистые – 2,2%, натурального цвета – 1,1%.

Одежда: опрятная – 26,9%, со вкусом – 23,6%, модная – 18%, мужская – 13,4%, строгого стиля – 11,3%, спортивная – 10,1%, темная – 7,8%, простая – 6,8%, дорогая – 4,4%, любая – 2,2%, нейтральных цветов – 1,1%.

Обувь: со вкусом – 21,3%, опрятная – 17%, туфли – 13,4%, спортивная – 12,3%, модная – 9%, удобная – 6,8%, на толстой подошве – 4,5%, добротная – 3,4%, ботинки – 3,4%, темная – 2,2%, новая – 2,2%, дорогая – 1,1%, любая – 1,1%, обычная – 1,1%.

Походка: уверенная - 60,6%, ровная – 58,4%, плавная – 6,8%, спокойная – 6,8%, стремительная – 5,6%, вальяжная – 5,6%, сексуальная – 3,4%, любая – 1,1%.

Манеры / жесты: воспитанные – 31,5%, спокойные – 14,6%, естественные – 6,7%.

Запах: хорошего одеколона – 25,8%, чистого тела – 16,8%, приятный – 12,4%, лесной – 1,1%, сладкий – 1,1%, горький – 1,1%, мужской – 1,1%.

Отрицательный образ мужчины

Фигура: толстая – 42,2%, худая – 36,7%, сутулая – 16,7%, непропорциональная – 14,4%, маленького роста – 10%, обрюзгшая – 5,6%, высокого роста – 3,3%, накачанная – 3,3%, женоподобная – 2,2%, среднего роста – 1,1%, крупная – 1,1%.

Руки: худые – 23,3%, неухоженные – 22,2%, длинные – 17,8%, волосатые – 14,4%, короткие – 11,1%, кривые – 10%, толстые – 7,8%, слабые – 6,7%, маленькая кисть – 4,4%, очень накачанные – 4,4%, крупная ладонь – 4,4%, нежные – 3,3%, дряблые – 2,2%, разной длины – 1,1%, трясутся – 1,1%, длинные пальцы – 1,1%, короткие пальцы – 1,1%, короткие ногти – 1,1%, тонкие пальцы – 1,1%, толстые пальцы – 1,1%.

Ноги: кривые – 38,9%, короткие – 26,7%, худые – 17,8%, толстые – 8,9%, косолапые – 6,7%, волосатые – 5,6%, очень накачанные – 4,4%, длинные – 4,4%, неухоженные – 4,4%, слабые – 3,3%, маленькая стопа – 2,2%, белые – 1,1%.

Другие части тела:

Живот толстый – 8,9%.

Плечи узкие – 2,2%, широкие – 1,1%.

Бедра широкие – 2,2%.

Ягодицы толстые – 2,2%.

Голова большая – 1,1%, маленькая – 1,1%.

Шея толстая – 1,1%, короткая – 1,1%.

Лицо: неухоженное – 18,9%, непропорциональные черты – 18,9%, длинное – 10%, круглое – 7,8%, квадратное – 5,6%, небритое – 5,6%, с нарушением целостности кожного покрова – 4,4%, морщинистое – 4,4%, полное – 4,4%, глупое – 3,3%, широкое – 3,3%, злое – 2,2%, треугольное – 2,2%, плоское – 2,2%, надменное – 2,2%, смазливое – 2,2%, опухшее – 2,2%, грубые черты – 2,2%, веснушчатое – 2,2%, женоподобное – 2,2%, худое – 1,1%, синяки под глазами – 1,1%, недовольное – 1,1%, с «ямочками» – 1,1%.

Глаза: большие – 15,6%, узкие – 12,3%, косые – 12,2%, маленькие – 11,1%, навывкат – 8,9%, черные – 3,3%, круглые – 3,3%, разные (по величине, форме,

цвету) – 5,6%, зеленые – 5,6%, очень светлые – 5,6%, голубые – 2,2%, глубоко посаженные – 2,2%, невыразительные – 2,2%, злые – 2,2%, мутные – 2,2%, ехидные – 2,2%, синие – 1,1%, заплывшие – 1,1%, глупые – 1,1%.

Нос: с горбинкой – 27,8%, большой – 24,4%, длинный – 22,2%, картошкой – 8,9%, курносый – 8,9%, маленький – 5,6%, тонкий – 2,2%, толстый – 2,2%, короткий – 2,2%, грязный – 1,1%, широкий – 1,1%, с волосами – 1,1%, приплюснутый – 1,1%, красный – 1,1%.

Рот: большой – 26,7%, маленький – 7,8%, кривой – 3,3%.

Губы: толстые – 33,3%, тонкие – 14,4%, неухоженные – 5,6%, бледные – 3,3%, бесформенные – 2,2%, сухие – 2,2%, женоподобные – 1,1%.

Другие части лица:

Зубы большие – 5,6%, больные – 4,4%, кривые – 3,3%, нечищенные – 3,3%, желтые – 2,2%, отсутствуют – 2,2%, черные – 1,1%.

Ресницы отсутствуют – 1,1%.

Подбородок двойной – 1,1%.

Скулы выражены – 1,1%.

Волосы: неухоженные – 33,3%, лысый – 21,1%, длинные – 11,1%, редкие – 8,9%, неуложенные – 7,8%, рыжие – 6,7%, светлые – 5,6%, черные – 2,2%, крашенные – 2,2%, очень короткие – 1,1%, прилизанные – 1,1%, седые – 1,1%, тонкие – 1,1%, вьющиеся – 1,1%.

Одежда: неопрятная – 67,8%, безвкусная – 8,9%, бесформенная – 5,6%, спортивная – 4,4%, яркая – 4,4%, вызывающая – 3,3%, женская – 2,2%, немодная – 2,2%, как у всех – 1,1%.

Обувь: неопрятная – 63,3%, немодная – 12,2%, спортивная – 6,7%, безвкусная – 5,6%, не по размеру – 2,2%, дешевая – 2,2%, как у всех – 2,2%, туфли – 1,1%, всегда одна и та же – 1,1%, яркая – 1,1%, на платформе – 1,1%, женская – 1,1%.

Походка: неровная – 16,7%, в развалку – 14,4%, шаркает – 8,9%, косолапая – 8,9%, скованная – 7,8%, женоподобная – 6,7%, дергается – 6,7%, вялая – 5,6%, неуклюжая – 4,4%, хромает – 3,3%, тяжелая – 2,2%, семенит – 2,2%, на носочках – 1,1%, размахивает руками – 1,1%, широкий шаг – 1,1%, спотыкается – 1,1%.

Манеры / жесты: невоспитанные – 31,2%, много жестикулирует – 12,2%, грубые – 8,9%, резкие – 5,6%, суетливые – 5,6%, женоподобные – 4,4%, небрежные – 5,6%, громко говорит, кричит – 4,4%, матерится – 3,3%, неестественные – 2,2%, скованные – 1,1%.

Запах: нечистого тела – 64,3%, неприятный – 44,4%, изо рта – 8,9%, перегара – 4,4%, очень надушен – 4,4%, табака – 2,2%, едой – 1,1%, травяной – 1,1%, сладкий – 1,1%, дешевый – 1,1%.

Положительный образ женщины

Фигура: пропорционально сложенная – 86,7%, прямая осанка – 13,3%, изящная – 12,2%, спортивная – 7,8%, высокого роста – 7,8%, округлые формы – 7,8%, среднего роста – 5,6%, средней полноты – 5,6%, маленького роста – 3,3%, худая – 3,3%, с загорелой кожей – 1,1%, гибкая – 1,1%, сексуальная – 1,1%.

Руки: нежные – 33,3%, округлые – 33,3%, ухоженные – 25,6%, средней длины – 25,6%, средней полноты – 21,1%, изящные – 16,7%, тонкие – 5,6%, тонкие пальцы – 4,4%, маленькая кисть – 3,3%, пальцы длинные – 3,3%, сильные – 1,1%.

Ноги: стройные – 47,8%, длинные – 35,5%, средней полноты – 15,6%, средней длины – 11,1%, ухоженные – 8,9%, изящные – 4,4%, спортивные – 3,3%, загорелые – 2,2%, тонкие – 2,2%, маленькая ступня – 2,2%, узкая щиколотка – 1,1%, высокая голень – 1,1%.

Другие части тела:

Грудь средней полноты – 8,9%, упругая – 6,7%, большая – 4,4%, высокая – 1,1%.

Талия тонкая – 7,8%.

Бедра широкие – 6,7%.

Уши маленькие – 5,6%, прижатые – 3,3%.

Ягодицы плотные – 4,4%.

Плечи узкие – 3,3%.

Живот подтянутый – 2,2%.

Пупок красивый – 1,1%.

Лицо: приятное – 31,2%, овальное – 23,3%, ухоженное – 17,8%, круглое – 14,4%, румяное – 8,9%, маленькое – 4,4%, доброе – 4,4%, белое – 3,3%, пропорциональные черты – 2,2%, нежное – 2,2%, узкое – 1,1%, честное – 1,1%, умное – 1,1%, ненакрашенное – 1,1%, веснушчатое – 1,1%.

Глаза: голубые – 25,5%, большие – 24,4%, карие – 20%, зеленые – 11,1%, любые – 11,1%, средней величины – 7,8%, выразительные – 7,8%, серые – 4,4%, черные – 2,2%, умные – 2,2%, миндалевидные – 1,1%, ясные – 1,1%.

Нос: прямой – 33,3%, средней длины – 25,6%, средней величины – 25,6%, маленький – 16,7%, изящный – 11,1%, курносый – 11,1%, с горбинкой – 4,4%, любой – 3,3%, узкий – 2,2%, короткий – 2,2%, острый – 1,1%.

Рот: средней величины – 18,9%, большой – 5,6%, маленький – 5,6%

Губы: средней полноты – 25,6%, полные – 18,9%, чувственные – 16,7%, тонкие – 7,8%, аккуратно очерченные – 7,8%, нежные – 7,8%, яркие – 4,4%, влажные – 3,3%, бантиком – 2,2%, улыбающиеся – 2,2%, ухоженные – 1,1%, накрашенные – 1,1%, любые – 1,1%.

Другие части лица:

Щеки средней полноты – 7,8%.

Ресницы длинные – 5,6%, густые – 1,1%, черные – 1,1%.

Зубы белые – 4,4%, ровные – 4,4%, чистые – 1,1%, маленькие – 1,1%.

Подбородок округлый – 3,3%, маленький – 2,2%.

Брови тонкие – 3,3%, дугой – 2,2%.

Лоб широкий – 2,2%.

Скулы узкие – 1,1%.

Уши аккуратные – 1,1%, розовые – 1,1%.

Волосы: длинные – 30%, темные – 24,4%, светлые – 20%, ухоженные – 13,3%, густые – 8,9%, любые – 8,9%, русые – 8,9%, средней длины – 7,8%, короткие – 5,6%, уложенные – 5,6%, мягкие – 4,4%, прямые – 3,3%, натуральные – 2,2%, вьющиеся – 2,2%, крашенные – 2,2%, рыжие – 1,1%.

Одежда: со вкусом – 17,9%, модная – 14,4%, опрятная – 10%, женственная – 10%, соответствующая фигуре – 6,7%, строгий стиль – 3,3%, удобная – 3,3%, любая – 2,2%, экстравагантная – 1,1%, светлая – 1,1%, короткая – 1,1%, яркая – 1,1%.

Обувь: со вкусом – 23,3%, туфли – 18,9%, высокий каблук – 14,4%, опрятная – 13,3%, модная – 8,9%, на платформе – 6,7%, изящная – 5,6%, любая – 3,3%, кожаная – 2,2%, дорогая – 2,2%, спортивная – 2,2%, легкая – 1,1%, светлая – 1,1%, добротная – 1,1%.

Походка: ровная – 22,2%, покачивая бедрами – 21%, плавная – 18,9%, легкая – 16,7%, изящная – 7,8%, уверенная – 5,6%, любая – 3,3%.

Манеры / жесты: воспитанные – 23,3%, плавные – 15,5%, спокойные – 5,6%, естественные – 5,6%, необычные – 3,3%, мало жестов – 3,3%, любые – 1,1%.

Запах: духами – 33,3%, чистого тела – 30%, нежный – 12,2%, цветочный – 7,8%, сладкий – 2,2%, лесной – 1,1%, резкий – 1,1%, индивидуальный – 1,1%.

Отрицательный образ женщины

Фигура: толстая – 36,7%, обрюзгшая – 22,4%, худая – 20%, сутулая – 13,3%, непропорциональная – 11,1%, маленького роста – 6,7%, мужеподобная – 3,3%, мосластая – 1,1%, накачанная – 1,1%.

Руки: неухоженные – 16,7%, худые – 16,7%, волосатые – 16,7%, длинные – 14,4%, короткие – 14,4%, толстые – 7,8%, грубые – 5,6%, крупная ладонь – 5,6%, накачанные – 4,4%, бледные – 3,3%, дряблые – 3,3%, вены выступающие – 1,1%.

Ноги: кривые – 40%, короткие – 23,3%, толстые – 17,8%, худые – 15,6%, волосатые – 7,8%, очень длинные – 7,8%, дряблые – 4,4%, неухоженные – 4,4%, бледные – 1,1%, икры выступающие – 1,1%.

Другие части тела:

Бедра широкие – 5,6%.

Грудь большая – 3,3%, плоская – 3,3%, маленькая – 2,2%, висит – 1,1%.

Талия отсутствует – 3,3%.

Голова большая – 2,2%, маленькая – 2,2%.

Живот отвислый – 2,2%, большой – 1,1%.

Плечи широкие – 1,1%, узкие – 1,1%, прямые – 1,1%.

Шея тонкая – 1,1%.

Лицо: непропорциональные черты - 24,4%, неухоженное – 8,9%, морщинистое – 7,8%, бородавки и пр. – 6,7%, круглое – 5,6%, вытянутое – 4,4%, глупое – 4,4%, худое – 3,3%, крупное – 3,3%, плоское – 2,2%, грубое – 2,2%, опухшее – 2,2%, овальное – 2,2%, в очках – 1,1%, злое – 1,1%, недовольное – 1,1%, постоянная улыбка – 1,1%, маленькое – 1,1%, смуглое, - 1,1% наглое – 1,1%, широкое – 1,1%, грушевидное – 1,1%, бледное – 1,1%, мелкие черты – 1,1%, полное – 1,1%.

Глаза: узкие – 21,1%, очень большие – 11,1%, маленькие – 8,9%, навывкат – 8,9%, невыразительные – 8,9%, косые – 7,8%, очень светлые – 4,4%, черные – 3,3%, зеленые – 3,3%, глубоко посаженные – 2,2%, серые – 2,2%, разного цвета – 2,2%, грустные – 1,1%, злые – 1,1%, немигающие – 1,1%, лживые – 1,1%, бегающие – 1,1%, голубые – 1,1%, заплавленные – 1,1%, нетрезвые – 1,1%, мешки под глазами – 1,1%, заспанные – 1,1%.

Нос: большой – 15,6%, с горбинкой – 13,3%, длинный – 11,1%, картошкой – 10%, курносый – 7,8%, маленький – 4,4%, толстый – 2,2%, ноздри неровные – 2,2%, тонкий – 2,2%, приплюснутый – 1,1%, сопливый – 1,1%, прыщавый – 1,1%, широкий – 1,1%.

Рот: большой – 21,1%, маленький – 8,9%, провален – 1,1%.

Губы: очень полные – 25,6%, узкие – 23,3%, бесформенные – 3,3%, ссадины и др. нарушениями целостности кожного покрова – 3,3%, ярко окрашенные – 2,2%, неокрашенные – 1,1%, бледные – 1,1%.

Другие части лица:

Уши большие – 6,7%, торчащие – 4,4%, разные по форме или величине – 1,1%.

Зубы нечищенные – 3,3%, больные – 3,3%, отсутствуют – 3,3%, желтые – 3,3%, черные – 1,1%, кривые – 1,1%, торчат – 1,1%.

Ресницы отсутствуют – 2,2%, белые – 1,1%.

Брови отсутствуют – 1,1%, белые – 1,1%, густые – 1,1%.

Шрамы – 1,1%.

Волосы: неухоженные – 28,9%, налысо бритая – 17,8%, жидкие – 10%, неуложенные – 10%, крашенные – 8,9%, короткие – 8,9%, рыжие – 4,4%, тонкие – 3,3%, светлые – 3,3%, черные – 2,2%, висят – 2,2%, вьющиеся – 1,1%, ломкие – 1,1%.

Одежда: неопрятная – 60%, безвкусная – 11,1%, вызывающая – 8,9%, немодная – 5,6%, не идет – 3,3%, длинная – 2,2%, широкая – 2,2%, спортивная – 1,1%, как у всех – 1,1%.

Обувь: неопрятная – 60%, немодная – 13,3%, на платформе – 8,9%, спортивная – 6,7%, не идет – 4,4%, как у всех – 3,3%, дешевая – 2,2%, короткий каблук – 1,1%, яркого цвета – 1,1%, острый носок – 1,1%.

Походка: неровная – 24,5%, медленная – 8,9%, мужеподобная – 8,9%, в развалку – 7,8%, вызывающая – 7,8%, неуверенная – 7,8%, шаркает – 6,67%, неуклюжая – 6,7%, тяжелая – 4,4%, размахивает руками – 2,2%, семенит – 1,1%.

Манеры / жесты: невоспитанные – 22,2%, грубые – 17,8%, развязные – 15,6%, эмоциональные – 13,3%, резкие – 4,4%, неестественные – 4,4%, скованные – 2,2%, ленивые – 1,1%.

Запах: нечистого тела – 71,9%, очень надушена – 6,7%, резкий – 5,6%, одеколон, дезодорант с потом – 4,4%, перегаром – 3,3%, табаком – 2,2%, едой – 1,1%, сладкий – 1,1%, тяжелый – 1,1%.